

Дэн Барч

идеальная жена

Постчеловеческая история

Томск–2013

ББК 84стд1-445
Б267

Барчук Д.В. Идеальная жена. Постчеловеческая история. — Томск: Издательство «Печатная мануфактура», 2013. — 150 с.

ISBN 978-5-94476-280-1

Преуспевающий делец отчаялся найти достойную жену и заказал клонированную женщину, наделённую лучшими качествами его прежних подруг.

Издано в авторской редакции.

ISBN 978-5-94476-280-1

© Барчук Д.В., 2013
© ООО «Печатная мануфактура»,
макет, 2013

Посвящается женщине

Часть первая
ТВОРЕНИЕ

*Мы живём, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам.
А того, что нам хочется, нет...*

Игорь Северянин

Глава 1. Полено для папы Карло

*Мы не отступим, мы пробьём дорогу
туда, где замкнут мироздания круг, –
и что приписывалось раньше богу,
всё будет делом наших грешных рук!*

Степан Щипачёв

Я подтянулся на перилах и запрыгнул на лоджию. Мы жили тогда на первом этаже. Огляделся по сторонам, как вор. Вечерело, дети играли в песочнице, мужики в беседке резались в домино, старушки сплетничали на лавочке. На меня никто не обратил внимания. В этом доме я прожил пять с лишним лет, в лицо меня все знали. Заподозрить в криминале хозяина квартиры соседям и в голову бы не пришло. Парень, видать, забыл ключи от квартиры. С кем не бывает.

Я заранее поставил на кухне табурет под окно и отвёрткой ослабил шурупы на форточных защёлках. Нажал ладонью на край форточки, и она, пружиня, с ударом о вторую створку, распахнулась внутрь.

Неделю назад жена готовилась к отъезду, решила на время развода отвезти сына к матери. Поздним вечером я занёс деньги им на дорогу. Казначейские билеты всегда улучшали ей настроение. И на этот раз она смилостивилась и разрешила поиграть с сыном, а когда он заснул, даже предложила чаю. Малыш заплакал, она вышла в спальню. В это время я и приготовился к взлому.

Откуда взялся на подоконнике цветок? Я же специально расчищал место для приземления! Глиняный горшок с грохотом свалился на пол. Рассыпанную землю я заметал впотьмах. Жена могла прийти с минуты на минуту. Благо горшок остался цел, лишь слегка треснул, но

я поставил его трещиной к окну, чтобы она не бросалась в глаза. Потом накрепко прикрутил шурупы на защёлках и плотно закрыл форточки.

В ящичке кухонного шкафа отыскал нож с большим лезвием. Прошёл в гостиную и спрятался за шторой.

Расчёт мой был прост. Утром жена вернулась в город одна, без сына. Я сверялся, звонил ей на работу. Недельная разлука для любовников – солидный срок. Сердечный друг должен обязательно нарисоваться сегодня. Замок в двери она поменяла, ключ мне не дала. Значит, спокойна, что ревнивый муж, изгнанный из собственной квартиры, не ворвётся среди ночи.

А когда они улягутся в койку, и она будет стонать под ним, я войду в спальню и убью их обоих.

Жена пришла примерно через полчаса. Одна. Включила свет в прихожей и сразу побежала в туалет. Я уже начал сомневаться в обоснованности своих подозрений, но в дверь позвонили. Хозяйка спустила воду и, не помыв рук, побежала открывать. Это был он. Студент из соседнего подъезда. Мне было хорошо его видно через тюль.

Как-то осенним вечером, уставший после работы и обвешанный сетками с продуктами, я подходил к дому. И мой взгляд совершенно случайно задержался на одном окне. Обнаженные мужчина и женщина курили в форточку. У меня хорошее зрение. Родное белое тело жены трудно спутать с другой женщиной. Он первым увидел меня во дворе и указал рукой в мою сторону. Характерным, присущим только ей жестом великосветской дамы, она отмахнулась от проблемы как от назойливой мухи и увлекла его в темноту квартиры. Дескать, какие мелочи, дорогой, давай лучше займёмся делом.

Моя ладонь вспотела, сжимая рукоятку ножа. Сердце kloкотало от ненависти, но я сдерживался, твёрдо решив дожидаться постельной сцены.

Он протянул ей красную розу, в другой руке держал бутылку «Медвежьей крови». Они замерли в поцелуе.

Я бы на его месте сразу увлёк её в спальню, но студент оказался более воспитанным. И они пошли на кухню.

— Земля! Он был здесь! — раздался испуганный крик жены.

— Кто?

— Муж.

— Но как он сюда мог попасть? Я же сам менял замок. Ты ведь не давала ему ключи?

— Нет. Не давала. Но эта скотина всё может.

Они проверили вначале спальню, потом зашли в гостиную.

Я не позволил им включить электричество. Рывком отдернул штору и вышел в просвет.

— Молитесь, сволочи!

Они застыли как вкопанные. Их лица побелели от страха. Наверное, я был ужасен в этот миг. Из мрака в отблеске коридорного освещения сверкали мои, полные ненависти, глаза и лезвие ножа.

— Ты же сам первый ушёл... — пролепетала жена.

Из-под штанины студента появилась лужица. Он схватился руками за грудь и стал оседать на пол.

— Врача! Надо срочно вызвать врача. У него же большое сердце!

К такому повороту событий я не готовился. Моя ярость к нему остыла, но не к ней.

Жена села рядом с лежащим любовником. Я подошёл вплотную, схватил её за волосы и вытащил в прихожую. Потом прижал к зеркалу и поднёс к горлу нож.

— Это он вызовет труповозку. Для тебя. Если очухается.

Она дёрнулась, но я плотнее прижал лезвие к её шее.

Зрочки! Вы знаете, какие у неё были зрочки? В глазницах было одна чернота. И тогда я понял, что никогда не смогу её убить. Я отхватил ножом прядь волос. Воткнул орудие несостоявшегося преступления в дерматиновую обивку и изо всех сил захлопнул дверь за собой.

*Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина — и жемчужин,
Да быть может ещё — души...*

Марина Цветаева

— Вот эти волосы, доктор. Три года, как её похоронили. Спилась. Сын уже разводится. Неужели из этой пряди можно воскресить её молодой и красивой?

— Современная наука вообще может многое. Только учёные не в состоянии до конца просчитать последствия своих открытий. Карибский кризис заставил многих стать сдержаннее в дерзновении поиска. Шутка ли — поставить мир на грань катастрофы. Взбешённый наглостью русских, разместивших свои ракеты на Кубе, президент Кеннеди кричал в трубку: «Мы вас можем уничтожить пятьдесят один раз!» И получил от Хрущёва удар под дых: «Мы вас можем уничтожить семнадцать раз. Но я думаю, что и одного хватит!» Наверное, тогда впервые человечество осознало до конца собственную мощь и ужаснулось. Оно само сотворит апокалипсис! Овечку Долли клонировали почти два десятилетия назад. Думаете, за это время учёные не научились клонировать людей? Не смешите мои тапочки. Подумаешь, церковь против опытов над геномом человека. Пусть законодательно клонирование человека запрещено во всех странах. Поэтому мы и работаем в нейтральных водах мирового океана. Для создания клона достаточно одной молекулы ДНК, мистер Адам, — эскулап самодовольно улыбнулся, обнажив белоснежные крепкие зубы. — А здесь у вас очень много молекул. Были бы только деньги.

— Относительно затрат и вашего гонорара можете не беспокоиться. Я заплачу столько, сколько скажете. Мне важен исключительно результат.

Доктор удовлетворённо потер руки.

— Это наш стандартный договор на изготовление клона. Можете ознакомиться, — он протянул мне папку из белой кожи. — Только ещё раз обращаю ваше внимание на полнейшую конфиденциальность этой сделки.

Я мельком пробежал глазами текст.

— Но мой случай особый. Мне нужно не просто тело, а настоящая жена. Не современная кукла, у которой в голове одни ток-шоу, бутики да ночные клубы. А женщина из прошлого века. В заданных материальных формах, но совсем с другим характером.

— Понимаю, понимаю, — создатель клонов сочувственно покачал головой. — Вы же не настолько кровожадны, чтобы заново умертвить вашу покойную супругу.

— Бывшую супругу, — поправил я неудачно пошутившего собеседника. — После того инцидента я развёлся с ней, и больше никаких контактов. Только денежные переводы на содержание сына, пока он не достиг совершеннолетия.

Доктор извинился.

— Произвести мясо, даже человеческое, много ума не надо. Открытие ускоренного развития клеток позволяет нам выращивать сложные организмы в сотни раз быстрее их естественного биологического созревания. А вот что будет в голове у вашей Галатеи — дело сугубо индивидуальное, ювелирное и творческое. Я не столько генетик, сколько психиатр и чуточку нейрохирург. В моей компетенции — внутренний мир продукта. Ни много ни мало — сама человеческая душа.

— Ну, уж вы и впрямь возомнили себя Господом! — не выдержал я такого бахвальства. — Пусть клонирование и творит чудеса, но даже современной медицине не под силу сотворить характер и душевный склад человека.

Я налил воды в стакан и поинтересовался именем моего визави.

— Зовите меня просто Моисеем, — представился психиатр. — А вы ведь тоже еврей, мистер Адам?

— Мой дед, старый марксист, так отвечал на этот вопрос: «Все мы от Адама». А я вообще Адам.

— А я Моисей. Вот и познакомились, — рассмеялся доктор, но чувствовалось, что ответ его разочаровал.

— Мой бизнес тоже связан с созданием искусственного интеллекта. Компьютер по образу человеческого мозга — уже не фантастика. Можно заставить машину принимать решения и распознавать речь, даже запахи, но научить её любить невозможно!

— Вы абсолютно правы, коллега, — Моисей демонстративно похлопал в ладоши. — Только мы работаем не с искусственным мозгом, а с живым. Наша специализа-

ция — не киборги в человеческом обличье, а настоящие люди, которые кому-то зачем-то нужны.

— Но как вы решите проблему памяти? Конструируете психологический портрет, а потом скидываете его на какой-нибудь флэш-накопитель и вживляете клону в мозг?

— Да, боже, упаси! — Моисей чуть было не перекре-стился. — Вы точно заикнулись на своей информатике! Никаких микрочипов, файлов памяти, флэшек, жёстких дисков мы нашим детям в мозг не запикиваем.

— А как вы зададите моей будущей жене качества характера, которые я хотел бы в ней видеть?

— Внушением, дорогой вы мой, исключительно вну-шением и ничем более.

— И ваши психиатрические штучки переселят гене-тическую программу? Никогда не поверю!

Похоже, я достал даже психиатра.

Моисей встал, давая понять, что разговор окончен.

— Для первого раза довольно. Аванс вы уже перевели. Поэтому я отдаю эти волосы в производство. Будем счита-ть, что полено уже у папы Карло. А каким получится Буратино, зависит от нас с вами, насколько мы поймём друг друга. Стюард проведёт вас до каюты, мистер Адам. А завтра мы продолжим беседу.

Полено? Цинично, но точно отражает назначение этого набора молекул. Но почему я выбрал в качестве заготовки для идеальной жены именно её, мать моего сына? Ведь у меня было столько женщин: и красивых, и умных, и добрые даже попадались! Если у Моисея что-то пойдёт не так и он не сможет облагородить исходный ма-териал, то я огребусь по полной программе. Развод был для меня спасением. Еще пара лет совместной жизни, и здравствуй, психбольница. Это была эвакуация из зоны бедствия. Неужели я и впрямь в глубине души такой ма-зохист, что подсознательно желаю заново испытать весь этот кошмар?

*Полюбил богатый — бедную,
Полюбил учёный — глупую,*

*Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.*

*– Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»*

*– Где, гордец, твои учёности?
«Под подушкой у девчоночки!»*

*– Где, красавец, щёки алые?
«За ночь чёрную – растаяли».*

*– Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»*

*Не люби, богатый – бедную,
Не люби, учёный – глупую,
Не люби, румяный – бледную,
Не люби, хороший – вредную:
Золотой – полушку медную!*

Марина Цветаева

Река, впадая в океан, отдаёт свои воды безбрежной и взбалмошной стихии. Самец богомола позволяет самке съесть себя при спаривании. Самоубийство, предопределённое природой. Нечто подобное довелось испытать и тебе. Единственное всепоглощающее настоящее чувство к женщине. Однажды войдя в неё, ты словно провалился в бездну, потерял самоидентификацию, растворился в ней, испытав при этом полное и абсолютное блаженство.

Ты даже порвал отношения с матерью, категорически не принявшей твою невесту. Бедная матушка не смогла пережить такого предательства. Инсульт хватил её сразу после свадьбы, от которого она так и не оправилась. Ты был готов на всё ради этой женщины. И на подвиг, и на убийство. Посмотри на выцветшие свадебные фотографии. Ты же невменяем, загипнотизирован ею как кролик удавом. Какими собачьими глазами ты смотришь на неё! А она просто играет очередную роль. Она вешает тебе лапшу на уши, а ты их и развесил. Про

отца, большого босса, про мать, видную профсоюзную деятельницу, про актёрскую школу, где она учится экстерном, про интернат при балетной студии, куда её отдали малюткой бесчувственные родители. Ложь, сплошная ложь от начала до конца. Она не просто врёт. Она выдумывает миры и живёт в них.

Тому, кто покусится на эти сокровенные фантазии и попытается вернуть её к реальности, не будет пощады! Ты взбунтовался и вырвался из летаргического сна, но убил иллюзию. Из первого воздыхателя ты превратился во врага номер один. И как предатель подлежал уничтожению или, по крайней мере, забвению. А твоё место по праву должен занять другой самоотверженный герой.

Твой океан страсти почему-то оказался неправильным. И сейчас, став солидным и богатым дядей, ты возомнил себя равным Богу, что в твоей воле исправить и облагородить его промысел. Остановись, пока не поздно! Может быть, пережитые тобой эмоции имели как раз такую цену? Или ты недоплатил судьбе и сейчас стремишься вернуть долг?

А. Доктор, а можно внести некоторые физические усовершенствования в объект?

М. Сколько угодно за ваши деньги! Каждое изменение в структуре ДНК имеет свою цену. Вот прайс. Ознакомьтесь.

А. Нельзя ли ей чуточку увеличить лоб? А то низкий лоб – признак упрямства и сварливости. Лоб портил её. А ещё я бы хотел уменьшить ей щиколотки. Видите ли, я люблю у женщин узкие и стройные щиколотки, как у породистых лошадей. А у моей жены были не такие. И, вообще, её ноги с возрастом имели склонность к отёку.

М. Не переживайте. Все природные дефекты мы исправим. Вы принесли её фото?

А. Да, конечно.

М. Фигуристая девушка. Одобряю.

А. Мне б ещё хотелось чуточку уменьшить её формы. Килограммов на пять. Каноны красоты и мои предпочтения изменились за четверть века. И ещё, доктор. Не

забывайте: у неё плохая наследственность. Отец умер от алкоголизма. Она, впрочем, тоже.

М. Не переживайте. Это исправимо. А относительно старения объекта могу вас успокоить. Благодаря нашим методикам клон интенсивно развивается только в первые два месяца, достигая приблизительно двадцатилетнего человеческого возраста, а потом консервируется в расцвете сил на эти же двадцать лет. Поэтому ваша жена и в сорок будет выглядеть на двадцать, а в пятьдесят пять у неё только появятся первые морщины. В общем, на ваш век, Адам, она останется молодой и красивой.

А. Это просто замечательно, Моисей. А то после родов жена сильно изменилась, расплнела, кожа её одрябла. Есть такой тип женской красоты. Их еще называют скороспелками. Быстро распускаются, цветут недолго, но очень сладко и так же быстро увядают.

М. О! Я понимаю, о ком вы говорите. Если бы я мог сохранить свою жену двадцатилетней девушкой, то был бы счастливейшим из смертных. Я уже начинаю вам понемногу завидовать, Адам. Один только вопрос, чтобы уточнить вашу мотивацию. Вы тратите миллионы на то, что можно получить бесплатно, по любви. Неужели во всём мире не можете найти женщину, близкую к вашему идеалу?

А. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. За любовь, как правило, приходится платить особенно дорого. Современные женщины освоили такие технологии обольщения, компьютеры не додумаются.

М. Ужель все поголовно дочери Евы столь коварны и развращены потребительским веком?

А. Белые женщины — в подавляющем большинстве. Негритянок и азиаток я как-то в качестве спутницы жизни не рассматривал. Хотя, думаю, там статистика немногим лучше.

Не забывайте и о моём статусе. Сантехнику Джонни проще найти свою официантку Тилли. Но так сложилась жизнь. Я — совладелец крупной компании. В моём кругу нет счастливых семей. И там бесполезно искать.

Ровесницы переживают менопаузу. Несмотря на чудеса косметологии и пластической хирургии, у них в

лучшем случае остался лишь внешний глянец. Меня возбуждают более молодые женщины. До сорока. А им Сеть и телевидение настолько промыли мозги, что ни о каких чувствах и речи быть не может. Один голимый секс без души. И деньги, много денег. Противно.

М. Каждый зарабатывает как может.

А. Да, я всё понимаю. Мне просто повезло, что я разбогател, особо не поступившись своими принципами. Но это получилось как-то само собой. Я никогда не закичивался на деньгах. Они у меня всегда были.

М. Ну так возьмите себе девушку из какой-нибудь религиозной семьи и воспитайте из неё свою Галатею!

А. Да пробовал уже, даже дважды. Ни к чему хорошему это не привело. Теперь уже поздно думать о чём-то новом. Сколько бы я ни занимался спортом, как бы правильно ни питался, мне уже шестой десяток. У меня, как и у сверстниц, осталась только память о чувствах. Мой мужской климакс уже позади. Нет, как мужчина я ещё на что-то гожусь, и даже сперматозоиды активны. Но я не могу полюбить женщину. Лимит душевных переживаний, что Господь отпустил мне, исчерпан. Поэтому я здесь. Помогите оживить прошлое, собрать воедино разорванные чувства. Их было немного в моей жизни. Всего-то четыре. Про одно я уже рассказал.

*Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.*

*Дух бродяжий, ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.*

Сергей Есенин

М. Значит, вы хотите получить сразу четырёх разных жён. Прямо как правоверный мусульманин. Коран это разрешает.

А. Мне нужна одна, но лучше любого гарема.

М. Женщина, вобравшая в себя все достоинства четырёх, но лишённая их недостатков.

А. Прямо читаете мои мысли.

М. Это обойдётся вам на двадцать процентов дороже. Ещё придётся напрячь память и вспомнить кризисные моменты ваших отношений с этими дамами. Мне также понадобятся их личные вещи, фото, видео, подарки...

Проповедь Моисея

У каждого из нас в голове свой микрокосмос. Десять миллиардов нейронов. Они взаимодействуют между собой, образуя причудливые цепи и сочетания. Чем больше сообществ нейронов, тем человек интеллектуально развитее. От количества клеток головного мозга ум не зависит, только от их взаимодействия.

Мозг делится на правое и левое полушария. Утрированно говоря, справа живет художник, слева – бухгалтер. Если они сотрудничают, человек успешен. А на нет, как говорится, и суда нет. Тогда каждый сам за себя.

Деление на верхнюю и нижнюю части нам важнее. Сверху – серое вещество, рациональное, повседневное сознание. По-научному – бета-уровень. Это лишь верхушка айсберга. Под ним заповедная зона, или подсознание.

Альфа-ритмы головного мозга активно используются всеми религиями. Молитвы, медитации, трансы, сны, творческие порывы – это всё альфа, первый уровень внушаемости. На него выйти достаточно просто. Надо просто верить, расслабиться или правильно настроиться.

Под ним тета-уровень. Волны мозга здесь движутся втрое медленнее, чем в повседневном сознании. Сюда проникают лишь избранные. Талантливые гипнотизёры, шаманы, психиатры, жрецы. На этом уровне эффективна гипнотерапия.

И, наконец, уровень дельта. Марианская впадина, глубина из глубин, начало всех начал, первозданная чистота, абсолютная пустота, колыбель человеческого я. Это уровень пророков. Волны мозга – в десятки раз медленнее. Здесь можно вспомнить и внушить всё что угодно: прошлые и даже не существовавшие никогда жизни. Какое-либо сопротивление отсутствует начисто. Современные технологии «промывки мозгов» направлены на достижение этого уровня. Нам удалось продвигнуться дальше других.

Глава 2. Венский вальс

*Мне просто хочется средь праздничного бала
Вас увести от всех, в тиши пустого зала
Беспечной болтовнёй молчанья лёд разбить.*

*Увидеть, как ваш взор весельем заискрится,
И, взяв вас за руку, с толпою шумной слиться,
Где лёгкий вальс царит... Позвольте вас любить!*
Шарль Сент-Бёв

– Не оставляй свой волос! – причитала по-немецки цыганка.

Длинный тулуп до пят из светлой овчины, цветастый платок, болтающиеся в ушах золотые серьги невероятных размеров, испещрённое оспинками лицо. Ее облик диссонировал с имперской чопорностью министерских зданий, добротной одеждой безразличных прохожих и с теплотой яркого мартовского солнышка.

Старая ведьма выпрыгнула из-за газетного киоска и, хватъ – вырвала у меня из шевелюры волос.

– Не уходи, несчастье тебе будет, молодой и красивый. А позолотишь мне ручку, отведу твою беду. А какую любовь приворожу, век не забудешь!

Я стоял в растерянности, не зная, что делать. Разум настоятельно рекомендовал плюнуть на эту мошенницу и отправиться дальше по своим делам. Но какое-то шестое чувство удерживало.

– Шиллинга хватит? – робко поинтересовался я.

Она выхватила купюру из моих пальцев и завернула в неё волос.

– Ой, мало, господин. Волос ладонь жжёт. Не жалея, ещё давай. Судьба твоя сейчас решается!

Хитрая бестия выцганила у меня все деньги — сто пятьдесят шиллингов, всё, что я отложил на лечение.

Ещё секунду назад купюры были в её руках, вдруг она резко всплеснула рукавами тулупа, и мои денежки растворились в утренней городской дымке.

— Где мои деньги?! Я вызову сейчас полицию!

— Они сгорели, — усталым голосом произнесла цыганка. — Иди своей дорогой. Будет тебе счастье.

И я, как послушный телок, поплёлся на трамвайную остановку.

На курорт я всё-таки поехал. Деньги мне одолжил один артист из Ленинграда. Он был старше меня, но в отцы не годился. Так, старший, умудрённый опытом товарищ. На родине он успел сняться в нескольких нашумевших фильмах, приобрёл популярность, особенно у женщин. Его отъезду на землю обетованную советские власти вначале препятствовали, но началась шумиха в западной прессе, и его отпустили. Горбачёв уже примерял лавры реформатора, а досадные мелочи могли навредить его новому имиджу.

Вырвавшись из-за железного занавеса в свободный мир, восходящая звезда экрана отказался ехать на историческую родину. В Израиле киноиндустрия не сильно развита. Мечта любого актёра — Голливуд, мировая фабрика грёз. Как у меня, выпускника физтеха, — знаменитая Кремниевая долина. Тогда многие искатели лучшей жизни использовали свои еврейские корни, иногда очень сомнительные, как повод для отъезда из Союза. С Александром, так звали моего друга, нас связывали липовое еврейство и мечты о Калифорнии. Но Америка не настолько нуждалась в нас, как мы в ней. Миграционные службы изматывали бесконечными проверками, и мы почти полгода кантовались «на венской пересылке» (по меткому Сашиному выражению).

Развод и выезд из СССР отняли у меня много здоровья, а венское вынужденное безделье окончательно его

подкосило. В одно хмурое зимнее утро я не смог встать с постели, чем сильно испугал соседа по комнате.

Саша вызвал врача. Меня отвезли в госпиталь с острой почечной недостаточностью. Долго там держать не стали, бесплатно людей без гражданства в Австрии не больно-то лечат. Обкололи антибиотиками и отправили восвояси. Один сердобольный доктор настоятельно рекомендовал мне лечение на водах.

— Поедем в Баден, как истинные аристократы, — предложил Александр.

— Но там почки не лечат. Мне нужно в... — я назвал небольшой курорт в двух часах езды от Вены на автобусе.

— Но это же деревня, — сморщил нос мой товарищ. — Никакой культурной жизни. Одно старичье чалится. Или тебе нравятся дамы пенсионного возраста?

— Мне нужно лечиться. А ты можешь остаться в номере один. Пригласишь какую-нибудь фрейлейн. Тебе же не надо промывать почки.

— Нет уж, дудки. Деревня так деревня. Всяко лучше, чем здесь. У меня эта Вена уже в печёнках сидит. В одиночестве я помру здесь от скуки.

И действительно, стоило нам выехать из столицы, как хандра мигом улетучилась. Каменные городские колдцы ещё хранили остатки зимних холодов, а на природе властвовала весна. Поля ярко зеленели молодыми посевами, маленькие фермерские тракторы деловито ползали по пашне, виноградные лозы пустили лист, а в рощах гомонились стаи птиц. Сверкающий на небе диск так слепил глаза, что пришлось надеть солнцезащитные очки.

Автобус привёз нас в сказку. Иначе трудно назвать этот городок. Всё солнечно, нарядно, красочно и настолько аккуратно, геометрически выверено, как в каком-то игрушечном королевстве. Среди отутюженных полей для гольфа ладные бюргерские домики соседствовали с крытыми жёлтой соломой мадьярскими хатами. Из кофейни под открытым небом возле городской ратуши доносились потрясающие запахи молотого кофе

и звуки неувядающего венского вальса. Сквозь кроны вековых дубов старинного парка с солнечными полянами и тенистыми аллеями проглядывали вдаль контуры средневекового рыцарского замка. И главное – радостные, открытые, ничем не озабоченные лица просто гуляющих людей. Мы с Александром со своими эмигрантскими комплексами выглядели чужеродными телами на этом спокойном и размеренном празднестве жизни.

Комнату мы сняли в частном пансионе одной пожилой фрау. Стоимость нас приятно удивила. По сравнению с аппетитами столичных домовладельцев аренда здесь была даже нам по карману. В стоимость пансиона входило ещё питание и консультации проживавшего по соседству доктора. Поэтому вместо запланированных двух недель мы решили остаться здесь на все три.

Всё было б хорошо, если бы из меня не посыпался песок. Здешняя минеральная вода растворяла, оказывается, даже камни в почках. Седенький доктор по-детски радовался эффективности предписанного им лечения. Зато самому наблюдаемому приходилось совсем несладко. Дикие боли в пояснице, о других вещах я лучше просто умолчу – над унитазом выл, как подстреленный пёс.

Александр не находил себе места, он-то приехал отдохнуть и развлечься, а напарник для приключений выбыл из строя. Бедолага уже изучил всю подноготную курортного досуга и не мог дожидаться, когда я смогу составить ему компанию.

– Главная тусовка – в ночном клубе отеля. Там собирается интересующий нас контингент. Я только одним глазком заглянул вчера в танцевальный зал, там столько фрау и фрейлейн – глаза разбегаются! Кстати, много иностранок. Я и английскую, и французскую речь слышал. Вот бы с американкой замутить шуры-муры. Ради американского гражданства я пожертвую даже своей свободой. Адам, но, может быть, сегодня сходим? – он посмотрел на меня собачьими глазами.

Я с отсутствующим видом тасовал карточную колоду.

– Саш, иди лучше один. Если меня прихватит, то я весь вечер испорчу.

— Но доктор же сказал, что тебе уже лучше. Целую неделю сидим в комнате на фешенебельном курорте и рубимся в покер, как два идиота. У меня эти карты — уже вот где!

Он в сердцах скинул свою раздачу на стол и демонстративно схватился за горло. Настрой его был серьёзен, просто так не отвяжется.

— Ладно. Чёрт с тобой. Пойдём! Только учти, если меня прихватит, я тут же по-английски, не прощаясь, сваливаю домой.

Друга моего как подменили. Он тут же засуетился, полез в шкаф и стал примерять выходной наряд.

— Ты только для компании посиди за столиком. Можешь даже не танцевать. Выпей вина или своей любимой минералки. Мне просто одному неудобно там высиживать. Прямо как чирей на лбу.

Александр не обманулся в своих ожиданиях. Народу в ночном клубе было много, и, к его великому счастью, женщин больше, чем мужчин. Заведение это представляло разительный контраст с остальной курортной жизнью. Классику венского вальса здесь вытеснил рок-н-ролл. Неоновый свет, волосатые музыканты, майки и джинсы. Я в своём костюме от фабрики «Большевичка» выглядел нелепо. Хорошо, что галстук не надел. А ведь хотел. Александр, осведомлённый о здешнем дресс-коде, ничем из толпы не выделялся — водолазка и джинсы.

— Обрати внимание вон на ту парочку, — Саша указал глазами в конец зала. — Блондинка и брюнетка. Они в платьях. Значит, иностранки. Мы тоже нездешние. У нас много общего.

— Только у них наряд от Версаче, а мы — из «совка». Не по Сеньке шапка.

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Как только начнётся медленный танец, сразу подкатываем к ним. Я приглашаю блондинку, а ты — брюнетку.

Они оказались француженками. Я позавидовал Саше, учившему этот язык в школе. У меня же всюду

был немецкий: и в школе, и в университете. А сейчас ради покорения Америки мы усиленно штудировали английский.

Рука моего товарища уже освоилась на талии блондинки, и они весело щебетали о чём-то, порой прыская от смеха. Я же со своей партнёршей чопорно и безмолвно переминался с ноги на ногу. Вначале она показалась мне совсем неказистой. Невысокого росточка, худенькая и шуплая, она больше походила на девочку-подростка. Но кольца на узкой руке, изящные серьги, наверное, с настоящими бриллиантами и чёрное шёлковое платье, подчеркивающее прозрачную белизну кожи и фарфоровую хрупкость плеч, выдавали в ней женщину, причём непростую. В танце она предугадывала мои движения, на долю секунды раньше склоняясь в нужную сторону, но держалась чуточку отстранённо, создавая непроницаемый невидимый барьер.

— Я замужем, — неожиданно произнесла она по-русски с лёгким акцентом.

Ошарашенный, я взглянул сверху вниз в её глубокие карие глаза.

— Вы же русский? Или я ошиблась?

— Нет. Но как вы догадались?

— Поверьте, это несложно, — она улыбнулась.

— Но вы? Вы же из Франции. Откуда вы знаете русский?

Она замолчала совсем на чуть-чуть.

— Моя бабушка родом из России, — подумав, добавила: — Из старой России.

— А я вот эмигрант из новой. Из Советского Союза.

Она посмотрела на меня с интересом и спросила:

— И что вам не жилось на родине? Русские очень тяжело приживаются на чужбине. Я по бабушке сужу.

Я сразу не нашёл, что сказать, а потом кончился танец и я проводил партнёршу к её столику.

— Меня зовут Адам. А вас?

Она ещё раз улыбнулась.

— Как первого мужчину на земле. Хотелось бы представиться Евой, но увы. Я Анна.

Мы вызвались проводить новых знакомых до дома. Но обломилась. Они жили в этом же отеле.

— А я бы прогулялась перед сном, — пришла на помощь Анна и обратилась по-французски к своей подруге.

Та была совсем не против.

Девушки не заставили себя долго ждать, пара выкуранных нами сигарет не в счёт. Они выпорхнули из парадного входа в разноцветных норковых шубках, как две белочки: Анна — в коричневой, а Натали, так звали её подругу, — в светлой. Хотя на улице было совсем не холодно. И уже сами разобрали нас, позволив взять себя под руку. Пары, естественно, разделились по языковому признаку: франко- и русскоязычную.

Мы гуляли по вечернему парку, освещённому массивными фонарями, ровесниками электричества. Саша вдохновенно читал на французском и русском декадентские стихи. Вечный спор физиков и лириков в нашем конкретном случае был стопроцентно выигран им. Кстати, именно он привил мне интерес к поэзии. Я довольствовался ролью скромного спутника восходящей звезды экрана. Но всё равно был счастлив безмерно. Ещё совсем недавно я и мечтать не мог, что буду вот так гулять под руку с настоящей француженкой на европейском курорте!

— Но вы так и не ответили на мой вопрос, Адам: почему вы решились на эмиграцию? — спросила меня Анна, пока Александр переводил дух.

— Подспудно мечтал о встрече с вами.

Она смутилась. На её бледных щеках появился румянец.

— А серьёзно?

— Хочу интересной работы и достойного вознаграждения за неё.

— А вы кто по профессии?

— Физик. Специалист по электронно-вычислительным машинам. А вы?

— О! У меня всё не так интересно и по-женски банально. Училась на врача. Вышла замуж, родила ребенка. Развелась, снова вышла замуж.

— Я тоже уже успел побывать в браке и произвести сына на свет.

— Так вы, оказывается, большой ловелас, Адам! А выглядите таким тихоней!

— Как всякому нормальному мужчине мне нравятся женщины, особенно такие интересные, как вы.

Она одёрнула руку и прошла на несколько шагов вперёд. Затем резко обернулась и спросила:

— А почему вы развелись с женой?

— А вы с мужем?

— Влюбилась в другого! — неожиданно откровенно призналась Анна.

— А я эвакуировался, чтобы сохранить свою идентичность. И из страны, и от жены.

— И как? Успешно? — её глаза дерзко сверкнули в отблесках фонаря.

Я не мог понять причину перемены её настроения.

— А вы злюка.

Она отломила ветку от дерева и вертела её в руках. Саша с Натали далеко отстали.

— Извините меня, Адам. Это нервное. Не обращайтесь внимания. У вас очень перспективная профессия. В Америке наверняка вы добьётесь успеха, — Анна так же внезапно, как и начала, перевела щекотливый разговор на нейтральную тему.

— А чем занимается ваш муж?

— Он моряк. Помощник капитана большого танкера. И первый тоже был моряком. Простым моряком.

— Муж старше вас?

Она засмеялась:

— Не угадали. Моложе. На сколько лет я выгляжу? Только честно.

— Не спрашивайте на комплимент, Анна. Я к вам не пристаю только потому, что боюсь: меня привлекают к уголовной ответственности за соращение несовершеннолетних.

— Какой вы, однако, пугливый, — она поцокала языком. — Мне двадцать шесть.

— Не может быть! — произвольно вырвалось. — Вы на год старше меня?

Она подошла ко мне вплотную и чмокнула меня в щёку накрашенными губами, а потом достала платок и стала стирать помаду:

— Малыш, это ещё вопрос, кто кого совращает.

Прогулки по парку под луной вошли в традицию. Своего рода обязательный вечерний моцион. Терренкур. Анна продолжала играть со мной как кошка с мышкой. Явно провоцировала на действия, но, когда я на них решался, тут же отталкивала. Я уже привык к её переменчивому настроению и старался не поддаваться на провокации. А когда узнал, что Натали приходится двоюродной сестрой её мужу, вообще оставил какие-либо мечты о близости. Раз приехал на курорт лечиться, то и лечись, успокаивал я своё мужское естество, а на прогулки с Анной настраивался как на обязательную психосоматическую процедуру, прописанную врачом. В прошлом веке среди аристократов случались ведь и платонические курортные романы.

Но мой друг был совсем иного мнения по этому поводу. Его отношения с Натали протекали совершенно в другой плоскости. Пока мы с Анной гуляли, они уединялись в гостиничном номере. В наш пансион фрау посторонних женщин не пускала.

Однажды Александр специально для Анны прочитал по-русски одно стихотворение.

*Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса,
Курчавый и пылкий брюнет.
Повеса пришел к поэтессе.
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнула стихи:*

*«О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бёдер за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!
Я свежа, как дыханье левкоя,
О, сплетём же истомности тел!..»
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.
Покраснел, но оправился быстро
И подумал: была не была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...
С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлёк,
Но визгливо-вульгарное: «Мавра!!»
Охладило кипучий поток.
«Простите... – вскочил он, – вы сами...»
Но в глазах её холод и честь:
«Как вы смели к порядочной даме,
Словно дворник, с объятьями лезть?!»
Вот чинная Мавра. И задом
Уходит испуганный гость.
В передней растерянным взглядом
Он долго искал свою трость...
С лицом белее магнезии
Шёл с лестницы пылкий брюнет:
Не понял он новой поэзии
Поэтессы бальзаковских лет.*

Саша Чёрный

Анна смутилась. Её лицо пошло пятнами. Глаза загорелись. Она хотела сказать что-то как всегда дерзкое, но передумала, развернулась и зашагала прочь. Я окрикнул её, но она не обернулась.

– Зачем ты так? – пристыдил я Александра. – Она обиделась на бальзаковский возраст.

– Она обиделась на собственную дурь! – отрезал актёр.

А Натали смотрела на нас, моргая щедро смазанными тушью ресницами, и ничего не понимала. Её любовник

прочел такой красивый стих, а взбалмошная золовка обиделась и убежала. Ничего не смыслит в настоящем искусстве!

– Привет!

Анна поджидала меня возле бювета, виновато скрестив руки.

– Ты извини меня за вчерашнее.

– О чём речь! Это я должен просить у тебя прощения за своего невоспитанного друга.

– У меня к тебе просьба. Ты не мог бы показать мне Вену.

Я замешкался, просчитывая в уме, во что мне обойдётся эта поездка. Своих денег у меня не было вовсе. А просить взаймы у Александра, тем более когда и так ему должен, было неприлично.

Анна угадала причину моих сомнений.

– Затраты беру на себя. Я же тебя приглашаю.

– Но у нас не принято, чтобы платила женщина.

Она по-хозяйски ухватила за мою руку и тесно прижалась ко мне.

– Как же мне повезло встретить старомодного мужчину! Только в России, наверное, сохранился этот вымирающий вид. Ты даже не представляешь, какие французы скряги!

Утренний автобус до Вены уже ушёл, а следующий по расписанию отправлялся только после обеда. Но нам повезло. На автобусной станции мы встретили пожилую немецкую пару, видимо, мужа и жену, выпрашивавших дорогу до летней резиденции Габсбургов – дворца Шёнбрунн. Я приблизительно знал, как туда добраться, а у них была своя машина. И за полтора часа мы с ветерком докатили до места назначения. Я спросил, сколько мы должны за проезд, но хозяева авто отрицательно замахали руками: нисколько, услуга за услугу. Мы поблагодарили путешествующих бюргеров и отправились осматривать дворец.

Анна хорошо разбиралась в архитектуре и живописи, потому стала гидом далёкого от изящных искусств физика.

— Гармоничный ансамбль природы и архитектуры. Величественный дворец в роскошном парке. Чувствуется имперский размах. Но наш Версаль изящнее.

— Не знаю. Я во Франции не был. По мне, Петергоф рангом повыше будет.

Моя спутница рассмеялась:

— Бабушкина любимая поговорка: всяк кулик своё болото хвалит. Представители двух империй не могут объективно оценить величие третьей. А мне всё равно здесь нравится. Курорт надоел.

В Вену мы приехали уже под вечер.

— Каковы наши дальнейшие планы? — ненароком поинтересовался я у своей спутницы.

— Во-первых, надо поужинать. С самого утра ничего не ели.

— Здесь есть неподалеку «Макдоналдс».

— Фи! — Анна скривила свой очаровательный носик. — Вот уедешь в свою Америку и там будешь есть фастфуд. А пока мы в Европе, давай питаться по-человечески. Я хочу отведать настоящей австрийской кухни, паровыми курортными котлетками сыта по горло. Где здесь приличный ресторан?

— Пожалуй, на Марияхильферштрассе.

— Вот туда-то нам и нужно! — в её голосе появился азарт, а глаза заблестели, как у охотника, взявшего след зверя. — Это же главная торговая улица столицы! Я читала о ней в путеводителе. Целых два километра магазинов!

В ресторане Анна заказала свиные колбаски, а к ним триста граммов коньяка. За ужин она расплатилась кредиткой, умудрившись не ущемить моего мужского достоинства, на чай официанту шиллинг дал я.

Сытые и довольные, мы отправились по магазинам.

Уже совсем стемнело. Последний автобус на курорт ушёл, но Анну это совсем не смущало. Она неистово отдавалась шопингу. Мне была отведена роль консультанта и

носильщика. Хотя она обладала таким обострённым чувством на вещи, что во мнении кого-то другого по большому счёту не нуждалась. Что бы она ни примеряла на себя — платье, кофту, блузку или джинсы — ей всё было удивительно к лицу. Примерка в итоге превратилась в демонстрацию мод в исполнении одной модели. Анна вошла в роль. Она то высокомерно, то кокетливо, то жеманно в зависимости от воплощаемого образа прохаживалась по магазину, как по подиуму. Дамы, видя, как на ней сидит та или иная вещь, покупали не раздумывая.

Магазин сделал добрую половину дневной выручки за час до закрытия благодаря Анне.

С ворохом одежды я послушно следовал за ней к кассе.

— Тебе как оптовой покупательнице должны сделать скидку, а ещё и приплатить за рекламу.

— Ты прямо слово в слово повторяешь моего мужа. До чего же все мужики одинаковы!

Но, выйдя из магазина, Анна похвалила меня за стойкость и выдержку.

— Поль бы давно меня бросил и пошёл пить пиво.

Да это мне нужно было её благодарить! За какой-то час она произвела внутри меня революцию. Там, в магазине, наблюдая за её дефиле, я дал себе слово, что обязательно, чего бы мне это ни стоило, заработаю столько денег, что моя женщина всегда будет одеваться в самых дорогих магазинах мира.

— Нам обязательно нужно обмыть покупки. Надо купить бутылку коньяка и какой-нибудь закуски. У тебя ж дома наверняка холодильник пустой.

— У нас вообще нет в комнате холодильника, — виновато произнёс я и нервно сглотнул слюну.

Такой Вены я ещё не знал. Прежде я не любил ходить по Марияхильферштрассе. Зачем травить душу, когда у тебя в кармане пусто. Но сейчас вся прежняя враждебность сверкающего неоновыми огнями, недоступного мне прежде мира роскоши куда-то улетучилась. Магазины закрывались на ночь. А мы шли в чудесном на-

строении по мокрому тротуару, размахивая бумажными и пластиковыми пакетами, и, заглядывая в угасающие витрины, строили планы на завтра: какой универмаг или бутик надо ещё посетить.

Я боялся, что убогость нашего обиталища шокирует привыкшую к комфорту гостью, но она приняла спартанский быт стоически.

— А туалет у вас есть?

— Санузел у нас один на три комнаты. Правда, одна пустовала ещё до нашего отъезда на курорт. А в другой комнате жили арабы, но они должны были съехать.

Анна повеселела:

— Да вы настоящие буржуа. Живёте в столице практически в трёхкомнатной квартире.

Она ушла в туалет, а я открыл окно, чтобы проветрить комнату, и стал накрывать на стол. Порезал хлеб, сыр и лимон. Протёр салфеткой бокалы и разлил коньяк.

Её не было минут двадцать. Я уже начал волноваться, не случилось ли чего. Но дверь распахнулась, и в комнату вошла Анна в шёлковом халате и в чалме из полотенца.

— Закрой окно! Ты меня совсем решил застудить!

Я уже ничему не удивлялся, но шпингалет долго не попадал в паз, руки тряслись.

— Налей мне полный бокал коньяка!

Себя я тоже не обидел.

— За удачу! — Анна подняла бокал и, не чокаясь, маленькими глотками осушила его почти до дна.

— Какая гадость этот французский коньяк. Лучше бы купили водки.

Она прожевала ломтик лимона.

— Вечер французской моды не окончен, мой дорогой. Ты ещё не видел главного — моё новое бельё. Его я купила специально для тебя, Адам...

Идеальный шторм! Космический полет! Черета реинкарнаций: растворение, воскрешение, вознесение. И так каждый раз.

— Ах, бабушка, старая развратница! Как же ты была права! Лучшие любовники в мире — русские. А что ты такой скромный, *mon ami*? В постели дозволено всё. Это же такая малость — дарить друг другу радость! И такой кайф! У тебя это впервые! Правда? Неужели в СССР секса нет? Откуда тогда у вас берутся дети?

Меня разбудил назойливый луч солнца. Он проби-
вался в щель между шторами как раз на уровне моих глаз. Анна лежала на краю кровати, свернувшись калачиком. Она казалась такой маленькой и беззащитной, как только что вылупившийся из яйца цыплёнок. Хрупкие плечи, острые девчоночьи лопатки. Ничто уже не выдавало в ней страстную и ненасытную любовницу. Я потянулся. У меня ничего не болело. Наоборот, каждая клетка моего тела источала гармонию. Словно меня подменили прошлой ночью. Вначале разобрали на молекулы, да что там — атомы, а потом по новым улучшенным чертежам и лекалам воссоздали заново.

Я тихо встал с постели. Быстро оделся. Достал из шкафа старые зимние ботинки. Ножом отковырял каблук одного из них и достал из тайника золотой червонец. Мамино наследство от бабушки. «На чёрный день», — думал я, делая эту заначку. Как же я ошибался! Этот червонец я потрачу в самый светлый день своей жизни.

Со скупщиком в ломбарде я не торговался. Предложи он мне сумму вдвое-втрое меньше, всё равно бы согласился. В опере сегодня давали «Дон-Жуана». Все билеты в партер давно были раскуплены туристскими фирмами, остались только места в ложах. Я выкупил самую дорогую. На обратной дороге зашел в цветочный магазин и купил охапку белых роз.

Я распахнул шторы, и комната наполнилась ярким светом. Анна зажмурилась, а открыв глаза, увидела розы.

— Я — в раю, — промурлыкала она. — Спасибо, Адам. Дай я тебя поцелую.

Вождеделение нахлынуло на нас с новой силой, и я снова оказался в постели.

— Который сейчас час? — поинтересовалась Анна, истратив всю накопившуюся за время сна энергию.

— У нас ещё уйма времени. Опера начинается в семь вечера.

— Ты купил билеты в Венскую оперу? Это же моя детская мечта! Откуда ты узнал о ней? Постой, а где ты взял деньги? Эти цветы, билеты? Ты что, ограбил банк?

— Какая разница? Я же тебя приглашаю!

— Но в чём я пойду? У меня же нет вечернего платья. Адам, я его не купила вчера. Так что мы тут разлеглись? Быстренько встали и пошли покупать Анечке платьице!

Она выбрала тёмно-синее платье с глубоким вырезом на спине. Уже потянулась к сумочке за кредиткой, но я остановил её.

— Позволь мне сделать тебе подарок, дорогая.

Она смерила меня удивлённым взглядом, но сумочку закрыла.

— Ты точно ограбил банк. Или получил наследство?

— Что-то типа того.

— Спасибо. Я догадываюсь, на какие жертвы ты идёшь, балуя меня. Поэтому твой подарок особенно ценен.

Восторг сменила растерянность.

— У меня же нет никакой бижутерии к этому платью!

— Пойдём в ювелирный магазин и купим, что тебе понравится.

— Какой же ты наивный, малыш! — её очаровательная головка слегка качнулась. — Что мне понравится, будет стоить столько, что ни твоего наследства, ни лимита моей кредитной карточки на это не хватит. Даже для моего мужа ювелирные салоны — табу. Он однажды обмишурился в похожей ситуации, теперь предпочитает покупать мне драгоценности сам.

Она ещё минутку морщила лобик и вдруг радостно прокричала:

— Я знаю, как нам выкрутиться! Ты в карты играешь?

— И довольно неплохо. Я всё-таки физик.

— А когда-нибудь блефовал по-крупному?

— Иногда очень хотелось, но толщина бумажника не позволяла.

— Значит, ты меня поймёшь, — проворковала Анна и потащила меня в обычную галантерейную лавку.

Она быстро нашла ожерелье из самого крупного искусственного жемчуга, а может быть, простой пластмассы, окрашенной в перламутровый цвет, потому что стоило оно смехотворно мало.

Портье звали Гансом. Старику уже было далеко за семьдесят, но на свой возраст он не выглядел, молодился и даже заигрывал с юными горничными. Русский язык он выучил в плену. Восемь лет провёл на сибирском лесоповале, искупая службу в гитлеровских войсках. Ко мне Ганс относился по-отечески тепло, а когда увидел вдвоём с Анной, растёкся в самой благожелательной улыбке.

— И где же, господин Адам, вам посчастливилось подхватить такую цыпочку? — спросил старый ловелас, когда я вызывал такси.

— На курорте, господин Ганс.

— О! Эти милые курортные романы! Как я завидую вам, молодым! А она кто? Молдаванка?

— Не угадали. Она француженка.

— Но говорили-то вы с ней по-русски? Или мне, старику, это почудилось?

— Всё правильно. У неё русские корни.

— Очаровательная женщина! Истинная аристократка! Вам очень повезло, Адам.

— Спасибо, господин Ганс. Я это знаю.

Старик не поленился и сам поднялся на третий этаж.

— Такси прибыло, — постучав в дверь, известил он.

А когда мы спустились вниз, Ганс уже поджидал нас, придерживая входную дверь с любезностью самого вышколенного швейцара.

Анна благодарственно улыбнулась пожилому слуге, а меня дёрнула за рукав:

— Дай ему на чай!

Мне ничего не оставалось, как протянуть старому знакомому шиллинг.

Ганс принял чаевые почтительно, а когда я захлопнул за дамой дверь, он выкинул вперёд правую руку с задран-ным вверх большим пальцем. Высший класс!

Только в гардеробе, когда Анна скинула мне на руки свою шубку, я оценил всю искусность её блефа. На ней были изумительной красоты золотые серьги с крупными натуральными жемчужинами. Так вот почему она под-няла ворот у шубки, словно её знобило! Они сияли и пе-реливались таинственными, причудливыми оттенками в ярком электрическом освещении холла оперы. А на её точеной, будто из слоновой кости, шее сверкало такое же ожерелье. С величием королевы Анна протянула мне руку, и по устланной ковровой дорожкой лестнице мы взошли на второй этаж.

Нас провожали десятки, а может быть, и сотни глаз. Мужчины завидовали мне, что отхватил такую принцес-су, а женщины – ей, что постигла все тонкости обольще-ния мужчин.

– Кажется, на нас смотрят, – тихо произнесла Анна, не поворачивая головы.

– Не то слово! Испепеляют взглядами!

Она улыбнулась. Цель была достигнута.

Позолоченная ложа с мягкими креслами. Роскошная дама в жемчугах щурится в театральный бинокль с длин-ной ручкой. И это – моя женщина. А на сцене – Дон-Жуан и донна Анна.

– Как! Ты не умеешь танцевать вальс? – вскрикну-ла Анна от удивления, словно это такое же естественное действие для человека, как ходить, есть, заниматься лю-бовью. – Воспитанные люди должны танцевать вальс. Хотя мой Поль тоже не умеет. Но он марсельский жлоб, а ты же русский интеллигент.

– Советский интеллигент, – поправил я. – Это об-стоятельство сильно смягчает мою вину.

— Но только не здесь. За границей ты — русский, поэтому будь добр учись, пока я добрая, чтобы не позорить свой народ.

Она взяла меня за руки и прямо посреди тротуара стала учить танцу.

— Венский вальс — самый простой. Его ещё называют медленным вальсом. Но в нём есть особенности. Я иду назад, а ты выполняешь первый шаг первого такта не мимо моих ног, а между. Тогда поворот выглядит особенно эффектным!

— Между — это хорошо. Мне там нравится.

— Не пошли! Тебе не идёт. Лучше учись. Весь шарм венского вальса в разнице между движениями партнёра и партнёрши в один такт. Когда ты совершаешь движение первого такта, я танцую уже второй. И наоборот. Всё понял? Тогда танцуй! Ногу мне не отдави, медведь! Теперь — лучше. Молодец! Танцуем дальше!

Мы кружились посреди безлюдной в поздний час средневековой улочки в вихре венского вальса. С той поры я танцую исключительно венский вальс.

— Я не вернусь больше на курорт. Ты отвезёшь меня в аэропорт?

— Сейчас? Но на дворе ночь.

— Скоро рассвет. На Париж есть ранний рейс.

— А что ты будешь там делать?

— Возьму билет до Ниццы и полечу к маме и сыну. В Марселе я сейчас не смогу. Надо собраться с чувствами, перевести дух. Только представлю глаза Поля, так всю душу выворачивает наизнанку. Всё-таки какая я свинья! Съездила на курорт, полечилась. Наставила мужу ветвистые рога. Никогда не верь женщинам! Все мы стервы.

Ещё минуту назад она стонала в моих объятиях, а теперь рядом лежала чужая женщина.

— А как же твои вещи на курорте?

— Попросишь Натали собрать их. У меня компактный чемодан, он её сильно не обременит. Твой друг же проводит её до аэропорта?

— Чем объяснить ей твой внезапный отъезд?

— Скажешь, что мать телеграмму прислала. Ребёнок плохо учиться стал. Не хочу спекулировать чужим здоровьем. Особенно мамы и сына. А ты просто провожал меня на самолёт. Я же могла улететь еще позавчера.

Дикторша уже объявила посадку на рейс Вена — Париж, а я всё не отпускал её руки. Она смотрела в сторону.

— Я не хочу тебя терять.

— Захочешь — найдёшь. Я же оставила тебе номер телефона.

— Мне кажется, что я влюбился в тебя.

— Не трави душу, Адам! Я сама запуталась. Но нужно время. Понимаешь, время. Моё бегство — это лучшее, что я могу сделать сейчас для всех нас: для тебя, для меня, для Поля. Всё. Мне надо идти!

Её губы едва коснулись моей небритой щеки, и она быстрыми шагами пошла на пограничный контроль. Я смотрел ей вслед, и вы не поверите, док, слёзы катились из моих глаз.

Саша подарил Натали журнал со своей фотографией на обложке. Мы провожали её вдвоём. Я — как носильщик чемодана Анны, он — как любовник. Перед рейсом распили большую бутылку виски в буфете аэропорта. Натали не слезила с Сашиных колен. А летом вышла замуж за антиквара.

Саша получил вид на жительство в США и уехал в Калифорнию. Он снялся в двух голливудских фильмах в эпизодических ролях, но зритель его не заметил. Режиссёры о нём быстро забыли, и вскоре он умер, не сумев выйти из запоя.

Мне вначале отказали во въезде в Штаты. Зато приняла Канада. Я устроился в компьютерную фирму в Монреале и скоро встал на ноги. Завёл счёт в банке, купил дом, машину.

Через год я позвонил Анне. Она очень обрадовалась моему звонку. Я предложил ей встретиться в Баден-Бадене. Она согласилась. Каково же было моё изумление, когда она нарисовалась там вместе со своим мужем.

Поль оказался классным парнем. За год проживания во франкоязычной провинции я неплохо освоил его язык, поэтому проблем с общением не было. Вот только ощущение некой натужности не пропадало в нашем общении. Его мы старались заглушить алкоголем. За три дня, проведённые им на курорте, мы выпили бутылок десять водки. Судовладелец вызвал его на капитанские курсы, и все вздохнули с облегчением. Честолюбивый Поль поехал учиться, чтобы сделать карьеру. Ему не пришлось вызывать меня на дуэль, бить мне морду. Всё решилось само собой. После его отъезда Анна ещё денёк морально истязала себя, а потом нас снова закрутило в вихре венского вальса.

Я даже приезжал к ней в гости, когда Поль был в рейсе. Анна познакомила меня со своей мамой княгиней С. и сыном. Провезла на машине по всему Лазурному берегу от Антиба до Монако. Я окончательно влюбился в неё, а она в меня. Бедный Поль уже морально готовился к разводу.

Но тут на горизонте появился тренер по аэробике — молодой араб, спутавший все наши планы. Он вскружил Анне голову, как некогда Поль, а потом я. Все мои попытки образумить рабыню страсти успеха не имели. Я пригласил её в Канаду. Мы провели неделю на Ниагарском водопаде. Кошмарную неделю. Анна изводила всех. Она звонила на судно Полю по несколько раз на дню, потом своему восемнадцатилетнему арапчонку в Ниццу, ну а мне, находившемуся ближе всех, доставалось по первое число. Шум и мощь водопада не шли ни в какое сравнение с бурей её эмоций. И когда она улетала в Европу, я испытывал только чувство облегчения, и ничего более.

*Если к другому уходит невеста,
То неизвестно, кому повезло?*

Финская народная песня

Наша последняя встреча произошла в Москве семь лет спустя. Мой второй брак дал основательную трещину, и я позвонил Анне. Она соскучилась. Извинялась за свой дурной характер. Тренер оказался полнейшим ничтожеством, о нём она уже давно забыла, а Поль снова в рейсе.

Я тогда поставлял компьютеры и оргтехнику в Россию. Часто летал в командировки в Москву. Вот и позвал её на историческую родину. Театры, музеи, рестораны. Она была просто пайнкой. Настоящий ренессанс венского вальса. Но прошла неделя, и опять начались самобичевания, сравнения меня с Полем, не в мою пользу конечно. Полуночные звонки в Тихий океан.

В одно хмурое утро я не выдержал, поехал в авиакасса и купил ей билет до Ниццы. Я настолько был обрадован её отъезду, что даже забыл снять с неё свой плащ на пограничном контроле.

Мы иногда созваниваемся, переписываемся по электронной почте. Они продали свою марсельскую квартиру и окончательно перебрались в Ниццу. Полю сделали какую-то операцию, и врачи категорически запретили ему употреблять алкоголь. Анна, блюдя его здоровье, ходит с ним в плавание. Уже раз пять обошли вместе во круг света. Настоящая капитанская жена. Недавно она прислала по Интернету своё фото вместе с Полем. Она сильно постарела, но сохранила аристократический шарм. Поль отрастил шкиперскую бороду, выглядит свежим и довольным жизнью. Он смотрит на Анну преданными собачьими глазами, как когда-то я смотрел на свою первую жену.

Представляете, док, он всю жизнь любил только эту женщину. Жил, работал ради неё, содержал её сына и мать. Несмотря на все её завихрения. Она даже не родила ему ребёнка. А он всё равно продолжал любить её. Она откровенно наставляла ему рога, сочиняя сказки о платонических отношениях с мужчинами, а он делал вид, что верит, и продолжал любить её.

Зато сейчас они счастливы. Может быть, это и есть цена счастья, которую я по своей гордыне и глупости от казался платить, а мудрый Поль не поскупился?

Вот это псевдожемчужное ожерелье из венской галантерейной лавки. Она оставила мне его на память. Перламутр местами стёрся с бусинок. Грошова вещьца. Но сколько воспоминаний!

Глава 3. Шоу трансвеститов

*Я люблю женщин с прошлым,
а мужчин – с будущим.*

Оскар Уайльд

Добро пожаловать на «Альказар»-шоу – самое грандиозное и невероятное зрелище в Юго-Восточной Азии! Индустрия наслаждений – одна из ведущих отраслей экономики Таиланда. Погоня за новыми впечатлениями привлекает сюда туристов со всего мира сильнее лазурного моря, прекрасных пляжей и культурно-исторических достопримечательностей.

Проституция здесь не считается предосудительным и аморальным занятием в отличие от христианских и особенно исламских стран. Тут другие ценности. Чувственная любовь никакой не грех, она естественна, это слияние с космосом. К тому же буддизм признаёт учение о переселении душ. В своём предыдущем воплощении человек мог быть особой противоположного пола и не успел перестроиться, поэтому нетрадиционная сексуальная ориентация в тайской среде особо не прищипывается.

Но и экономические причины нельзя сбрасывать со счетов. Таиланд – бедная страна. В шестидесятых годах прошлого столетия, когда Соединённые Штаты воевали с Вьетнамом, американские военно-воздушные базы располагались на территории королевства. Лётчикам в свободное от бомбёжек время требовался отдых, и у миниатюрных послушных таек появилась возможность заработать и помочь своим бедным семьям. Светлая кожа здесь считается признаком аристократии. Ребёнку, рождённому от белого мужчины, проще получить образова-

ние, сделать карьеру. Тайки отдавались американским солдатам с особой страстью, а те щедро расплачивались с ними за качественные услуги. Некоторые даже возвращались в Штаты с тайскими жёнами. Реклама местных красоток перешла на мировой уровень. Война давно закончилась, но мужчины со всего мира едут в Таиланд.

Спрос рождает предложение. Когда в семье тайского крестьянина рождалась девочка, все соседи поздравляли счастливых родителей. У них появился шанс на обеспеченную старость. Вот дочка вырастет, поедет в большой город, будет работать проституткой и содержать всю семью. А с мальчиками такой перспективы не вырисовывалось. Но, как говорится, голь на выдумки хитра. Некоторые особо предприимчивые тайцы стали воспитывать мальчиков как девочек. Одевали в платья, покупали им кукол, а не солдатиков. К подростковому возрасту психика ребёнка полностью ломалась. Оставались только первичные половые признаки. Но здесь пришла на помощь медицина. Операция по перемене пола в Таиланде по сравнению с другими странами стоит недорого. Опять же из-за высокого спроса. Вся родня складывалась на эту операцию. И вот, пожалуйста, вместо юноши получалась очаровательная девушка. Пусть присутствующие дамы не обижаются на мои слова, но трансвеститы заслужили быть женщинами. Они пережили много боли и страданий, сделали свой выбор осознанно, а не довольствовались дарами матушки-природы.

Единственное, что выдаёт трансвестита, — это кадык. Говорят, что местные пластические хирурги научились исправлять и этот дефект, но такие операции — редкость и ещё очень дороги, многим не по карману.

Живут трансвеститы недолго, сорок — сорок пять лет. Вмешательство в человеческую природу не проходит бесследно. Говорят, их сжигает страсть.

Дорогая Вики!

За многие годы нашего супружества это моё второе письмо тебе. Первое было из оккупированного иракцами Кувейта, где я застрял с партией оргтехники накануне

нашей свадьбы. Рядом с отелем шёл бой, грохотали взрывы, все стёкла были выбиты, и по номеру гулял знойный ветер пустыни. Песок забивался в клавиатуру, она заедала. Я не знал тогда, выберусь ли живым из этой мясорубки. Стремление заработать на безбедную семейную жизнь превысило инстинкт самосохранения. Но даже в минуты смертельной опасности, когда гвардейцы Саддама держали меня в заложниках, твой светлый образ помогал мне выжить. И я вернулся. Правда, без денег, весь товар был уничтожен. Но ты не бросила меня, сказала: ещё заработаем. И мы поженились.

Признаюсь: не страсть побудила меня к браку. К тому времени я уже основательно устал от бурных чувств, и мне хотелось чего-то спокойного и надёжного. Ведь мужчины женятся от усталости, а женщины выходят замуж из любопытства. Так, кажется, писал Оскар Уайльд? Наш союз подходил под этот идеал. Тридцатилетний программист, бизнесмен, эмигрант с повышенной мотивацией для самоутверждения в новой стране. И молодая честолюбивая блюстительница закона. Казалось, никакая сила не может помешать двум разумным, ответственным людям создать надёжный тыл для совместного покорения мира! Взаимное уважение, сотрудничество, дружба, наконец, — разве не достойная замена такому эфемерному и непостоянному чувству, как любовь?

— А что это такое? — ответила ты вопросом на вопрос, когда я попробовал заговорить с тобой на эту щекотливую тему.

Её никогда не называли Викторией. Ни у кого из взрослых и детей язык не поворачивался окликнуть этого чертёнка с мальчишеской стрижкой, вечно выпачканного в машинном масле, летающего на мотоцикле круче любого байкера, столь высокопарным именем. Вики. Просто Вики.

Она играла в бейсбол и хоккей наравне с мальчишками. Однажды на тренировке ей выбили шайбой передний верхний зуб. Вики долго ходила шербатой. Но не чувствовала ни малейшего стеснения. Наоборот, бла-

годаря этому изьяну ей удавалось плевать дальше всех. Зато её маму дочерняя беззубость сильно смущала. И однажды она силком отвела дочь к стоматологу. Вики сделали протез.

– Вики, покажи зуб! – не отставали пацаны.

Девчушка вначале делала серьёзную мину, потом начинала мило улыбаться, а когда улыбка становилась шире, из её челюсти внезапно, со щелчком выпрыгивал протез. Зрители испуганно отшатывались. Вики угорала со смеху, толпа – тоже.

Белая ворона – слабая метафора для такой, как Вики. Она в шутку называла себя Белым Гиппопотамом.

– Почему – гиппопотам? Он большой и толстый, а ты маленькая и худенькая? – недоумевал я, познакомившись с ней.

– А ты знаешь, что бегемот – одно из самых опасных животных в Африке? Это только на вид он такой толстый добряк, а на самом деле – коварный и кровожадный зверь. У него реакция как у змеи. Внешность бывает обманчивой, дорогой.

Белый Гиппопотам вырос в семье лютеранского пастора в маленьком калифорнийском городке. Её мать преподавала немецкий язык в местной школе, а старшая сестра окончила курсы и работала бухгалтером.

Вики было четырнадцать, когда её родители развелись. Мама собрала вещи свои и Вики, и они переехали на восточное побережье. Вскоре мать вышла замуж за отставного полковника морской пехоты, избравшегося в конгресс от Республиканской партии. Но брак с конгрессменом получился странным. После свадьбы она уехала в Европу, где и жила по сей день. А Вики осталась с отчимом.

Фрэнк был всего на пару лет старше меня, но имел спортивное телосложение и колючие глаза. У него была квартира в Вашингтоне и большой дом в живописном предместье. К падчерице он относился заботливо, но требовательно. Как командир к солдату-любимчику. С нравоучениями не лез. Во время учёбы в полицейской академии материально её поддерживал. Но

когда подопечная допускала небрежность, он сразу урезал ей денежное довольствие. Вики в глубине души была влюблена в своего отчима и даже стремилась в чём-то копировать его. Немногословность, сдержанность, дисциплинированность она явно переняла у Фрэнка. Да и саму профессию выбрала под его влиянием. Фото викинга с коротким ёжиком седеющих волос в форме морского пехотинца она хранила в лакированной шкатулке из красного дерева, которую всегда запирала на ключ. Полицейская форма ей тоже была к лицу. Она по-прежнему носила короткую причёску, но ещё овладела навыками рукопашного боя и научилась классно стрелять из своего тяжёлого пистолета.

— Водитель чёрного «Мерседеса», немедленно прижмитесь к обочине!

Полицейская машина переливалась разноцветными огнями в заднем стекле моего авто. Я изрядно перебрал в баре. Конечно, не стоило в таком виде садиться за руль. Но это понимаешь задним умом. Суд, огромный штраф, лишение водительских прав, возможно, тюремное заключение. Здесь не Россия, полицейские взятки не берут.

— Полиция штата. Предъявите ваши права, сэр.

Девчушка с короткой стрижкой отобрала у меня портмоне.

— Вы пьяны, сэр...

Она хотела сказать ещё о моих конституционных правах, как это водится в голливудских детективах, но на другой стороне улицы раздался выстрел. Женщина-полицейский приказала оставаться мне на месте, а сама, выхватив из кобуры пистолет, бросилась через дорогу.

Из банка, менявшего валюту, выскочил парень в капюшоне. Но ему далеко уйти не удалось. Блюстительница порядка быстро нагнала его и в мгновение ока уложила лицом на асфальт. Ещё секунда, и стальные наручники защёлкнулись у него за спиной.

Второй полицейский, выставив вперёд пистолет, тихо поднимался по лестнице. Он заглянул в распах-

нутую дверь, но после двух вспышек откинулся назад. Даже я слышал глухой удар его затылка о каменное крыльцо.

Чёрная тень метнулась из банка, и вот уже грабитель держит девушку-полицейского на мушке короткого ружья.

— Брось пушку, красотка, и расстегни моему другу наручники. Не то останешься без головы.

Это был чернокожий лысый мужик лет сорока с белыми зубами. Он весь трясся, видимо, накачался наркотиками. Женщина медленно положила на тротуар пистолет, а затем выбросила вперёд ключи.

— Нет. Сама расстёгивай. Я видел, как ты его вырубил.

Она потянулась вперёд за ключами. И в этот момент я со всей силы обрушил на лысую голову огнетушитель. С ударом, похоже, переборщил. Громила рухнул на асфальт, с лысины потекла кровь.

— Спасибо, — произнесла девушка и протянула мне портмоне. — Сейчас приедут следователи. Прошу вас дать показания и выступить свидетелем в суде.

— Я же выпивший.

— Это мелочь.

Она совсем не походила на моих предыдущих женщин. Ни тени кокетства, жеманства, капризности. В ней удивительным образом сочетались одухотворённость и решительность. Из всей косметики Вики признавала только гигиеническую помаду для губ.

Мы ходили с ней в кино и всегда попадали на классные фильмы. Кроме своей работы Вики любила лошадей. У её отца была своя конюшня. И мы в выходные дни уезжали к нему в поместье и подолгу катались вдвоём на лошадях по окрестным лесам. Сам хозяин редко навещал свою загородную резиденцию. Никто не стеснял нашего уединения. А с Фрэнком я познакомился только накануне свадьбы.

Мы выпили немного виски в его библиотеке. Он одобрительно отозвался о моём бизнесе.

— Очень скоро компьютеры из пишущих машинок и графических дизайнеров превратятся в мощное средство коммуникации.

— Я знаком с норвежскими разработками по созданию компьютерной сети.

— Но какой грянет бум, когда к этому проекту подключится Пентагон! Всемирная компьютерная паутина станет реальностью. Кстати, я могу содействовать вашему участию в реализации этого чуда.

— Буду вам весьма признателен, господин конгрессмен.

— К чему такие церемонии? Зовите меня просто Фрэнком. Мы же почти родственники.

Странная у нас была свадьба. Никого из близких невесты на торжестве не было. Отец, мать, сестра ограничились поздравительными телеграммами. Но Вики это ничуть не смутило, она была только рада скромному формату. Свадебное платье она взяла напрокат. Фрэнк заказал столик в дорогом ресторане. Тонкости церемонии её не волновали.

— Свадьба — не похороны. Почести отдавать некому. Но вот мой атеизм её сильно задел.

— Ты разве некрещённый? — недоумевала дочь пастора.

— Я же родом из СССР.

— Но в Бога ведь веришь?

— Экзамен по научному атеизму в университете не смог сдать на пятёрку. Значит, не безнадёжный безбожник.

Её лицо исказила гримаса не то удивления, не то презрения.

— Тогда тебе срочно надо окреститься.

— А зачем? Главное, чтобы Бог был в сердце, а остальное — формальности.

— В другом случае я согласилась бы с тобой. Но только не в вопросах брака. Видишь ли, я собираюсь завести с тобой детей и хочу быть уверена, что у них будет настоящий отец. А религия хоть какая-то тому гарантия. Я лютеранка. Ты ничего не имеешь против этой веры?

— Это же тоже христианство?

— Да, но своеобразное. У нас вступление в брак никакое не таинство, как у католиков и ортодоксов.

— У кого, у кого?

— У твоих братьев — православных, невежа. А просто старинный красивый обряд. В наших церквях нет икон. Нет монастырей. Библия тоньше, без Ветхого Завета. И поп не будет лезть к тебе в душу с исповедями. У нас нет посредников между Богом и людьми. Каждый сам себе священник. Перед Богом все равны.

— А как же твой отец? Он же пастор?

— Он церковный староста и никого не исповедует.

— Ну, если без исповеди и с укороченной Библией, тогда, пожалуй, соглашусь стать твоим единоверцем. Чего не сделаешь ради нашего счастливого будущего!

— Твоё легкомыслие меня поражает! Но ладно. Каждый приходит к Богу своим путём. Прошу тебя об одном: перед крещением почитай хотя бы в энциклопедии о лютеранстве...

Мы поженились в скромной лютеранской церкви. Молодой пастор прочёл молитву и объявил нас мужем и женой перед Богом и людьми. Вики неловко натянула обручальное кольцо мне на палец, я — ей. Дежурный поцелуй. Вымученные улыбки свидетелей — мужчины и женщины, подходящих нам с Вики в друзья по возрасту, которых Фрэнк отыскал в своём штате. Армейская выправка так и пёрла из этой парочки.

Вики даже не стала брать на службе отгул. Она вернулась с ночного дежурства, приняла душ, выпила три чашки крепкого кофе и на скорую руку облачилась в свадебный наряд.

На ужине свидетелей уже не было. Видимо, формат этого мероприятия им был не положен по штату. Зато пришли комиссар полиции, адмирал из Пентагона, помощник генерального прокурора, два конгрессмена, один сенатор, Фрэнк, естественно. Я пригласил своего партнёра по бизнесу из Кувейта. Вики была

единственной женщиной за свадебным столом. И то вскоре, сославшись на усталость, уехала домой. Высокие гости обсуждали свои дела. Мы с арабским другом почувствовали себя чужими на этом празднике и поехали в ночной клуб отмечать мою женитьбу.

Вики отказывала мне в близости только в критические дни. Но интимная жизнь у нас была пресной и однообразной. Я старался убедить себя, что она молода и неопытна. После родов станет настоящей женщиной. И потом пониженное либидо гораздо лучше, чем жить с нимфоманкой и ходить с большими рогами. Миллионы людей так живут, и ничего. Она реализовывала себя на службе, ей досрочно присвоили звание лейтенанта. Но мне от этого было не легче. Я снова пристрастился к алкоголю и стал изменять Вики. Вначале с проститутками, оправдывая себя, что никакая это не измена, я лишь покупаю за деньги то, что мне необходимо. Потом завёл один роман, другой... Но как только мои отношения с женщинами приобретали серьёзный характер, я тут же резко обрывал их. Семья для меня была тогда святыней. А интрижки с женщинами — так, средство для выживания.

У Вики родились двойняшки. Две очаровательные дочери. Мария и Магдалина. На этих именах настояла жена. С первым я согласился сразу, по второму возникли вопросы.

— Одна — святая, другая — грешная. Две стороны одной медали. И перестань изображать из себя ханжу. Тебе это не идёт. Ведь сам Христос жил с блудницей. Пусть бросит в меня камень тот, кто сам без греха.

Как только девочкам исполнилось полгода, мы наняли няню, а Вики вышла на службу. Фрэнк продолжал обнадёживать меня правительственными заказами, но всякий раз, когда дело доходило до конкретики, какая-нибудь мелочь мешала заключению контракта. Я решил, что он ревнует Вики ко мне, и перестал рас-

считывать на его помощь. Мне нужно было кормить семью, а после кувейтского провала в банках оставались необеспеченные кредиты, которые надо было как-то возвращать. И я начал торговлю со своей бывшей родиной. Советский Союз к тому времени уже почил всуе. Да — коррупция, да — организованная преступность, да — галопирующая инфляция, но двести процентов годовой прибыли как ещё сделаешь без риска? Торговать наркотиками? Или ползать на коленях перед Фрэнком? Неизвестно, что он ещё попросит взамен своего благодетельства?

Мне пришлось снять офис и квартиру в Москве и месяцами находиться там.

— Ты не спишь? — разбудил меня среди ночи взволнованный голос Вики в телефонной трубке.

— Что случилось?

— Ты можешь завтра прилететь в Штаты?

— Но что произошло? Объясни же наконец!

— Я убила человека...

— Это была самооборона? Ты находилась при исполнении...

— Нет. Это была безоружная проститутка. Толстая мерзкая содержательница притона! Я забила её до смерти ногами. Не знаю, что на меня нашло.

— И есть свидетели?

— Многие видели, как мы с Габи входили в этот притон, но что там происходило конкретно, не видел никто. А потом понаехали другие экипажи, и нас застучали рядом с трупом.

— А Габи — это кто?

— Габриэлла. Детектив с нашего участка. Она вела разработку этого притона. Кстати, там много было и русских девушек, проданных в рабство вашей мафией.

— Мафия интернациональна. Она такая же моя, как и твоя. Но сейчас не об этом. Что тебе грозит?

— Тюрьма — надолго, о службе в полиции можно забыть навсегда. Так ты прилетишь? Мне девочек оставить не с кем. Няня не может ночевать с ними. У неё семья.

А сестре я звонить не хочу. Завтра судья выпишет ордер на мой арест.

— Вылетаю первым рейсом!

Жена встретила меня в аэропорту чрезвычайно смущённая. Она переминалась с ноги на ногу, как нашкодивший ребёнок, не зная, как признаться.

— Адам...

Я напрягся донельзя. Вики редко называла меня по имени. Обычно она заговаривала со мной без всякого обращения, словно с существом неодушевлённым. Даже животные в нашем доме — кошки, собака, морская свинка — все имели свои имена, клички. Все, кроме меня.

— Габи всю вину взяла на себя. У меня же семья, карьера, а она одна. У неё только мама в Мексике. Мы же сможем помочь ей, пока Габи будет в заключении?

— Да, безусловно. И найми для неё самого лучшего адвоката. Мой счёт в твоём распоряжении.

— Спасибо, Адам. Я знала, что на тебя можно положиться. Представляешь, она просидит за меня в тюрьме пять лет, а может быть, и больше. Какое благородство! Какое самопожертвование! Её уже взяли под стражу.

Вики с таким восторгом и восхищением говорила об этой мексиканке, что мне самому захотелось сесть за неё в тюрьму.

— Ты можешь лететь обратно в свою Москву. Никто больше не отнимет мать у твоих дочерей.

— Замечательно. Но можно мне хоть с ними повидаться? Я не видел девочек полгода. Они наверняка сильно выросли. Да и не мешало бы принять душ с дороги. Перелёт с другого полушария — занятие не из лёгких.

Наученный кувейтским горьким опытом, я интуитивно почувствовал приближение кризиса и стал постепенно сворачивать свою деятельность в России. Но всё равно дефолт родины застал меня врасплох. Половина моего капитала испарилась из-за девальвации рубля. Терять деньги всегда неприятно, а когда понимаешь, что компенсировать потери сможешь нескоро, тем более.

Привыкший к деловой суматохе и постоянному риску, я не находил места в нашем огромном доме. Вики целыми днями пропадала на службе. Утром я отвозил девочек в школу, а забирал их только после полудня. Мария посещала дополнительные занятия по хореографии, а Магдалина — кружок живописи.

Я пробовал заняться садоводством, но, кроме ухода за газоном, меня ничего не зацепило. Видимо, тяга к земле просыпается с возрастом, которого я ещё не достиг. Лишь запах скошенной травы притуплял чувство подавленности и самоедства, захватывающее меня с каждым днем всё больше.

И вот однажды днём, когда я болтался по дому без дела, в дверь позвонили.

На пороге стояла высокая долговязая женщина с острыми чертами лица и смуглой кожей. Ее жёсткие чёрные волосы были перетянуты резинкой в тугий пучок почти у самой макушки, что делало её похожей на ворону. Одета она была в потёртую джинсовую куртку и такие же джинсы. На ногах — помятые кроссовки, а на плече — большая спортивная сумка. Словно женщина собралась на тренировку, но только несколько лет назад, судя по одежде, уже вышедшей из моды.

— Здравствуйте! — она крепко сдавила мои пальцы сильной и шершавой ладонью. — Я Габриэлла. А вы, должно быть, Адам? Давно хотела с вами познакомиться. Вики мне много рассказывала о вас.

Я растерялся. Уж слишком неожиданной была эта встреча. Я пригласил её в дом — дожидаться Вики, попить чаю. Но она отказалась.

— Я просто хотела посмотреть на вас, Адам, — она быстро сбежала с крыльца.

Посреди лужайки она обернулась, махнула на прощание рукой и крикнула:

— Передайте Вики, что я вернулась.

Жену я увидел только на третий день. Тени под глазами, осунувшееся, но счастливое лицо.

— Проболтали две ночи кряду. Бедная Габи! Она столько пережила из-за меня! — сказала Вики, смотря в окно.

Неожиданно позвонил Фрэнк. Я уже забыл его голос, так долго мы не общались.

— Вики сказала, что ты маешься от безделья. А мы тут с друзьями собрались провести уикэнд на Аляске. Охота, рыбалка, костёр. Как настоящие бойскауты. Не составишь компанию? Заодно поговорим о твоих делах.

Предложение выглядело заманчивым. Карьера Фрэнка продвигалась стремительно. Он уже стал сенатором и возглавлял какую-то комиссию в верхней палате. Такой человек мог обеспечить меня работой на десятилетия вперёд, даже не заметив этого.

— Но охота — не моё хобби. Из оружия у меня только старенький винчестер. Им только грабителей отпугивать, а рыболовных снастей вообще нет.

— Всем необходимым я тебя обеспечу. Мы вылетаем в пятницу утром с военного аэродрома.

Он назвал время и место сбора.

Прежде я не бывал на Аляске. Моё воображение даже не могло представить себе такой суровой и первозданной красоты. Заснеженные вулканы, прозрачные горные реки, девственные леса. Я словно попал в другой мир. А всего-то — перелёт на частном самолете до Анкориджа, ещё пара часов в воздухе на вертолёте, и мы — в раю, на краю света. Власть и деньги могут всё. Невероятное вчера становится возможным сегодня.

Быстроходный катер по бурлящей реке доставил нас на берег большого таёжного озера.

Фрэнк первым спрыгнул на землю и, потянувшись, вскинул руки к небу.

— Красота! На триста миль — ни единой человеческой души! Мы — единственные люди на этой дикой планете, господа!

Он дал указания капитану катера, и матросы быстро

выгрузили на берег всю поклажу, развели костер, поставили палатки, собрали стол и сервировали его, насколько позволяли походные условия, а затем, доложив сенатору об исполнении, завели мотор и ретировались. Туристы в это время любовались природой и попивали виски из блестящих фляжек.

Наша компания насчитывала восемь человек. Род занятий и общественное положение искателей приключений определить было трудно, все были одеты в одинаковые непромокаемые камуфляжные костюмы. Трое были весьма молоды, не старше двадцати пяти, видимо, адьютанты или секретари, решил я. Причём все юноши были на редкость красивы. Ещё двое членов нашей команды приблизительно нашего с Фрэнком возраста, около сорока. И один пожилой седовласый джентльмен.

Солнце садилось за сопку, оставляя на зеркальной озёрной глади багрово-красную дорожку. Общество легко согласилось отложить рыбную ловлю и охоту на завтра, а нынешний вечер посвятить отдыху.

Виски лилось рекой. Как только очередная бутылка опорожнялась, её бросали под стол и водружали новую. Я думал, что только русские мужики так напиваются на рыбалке. Оказывается, американцы нам в этом не уступают. Куда девалась их хвалёная расчётливость?! Двойной виски — это всего шестьдесят граммов. В этот вечер каждым из присутствующих было выпито в десять раз больше.

Я совсем опьянел. Понемногу наши ряды за столом стали редеть. Вначале отвалила молодёжь, а следом за ними их боссы. В итоге мы остались с Фрэнком на этом пиршестве одни.

— А ты молодец, Адам. Никогда не подумал бы, что сможешь столько выпить и удержаться на ногах.

— Российская закалка, сенатор.

— А как насчёт купания? Предупреждаю, вода жутко холодная.

— Легко.

Фрэнк разоблачился по-военному очень быстро и стоял на берегу в чём мать родила, демонстрируя мне

и комарам своё мускулистое, без единой унции жира тело.

Я с трудом вылез из комбинезона и встал рядом с ним.

— А ты распустился, зятёк, — критически оглядел меня сенатор. — Тебе же ещё и сорока нет, а живот отрастил. Надо всерьёз взяться за твоё перевоспитание...

Фрэнк не договорил, разбежался и, выставив вперёд руки, смело нырнул с обрыва в темноту. Раздался всплеск. Затем знакомый голос позвал меня снизу:

— Ну где ты там? Или струсил?

Я прыжками в воду не занимался, потому прыгнул вниз солдатиком. Ледяная вода обожгла меня с ног до головы. Дыхание в груди перехватило. Хмель как ветром сдуло.

— Ну что? Поплыли? Или ты на берег?

Неожиданно во мне проснулся состязательный дух.

«Пусть ты и хвалёный морской котик, но русского мужика просто так не возьмёшь!» — решил я и молча поплыл в кромешную тьму.

Руки и ноги сводило судорогой, нечем было дышать, пальцы онемели, но я упрямо продолжал грести.

— Адам, остановись! Надо возвращаться! Десять минут пребывания в такой воде смертельны!

«Плывать я хотел на твои предостережения! Меньше задирать меня надо было».

Вдруг что-то тяжёлое упало на мою голову, и я отключился.

Очнулся возле костра. Фрэнк растирал спиртом моё онемевшее тело.

— Ты уж извини, дружище, что пришлось к твоей голове приложиться. Иначе мы оба утонули бы.

Он налил полный стакан виски и велел мне выпить. Я снова поплыл в беспамятство.

Среди ночи меня разбудил возбужденный шёпот под самым ухом.

— Ну же, мой сладкий, мой безрассудный толстячок, как ты отблагодаришь своего спасителя!

Я спяну не сразу и понял, что к чему. И только потом до меня дошло, что я лежу голым в спальном мешке, а ко мне сзади пристраивается Фрэнк со своей дубиной. Меня словно током ударило. Что там холод озера! Сейчас напряжение было круче. Пятьсот, тысяча вольт! Как на электрическом стуле!

Я вывернулся и резко ударил коленом ему в пах. Фрэнк взвыл от боли.

— Ах, ты, неблагодарная сволочь. Я привёз тебя в этот чудо-уголок, напоил, накормил, из озера вытащил, а ты не можешь доставить мне маленькую радость!

Я уже был в термобелье и натягивал на ноги комбинезон. Меня трясло.

— Ты ошибся, Фрэнк. Обратился не по адресу. Я не оказываю таких услуг.

Боль, похоже, его отпустила, и он сел на спальник.

— Всё когда-нибудь бывает впервые, Адам. Ты же хочешь стать очень богатым и влиятельным?

Я промолчал.

— Но, чтобы вступить в наше братство, тебе придётся поступиться некоторыми принципами. Я знаю, что ты гетеросексуален. Но твоя независимость, твоя дурацкая спесь мешают тебе жить, сделать карьеру, сколотить состояние. Потому что ты один, волк-одиночка. Ты отбил от своей стаи, Адам. А к другой так и не пристал. В этом мире всё повязано, дружище. Никто никому не станет помогать просто так. А интимная близость мужчин — самая надёжная страховка от предательства. Тебя унизили, и ты всегда будешь это помнить. И сам будешь унижать других. Меня тянет тот, кто уверен во мне до конца. Я тяну того, в ком уверен сам. Так создаются самые могущественные организации в мире. Тайные ордена, масонские ложи построены именно по этому принципу. Я предлагаю тебе вступить в наше братство. Это своего рода обряд крещения. Понравится — продолжим, а нет — да спи ты со своими девками, сколько влезет. Ты же всегда мечтал работать в моей команде? Потому и женился на этой несчастной Вики? Признайся, Адам. И ложись рядом. Я постараюсь не делать тебе больно.

— Да пошёл ты...

Не одеваясь, Фрэнк потянулся к выходу из палатки.

— Если не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Думаешь, моей подготовки не хватит, чтобы справиться с таким дохляком, как ты. Самонадеянный, наивный идиот. Я тебя ещё и друзьям подарю, пускай покуражатся со зрелым мужчиной, а то мальчишки им, поди, надоели.

Мне повезло. Фрэнк даже не подумал убрать мой винчестер. Он стоял там же, где я его оставил с вечера, возле палаточной стойки.

— Не подходи! Я выстрелю! — предупредил я голого извращенца и передёрнул затвор.

— Ой, как страшно! Ой, напугал! Убери оружие и снимай штаны, пока я окончательно не разозлился.

Он и не думал останавливаться и неотвратимо надвигался на меня, злорадно улыбаясь.

Стрелять предупредительно вверх не имело смысла. Я просто не успел бы передёрнуть затвор, бывший морской котик находился уже в паре метров. И я нажал на курок. Он взвыл от боли. Заряд дроби превратил его левое плечо в кровавое месиво. Струи крови стекали по его атлетическому телу. Он ещё простоял удивлённый какое-то время, а потом рухнул на росистую траву.

Из палаток выскакивали его товарищи, а я, не чуя под собой ног, ломился сквозь лесную чащу, только бы успеть убраться от них подальше до рассвета.

Я взобрался на гору, с которой было хорошо видно, что творится в лагере. Где-то через час пришёл катер. Матросы так же дружно и оперативно свернули палатки, как их и поставили. Фрэнка занесли на борт на носилках. Он пришёл в сознание, старался встать и яростно жестикулировал здоровой рукой. Катер отчалил и стал подниматься вверх по впадающей в озеро реке. Когда он скрылся за поворотом, я вышел из своего убежища.

Небо затянулось тучами. Накрапывал дождь. На вершине дул сильный ветер, срывая с головы капюшон. В винчестере оставалось ещё пять зарядов. А до ближайшего жилья, как сказал Фрэнк, было триста миль.

— С трансвеститами и я бы покувыркался. Они симпатичнее местных проституток, — во всеуслышание заявил пузатый дядька в гавайке и цветастых шортах.

За что тут же получил оплеуху от своей не менее тучной спутницы.

— Я тебе покувыркаюсь, кобель паршивый. Подожди, вернёмся в отель, я тебе устрою и садо, и мазо. О всяких трансвеститах сразу забудешь.

Гид улыбнулся, довольный реакцией туристов на свой рассказ.

— Билеты на шоу получаем при выходе из автобуса.

Один вид расфуфыренных рекламных зазывал неизвестного пола вызвал во мне приступ тошноты. Комок встал в горле, и перехватило дыхание, как тогда на Аляске.

— Извини меня, Вики. Но я не пойду на этот шабаш. Противно смотреть на этих педерастов.

Она ничего не ответила. Встала с сиденья и, не взяв билета, вышла из автобуса.

Погружённая в раздумья, она брела по тротуару.

— Вики! Постой! Я чем-то тебя обидел?

Я нагнал её и схватил за локоть. Она вырвала свою руку и обернулась. Её лицо было алым не от солнца, а от злости. Из глаз катились крупные слёзы.

— Ну почему, почему ты меряешь всех по себе? Чем эти люди провинились перед тобой? Только тем, что они не такие, как ты?

Я испугался. Никогда прежде я не видел свою жену в таком состоянии. За все годы брака мы с ней ни разу не ссорились. Она никогда даже не повысила голоса на меня, не то чтоб орала.

— Может, я был излишне резок и моё мнение расходится с современной либеральной толерантностью к сексуальным меньшинствам. Но я имею на это моральное право, потому что сам пострадал от одного из видных представителей этого прогрессивного и модного движения.

Мои слова были полны сарказма. Я не мог себя остановить.

— Если бы охотники не нашли меня в тайге, умирающего от холода и голода, ты сейчас была бы вдовой, а наши дочери сиротами.

— Не изображай из себя жертву. Ты покушался на жизнь сенатора. И если бы не я, Фрэнк засадил бы тебя за решётку пожизненно.

Она поймала такси, и мы поехали в отель, не проронив больше не слова.

Вики раздвинула кровати, поставив между ними тумбочки. Десять ночей мы проспали отдельно. На отдыхе в экзотической стране, где властвуют свободные нравы. Солнце, море, фрукты, загорелые женские тела в бикини на пляже и около бассейна сильно возбуждали меня, но в интимной близости жена мне отказывала. Я считал часы, когда же наконец кончится этот проклятый отпуск!

По возвращении домой Вики исчезла. Я вначале не придал её отсутствию особого значения. Работа у комиссара полиции ненормированная. Когда случался аврал, она оставалась ночевать в отеле недалеко от полицейского управления. К тому же во мне накопилось столько нереализованной сексуальной энергии, что я не успевал посетить всех своих действующих и законсервированных любовниц. Благо каникулы у дочерей ещё не кончились, и они продолжали гостить у бабушки в Европе.

Но через неделю я начал волноваться и позвонил ей на мобильный телефон. Абонент был недоступен. Тогда я набрал её рабочий номер.

Ответила секретарша:

— Миссис Виктория подала прошение об отставке. Вчера губернатор его подписал. Ваша жена больше не комиссар полиции, мистер Адам.

Я засыпал её мобильный телефон смс-сообщениями, электронную почту — письмами, звонил её матери в Европу, но она ничего не знала о дочери, поинтересовалась только, когда я заберу девочек.

Обращаться в полицию относительно поиска бывшего комиссара полиции было глупо. Никаких координат

Габриэллы я не знал. Только один человек мог бы прояснить меня о причинах исчезновения Вики. Фрэнк. Но ему мне звонить совсем не хотелось.

Она сама позвонила на следующий день.

— Я подала на развод. Надеюсь, ты не станешь сильно противодействовать этому.

— Но почему, Вики? Мы так долго вместе. У нас прекрасные дочери. Замечательная, дружная семья. А ссоры? С кем они не случаются?

— Не стоило выходить замуж без любви. Прости, — тихим голосом произнесла она и отключила телефон.

Я нашёл дом, где снимала квартиру Габриэлла. Помогла одна судья — моя бывшая подруга. Припарковал машину прямо напротив нужного мне подъезда и стал ждать. Они появились поздно, ближе к полуночи. Шли в обнимку как настоящие влюблённые. У каждой в свободной руке было по большому бумажному пакету. Видимо, выпивка и закуска. Они о чём-то оживлённо разговаривали и смеялись. Я никогда прежде не видел свою жену такой счастливой.

— Вики! — окрикнул я её из машины. — Можно тебя на минутку?

Женщины смутились, как воришки, застуканные на месте преступления. Вики первой взяла себя в руки и, передав подруге свой пакет, отправила её домой. Та без охоты двинулась в подъезд, постоянно оглядываясь.

— Зачем ты здесь?

— Хотел убедиться в обоснованности своих подозрений.

— Убедился?

— Вполне. Но я не считаю это поводом для развода. Тобой движет благодарность к этой женщине. Не более. Это пройдёт.

— Да какая разница: женщина или мужчина? Я просто не люблю тебя. Вот и всё. И никогда не любила. Мне всегда нравился другой мужчина.

— Фрэнк?

— Да. Но ты знаешь, он равнодушен к женщинам. Как бы много я отдала, чтобы оказаться тогда на Аляске вместо тебя!

Я был в шоке.

— Я хочу сменить пол.

Она произнесла это таким обыденным тоном, словно собиралась поменять линолеум на паркет.

— Ты в своем уме? Ты же мать двух дочерей! Что скажут твои родители? Мать? Отец?

— Не надо, Адам. Не мучай меня, пожалуйста. Наши девочки для меня святое. У меня сердце разрывается при одной только мысли, что не смогу видиться с ними. Но так будет лучше. Для всех лучше. Ты хороший и заботливый отец. Ты сможешь воспитать их настоящими людьми, нормальными женщинами. А на мнение родителей мне плевать. У них свой скелет в шкафу. Кстати, если ты считаешь, что девочкам обязательно нужна мать, то женись на моей сестре. По крайней мере, она им не чужой человек. Лучше жены ты не найдёшь. Хорошая, рачительная хозяйка. Классический вариант. В Калифорнии — замечательный климат. Ты же всегда мечтал работать в Кремниевой долине. Вот тебе и представляется случай. А отсюда тебе всё равно лучше уехать и девочек увезти. Я, конечно, приложу все усилия, чтобы сохранить конфиденциальность. Но ты сам понимаешь, что возможна утечка информации. Пойдут ненужные разговоры. С моим отцом ты обязательно подружишься. Вы очень похожи. Относительно денег на операцию не переживай, у меня есть свои сбережения. Если не хватит, поможет Фрэнк. И вообще всё наше имущество остаётся тебе. Я ни на что не претендую, просто исчезну из вашей жизни.

— И ты готова на такие жертвы? — я не верил своим ушам. — Чтобы стать мужчиной?

— Да. Готова. Я не могу так больше жить. Ошибку природы надо исправлять.

— Для кого? Ради Фрэнка? Ради Габи?

— Ради самой себя!

Руль заскрипел у меня в руках.

— Я хочу утрясти все формальности до операции. Ты дашь мне развод?

— Ты получишь его! — стиснув зубы, произнёс я. — На прощанье ответь, пожалуйста, честно на один вопрос: все эти годы я прожил с мужиком?

Вики рассмеялась.

— Что ты так напрягся? Представляю, каково сейчас тебе, ярому поборнику традиционности! Испугался, что скажу «да». Но успокойся: ты был женат на женщине. Своеобразной, но женщине. А после развода будет совсем другая жизнь.

В суде я держался стойко. Не только согласился с разводом, но даже настоял на нём. За что удостоился уважительного взгляда Вики. А потом, когда уже всё случилось, меня понесло. Весь ужас произошедшего дошёл до моего сознания. Я стал названивать Вики. Она не отвечала. Тогда я написал ей письмо и отправил по электронной почте. Какую я нёс пургу! О том, что согласен стать свингером, предлагал попробовать жить втроём — Вики, Габи и я (без Фрэнка, разумеется), расписывал свои сексуальные фантазии.

На что получил от Вики короткий ответ: «Я подумаю».

Алкоголь — плохой помощник в трудной ситуации. Ну а в моей, когда в единую кучу смешались женщины, мужчины, отцы, матери, он вообще послужил детонатором для взрыва мозга.

*Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,*

*Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:*

*«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шёл мой караван;*

*Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,*

*И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.*

*Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.*

*Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.*

*Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река.*

*И в стране озёр пять больших племён
Слушались меня, чтили мой закон.*

*Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;*

*Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребённый здесь, в четырёх стенах;*

*Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»*

*И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.*

Николай Гумилёв

Неделя беспробудного пьянства привела меня в психиатрическую лечебницу. Придя в себя, я первым делом затащил в кровать свою докторшу, чуть не женился на ней. Но быстро одумался.

Выписавшись, я набрался мужества и позвонил Фрэнку. Он без колебаний сказал, в какой клинике лежит Вики. Я купил букет белых роз и поехал навестить её.

В регистратуре мне сказали, что пациенток с именем Виктория у них нет. Я попросил позвать главврача. И только когда он узнал, что я от Фрэнка, понял, кто меня интересуется.

— Так вам нужен Виктор! Сразу бы сказали, что вас прислал мистер Фрэнк. Наденьте халат и бахилы. Следуйте за мной.

Мы долго петляли по длинному коридору, то поднимались по лестнице на этаж вверх, то спускались

вниз. Наконец пришли в отдалённый больничный блок и встали перед массивной, как в банковском сейфе, автоматической дверью. Доктор набрал секретный код на панели, и дверь открылась.

Дежурная сестра поднялась из-за стола.

— Мы к Виктору, — сказал доктор, и она провела нас в палату.

На кровати возле окна лежал забинтованный с ног до головы человек. На уровне пояса у него болтался моче-приёмник, соединённый прозрачной трубкой с замотанным бинтами членом.

Потрясённый увиденным, я положил букет на стол. Мумия поднялась с постели. Она открыла рот, хотела сказать что-то, но передумала и просто подмигнула мне до боли знакомым серым глазом.

Я продал дом, машины, остатки бизнеса. Последнюю ночь на восточном побережье мы переночевали в отеле. Чтобы побаловать дочек, я забронировал президентский люкс, чем привёл их в полный восторг.

Услужливый швейцар в ливрее распахнул перед нами двери и помог носильщику уложить в багажник такси чемоданы.

Я отдал ему чаевые и, усаживая дочек на заднее сиденье, почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оглядевшись по сторонам, я увидел невысокого морского офицера, стоявшего у сетки теннисного корта. Его фуражка была сильно надвинута на глаза. Но на лице можно было разглядеть шрамы и слёзы, стекающие по нежным щекам.

М. Бедная женщина! Мне жаль и её, и вас. Вам столько пришлось пережить, мистер Адам! Но позвольте спросить: наделяя свой идеал чертами Виктории, пусть даже положительными, милыми вашему сердцу, не боитесь ли вы вновь столкнуться с похожими проблемами? Гомосексуализм — очень глубокая предрасположенность.

А. Но вы же сами уверяли меня недавно, что на дельта-уровне головного мозга возможно любое внушение? Или ваша методика не столь эффективна?

М. Что вы! Я не отказываюсь от своих слов. Просто мы ещё никогда не имели дело с такой проблемой. Мне сложно заранее гарантировать результат.

А. Послушайте, Моисей. Я бросил все свои дела, прилетел к вам, заплатил кучу денег, уже который день торчу на этом корабле, изливая вам свою душу. Хотя ни разу в жизни не исповедовался. Ведь я лютеранин. Мои помощники даже отыскиали её грязную футболку тридцатилетней давности. С белым бегемотом, кстати. Слава богу, Вики не любила стирать. А вы тут включаете заднюю скорость! Если не можете, скажите прямо. Расторгнем контракт, и вы вернёте мне мои деньги.

М. Но вам никто в мире не сможет помочь, кроме нас!

А. То-то и оно. Знаете моё больное место. Тогда ответьте мне на конкретный вопрос: вы можете наделить мою будущую жену спокойным и уравновешенным характером, какой был у Вики, исключив её гомосексуальные наклонности?

М. И взрывы безудержной жестокости, как в случае с проституткой? Она постоянно сдерживала свои эмоции. Внешнее повседневное спокойствие ей доставалось дорогой ценой. Возможно, с вами она была спокойной, потому что вы были ей безразличны?

А. Короче, док, кокетство, жеманство, капризность моих предыдущих женщин надо чем-то разбавить. Я хочу, чтобы Вики отдавалась мне со страстностью Анны, а в жизни Анна была без своих завихрений. С Вики я прожил десять лет, а с Анной не выдерживал и пары недель.

М. Будь по-вашему, мистер Адам. Кажется, я начинаю понимать, что вам нужно. Но хотелось бы услышать последнюю историю. Для полноты картины.

Глава 4. Дух капитализма

Помни, что время – деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того ещё пять шиллингов.

Бенджамин Франклин

– Человек свободен в том, что ниже его, и не свободен в том, что выше его, – произнёс Мартин, вытирая полотенцем пот со лба, затем с размаха воткнул топор в бревно и присел на фундамент будущей кирхи.

Я последний раз стругнул рубанком зажатую в тисках доску и присоединился к нему.

Солнце приближалось к зениту и палило нещадно. С меня стекло семь ручьёв, и футболка промокла насквозь. Но усталости не чувствовалось, то ли запах свежей стружки так бодрил, то ли ощущение причастности к богоугодному делу.

Мне нравились перекуры. Хотя в нашей добровольной плотницкой артели никто не курил, но лучшего определения для минут отдыха в перерывах между тяжёлым монотонным трудом я просто не знаю. Эти святые моменты, когда уставшие мышцы расслабляются после интенсивной физической нагрузки, а мозг, истосковавшийся по общению, особенно восприимчив, пастор использовал для бесед о смысле бытия.

Постепенно к нам подтянулись и другие строители. Молодые парни, солидные мужчины и пожилые старцы, собравшиеся со всего округа по призыву пастора Мартина на строительство новой лютеранской церкви. В основном это были немцы, не считая двух датчан — отца и сына — и меня. Кто-то жадно пил воду из кувшина, кто-то снял пропотевшую рубаху и обливал себя из ведра, а кто-то просто прилёг на брёвнах под солнышком, закрыв глаза.

— А в чём конкретно ограничена свобода человека? — спросил пастора молодой датчанин.

Толстый Мартин сразу подтянул живот, расправил плечи и даже сделался выше ростом.

— Вот мы с вами строим церковь. Какой она будет, зависит от нас. Но снизойдёт ли на молящихся в ней прихожан святой дух, на это мы повлиять не можем.

— На то божья воля, — заметил худой старик с морщинистым лицом.

Я прекрасно понял пастора, но мое атеистическое прошлое решило поспорить.

— Мартин, а зачем мы покупаем лес в других штатах и везём его в Калифорнию? Не дешевле ли построить церковь из современных материалов, древесно-стружечных плит, скажем?

— Конечно, можно, Адам. И если бы община решила, мы бы так и сделали. Но ведь большинство прихожан проголосовало за живое дерево. Зато мы экономим, не нанимая чужих людей, многое делаем сами. В доме Господа нашего будет частица души каждого из нас. Окропляя потом эти брёвна, мы согреваем будущую церковь теплотой наших сердец!

— Но если я вкладываю в кирху свою душу, значит, тем самым создаю предпосылку для снисхождения в неё в будущем святого духа?

— Не богохульствуй, Адам. Ты сам знаешь, что не прав. Мирская логика применима к бизнесу, к карьере, к тому, что нас кормит, но не к божественному промыслу. Любовь, рождение, смерть — выше логики. Человеку в своей гордыне свойственно преувеличивать собствен-

ные силы. Отсюда глубокие разочарования и даже трагедии. Во всём, что касается продолжения рода, мы свободны только в мелочах. Эту часть нашего жизненного сценария пишет Господь, а мы – всего лишь актёры.

Сказанное Мартином разделило вольных плотников на два лагеря по принципу «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Пожилые сосредоточенно молчали, вспоминая пережитое, и находили в своих судьбах подтверждения словам пастора. В глазах людей молодых, несмотря на уважение к авторитету проповедника, читались скепсис и недоверие. «Пусть у вас не получилось стать хозяевами своих судеб, но мы-то сможем», – в глубине души думали те, чей возраст не перевалил за тридцать. В силу своего богатого личного опыта я уже понимал Мартина и невольно находился в лагере стариков.

Она почти не походила на свою сестру. Разве что ростом. Одна была плотной, крепко сбитой, с развитой для женщины мускулатурой, другая никогда не увлекалась никаким видом спорта, и если бы не природная худоба и аскетичный образ жизни, вероятно, ей грозили бы рыхлость тела и лишний вес. У Вики были густые прямые волосы, у Эльзы – редкие кудряшки, которые она накручивала перед сном на бигуди. Старшая сестра пользовалась косметикой, носила платья и деловые костюмы с юбками (Вики признавала только джинсы и брюки), раз в неделю делала причёску в парикмахерской и эпиляцию ног в косметическом салоне.

Младшая была заиклена на карьере, старшая – на деньгах. Эльза владела небольшой аудиторской фирмой. Её клиентами являлись в основном венчурные компании, всевозможные партнёрства будущих компьютерных гениев, некоторые из них выстреливали, богатели, но бухгалтер по-прежнему доверяли только Эльзе. Несмотря на загруженность в бизнесе, ей удавалось самой поддерживать нежилую чистоту в своей просторной квартире. Каждую субботу она устраивала генеральную уборку. Стирала, гладила, чистила, мыла. Воскресным утром

посещала церковь, а потом весь день страдала от одиночества, считая минуты до начала новой рабочей недели.

По молодости Эльза успела побывать замужем, но её муж, прихватив все семейные накопления, сбежал к актрисе в Сан-Франциско. Молодая женщина погоревала и нашла утешение в бизнесе, мужикам больше не верила, но в глубине души очень хотела иметь семью и детей.

Муж и дочери её непутевой сестры, свалившиеся как снег на голову, были восприняты Эльзой как божий дар. После стольких бессонных ночей, зарёванных подушек и десятилетий ожидания.

Я познакомился с ней в доме Мартина. Узнав о шокирующем поступке Вики, она не раздумывая предложила мне с детьми переехать к ней.

— Нечего вам мыкаться в отеле. У меня места хватит всем. Я заменю девочкам мать. А тебе, Адам, если хочешь, могу стать надёжной спутницей жизни.

Ещё ни одна женщина не предлагала мне взять её в жены.

— Но мы так мало знакомы... — я посмотрел на пастора.

— Иногда Бог всё решает за нас. Да и Вики не оставила нам выбора. Теперь мы — твоя семья, Адам. И если у вас с Эльзой что-то получится, я буду только рад. Раньше говорили: стерпится — слюбится. Мне бы очень хотелось, чтобы мои внучки выросли в полноценной семье.

— Тебе все будут завидовать! — уверенно пообещала сестра моей бывшей жены.

Эльза держала слово и старалась изо всех сил. Никакая другая женщина никогда обо мне так не заботилась. Все мои вещи были выстираны, выглажены и аккуратно разложены по полкам в шкафу. Каждое утро меня ожидала свежая отутюженная сорочка и полноценный горячий завтрак.

С девчонок она буквально пылинки сдувала. Но чем больше Эльза проявляла заботы о племянницах, тем капризнее они становились.

Дочерям исчезновение матери я объяснил так:

— Вы смотрели фильмы о Джеймсе Бонде? Ваша мама тоже выполняет секретное, очень важное государственное задание. Она живёт под чужим именем в другой стране.

— Круто! А когда она вернётся? — спросила Мария.

— Нескоро. Очень нескоро. Может быть, когда вы уже станете взрослыми.

— Так долго? А это задание опасное? — поинтересовалась Магдалина.

— Не стану вам врать. Возможно.

— А почему вы развелись?

— И мы переехали в эту дыру?

Дочери засыпали меня вопросами в один голос.

— Так решила ваша мама. Больше я вам ничего не могу сказать, потому что это государственная тайна. И вы тоже должны хранить её. Если вдруг кто-нибудь из вас или в школе, или на улице проболтается кому-нибудь из подружек, что ваша мама — спецагент, тогда эта информация может дойти до врагов, и маму могут раскрыть. Если когда-нибудь кто-то спросит у вас, где ваша мама, отвечайте: папа с мамой развелись, а где она теперь, вы не знаете. Одно лишнее слово, и мамина жизнь будет висеть на волоске. Вы меня поняли?

— Да, папочка. А какой у нашей мамы секретный номер? У Джеймса Бонда — 007, а у мамы — 008?

— Даже я этого не знаю. Там строжайшая секретность. Я и так выдал вам тайну, чтобы вы знали: ваша мама жива, здорова, у неё новая интересная работа и новая жизнь. Но она вас по-прежнему любит и всегда помнит о вас. Больше на эту тему ни слова. Если будут от мамы вести, я вам обязательно скажу. Договорились?

— Да, папочка. Но только зачем ты женился на этой селёдке?

Я щёлкнул Магдалину по носу.

— Никогда больше не называй так тётю Эльзу! Она во всем старается вам угодить. Имейте хотя бы элементарное чувство благодарности. И не суйте, пожалуйста, свой нос, юная леди, во взрослые дела!

— Хорошо, папочка. Мы постараемся.

Но, когда я закрывал дверь в их спальню, услышал шёпот.

— Не понимаю, как можно было променять Джеймса Бонда на эту селёдку? Какие странные эти мужчины!

Загруженный семейными проблемами по самую макушку, я и не заметил, что сама собой сбылась мечта моей юности. Городок, в котором жили родственники Вики, был пригородом Сан-Хосе — негласной столицы Кремниевой долины. Здесь располагались штаб-квартиры ведущих IT-корпораций, лучшие программисты планеты ежедневно выдавали сотни инновационных разработок, а непризнанные гении налаживали в гаражах опытные производства. Здесь поселилось творчество. Оно бурлило, фонтанировало, переливалось разноцветными красками и проливалось золотой дождь на смельчаков, покорявших неизведанное. Инвесторы выстраивались в очередь к изобретателям. Когда такое было? Для перспективных разработок предлагались немыслимые капиталы. Информационная революция окупала любые затраты и сулила немереные барыши. Телевидение и газеты трубили о невиданном прорыве человеческого разума.

Майкл вырос в глухой провинции в семье мелких фермеров. На десять лет родители подарили ему игровую приставку и потеряли сына. Мир виртуальных игр оказался ему ближе и роднее реальной жизни. Школа, друзья, обязанности по дому отошли на второй план, а с появлением в семье компьютера — ещё дальше. Он переселился в Сеть и выходил из неё только в случае крайней нужды.

В семнадцать он сбежал из дома и приехал в Сан-Хосе с сотней долларов в кармане. В интернет-баре познакомился с такими же одержимыми компьютерными играми сверстниками. Зарегистрировали компанию. Сняли лачугу с Интернетом. Между попойками написали первую игру. Её купила крупная корпорация и заказала ещё. Первый успех вскружил гениям головы, они сразу же поселились на роскошной вилле с бассейном. Девочки в нём плескались круглосуточно.

— Как желторотым юнцам можно доверять такие деньги! — возмущалась Эльза. — Они же всё спустят! Вчера даже сняли со счёта аванс заказчика. Точно пропьют. Жалко ребят. Головы у них светлые, а организующего начала никакого. Ты бы встретился с этим Майклом. Присмотрелся к нему. У парня большое будущее. Если, конечно, полиция не остановит. Да и тебе помощники в новом деле нужны.

Исключительно из уважения к своему бухгалтеру Майкл любезно согласился встретиться со мной в баре. Встречу он назначил на полдень, но опоздал минут на сорок. Я уже собрался уходить, как в дверях нарисовался волосатый юноша, похожий на Дастина Хоффмана в молодости, в грязной футболке с изображением Че Гевары.

— Ты что ли Адам? — небрежно бросил он мне и подозрительно покосился на мои залысины.

— А ты, должно быть, Майкл? Эльза мне тебя точно описала.

— Короче, папаша, перейдём к делу. Мне нужен на месяц лимон баксов.

— На каких условиях?

— У тебя как у бойфренда тёти Эльзы я возьму эти деньги под десять процентов годовых.

— Не пойдёт. Слишком много.

— Ну ты даёшь, папаша! Так дай нам эти деньги бесплатно. Не дрейфь. Мы тебя не кинем. Перекроемся ненадолго и отдадим всё до цента.

— Хорошо. Пиши расписку.

Ни через месяц, ни через полтора деньги он мне не вернул. Следующая наша встреча произошла в офисе у Эльзы. Майкл пришёл в сопровождении своего адвоката, такого же разбитного малого, как он сам.

— У нас форс-мажорные обстоятельства. Дизайнер заболел. А без него мы не можем сдать заказчику уже почти готовые игры. Нам нужен ещё месяц, чтобы расчитаться с вами.

— А что случилось с вашим дизайнером?

— С Бобом, что ли? Так у него от несчастной любви крышу сорвало. Уже месяц бухает по-чёрному.

— Да уж, проблема, — согласился я, а потом резко схватил Майкла за грудки и произнёс страшным тоном, усвоенным в Москве в начале девяностых. — Послушай, малыш, при такой организации бизнеса проблемы у тебя никогда не кончатся. Ты хочешь разбогатеть или угодить в тюрьму?

— Разбогатеть... — промямлил Майкл.

— Тогда оставь этот миллион в деле, мне хватит и половины твоего бизнеса. Ты будешь писать свои игрушки и ещё массу других программ, а организацию производства, отношения с кредиторами и заказчиками я возьму на себя. По рукам, будущий Билл Гейтс?

Майкл пережёвывал моё предложение.

— Я, в принципе, не возражаю. Но как быть с Бобом?

— С дизайнером? Пусть проспится, а потом перепишет свою долю в компании на меня. Он её уже пропил.

Так началось наше сотрудничество с Майклом. Союз молодости и опыта оказался на редкость прочным и эффективным. Через пару недель финансы компании были приведены в порядок. Заказчики получили свои игры и заключили с нами новые договоры. Но мне этого было мало. Я соскучился по настоящей работе и хотел её больше и больше. Перспективные программисты липли к Майклу как мухи на мёд, мне же оставалось в нужное русло направлять их мозги. Всевозможные приложения для поисковиков, социальных сетей, персональные и корпоративные сайты. Мы не гнушались никакой работой. Но нашей фишкой стали биржевые торговые платформы. Я интуитивно ощущал, что общество переоценивает влияние информационных технологий на своё дальнейшее развитие. Хай-тек — это прекрасно, замечательно, за ним будущее, но человечеству для жизни кроме Интернета нужно ещё многое: еда, одежда, машины, жилище...

Зато в биржевой торговле Интернет произведёт настоящую революцию. Благодаря новым технологиям

спекуляции акциями, валютами, фьючерсами будут доступны каждому, кто в состоянии купить себе компьютер и что-то скопил на чёрный день. Любой лох может почувствовать себя великим финансистом. Рано или поздно он всё равно проиграется, зато до конца жизни будет вспоминать свою причастность к мировым финансам, самой захватывающей игре сильных мира сего.

Биржи и брокеры разных стран быстро озолотили нас с Майклом. Наша фирма превратилась в публичную корпорацию, её акции стали торговаться на Уолл-стрит. Свои доходы мы вкладывали в бумаги других высокотехнологических компаний и успели продать их накануне биржевого краха.

Не знаю, откуда всё взялось. Мне крупно повезло. Я оказался в нужное время в нужном месте. И всё делал вовремя, как будто внутри меня поселился очень опытный и мудрый советчик, знающий наперёд, как будут развиваться события.

— Это моя любовь помогает тебе. Я же предупреждала: тебе все будут завидовать, — Эльза повторила свою пророческую фразу и спросила: — А ты знаешь, как переводится с древнееврейского слово «грех»?

Я пожал плечами.

— Свернуть с пути.

А я и не грешил, живя с ней. В постели она была гораздо отзывчивее Вики, но до Анны ей было далеко. Поэтому иногда хотелось большего, но я себя сдерживал и вскоре забыл, что такое интрижки на стороне. Работа, дом, посещение воскресной проповеди всей семьёй, воспитание дочерей, теологические беседы с Мартином занимали весь мой новый мир, ограждая его невидимой стеной от враждебных сил.

Отношения с Эльзой я официально так и не оформил, хотя она неоднократно намекала, что пора бы. Вначале от нового брака меня удерживали дочери, их категорическое неприятие тётки в качестве матери. Но со временем противоречия как-то сгладились. Мария и Магдалина

подросли, у них появились свои подростковые проблемы. Эльза смирилась, что племянницы никогда не называют её мамой. Ведь девочкам порой приходили письма от родной матери из различных горячих точек планеты. Вики-Виктор был предельно лаконичен: люблю, целую, слушайте папу, дедушку и тётю Эльзу.

А потом мы поехали в Египет. Мартин с радостью согласился присмотреть за внучками. И мы впервые оказались с Эльзой вдвоём на отдыхе. Только она и я. Без бизнеса, без домашних проблем, без детей, без отца. И оказалось, что нам нечего делать одним.

*Что за счастье – быть вечно вдвоём!
И ненужных не ждать визитёров,
И окружных не ткать разговоров, –
Что за счастье – быть вечно вдвоём!*

*Быть с чужою вдвоём нелегко,
Но с родною пьянительно сладко:
В юбке нравится каждая складка,
Пьётся сельтерская, как «клик»!..*

*И «сегодня» у нас – как «вчера»,
Но нам «завтра» не надо иного:
Всё так весело, бодро, здорово!
Море, лес и ветров веера!*

Игорь Северянин

Леса здесь не было, и вообще эта поэтическая идиллия была не про нас. Мои эмоции больше передавала строка «быть с чужою вдвоём нелегко».

Эльза так долго готовилась к этой поездке, мечтала, что на отдыхе я наконец-то решусь и сделаю ей предложение. Но я абсолютно не оправдал её надежд. Сразу повёл себя как настоящая скотина. Не знаю, какая муха меня укусила.

Наверное, не стоило после тяжёлого перелёта пытаться изобразить из себя мачо. У меня ничего не получилось. И я не нашёл лучшего оправдания, как обвинить Эльзу во фригидности. Она расплакалась и убежала в ванную.

На ужин я пошёл один. Потом долго гулял по пляжу, слушал шум прибоя и почти успокоился. А когда вернулся в номер, то обнаружил раздвинутые кровати.

И тут меня переключило окончательно. Таиланд, трансвеститы, превращение Вики в Виктора...

Мы отдыхали по системе «всё включено», в том числе и спиртные напитки. Но моя вредность была настолько сильна, что даже алкоголя не хотелось. Лучше бы я тогда напился, проспался, а потом, съдаемый комплексом вины, покаялся и попросил прощения. Эльза подулась бы для приличия, и мы продолжили отдых, как подобает супругам.

Но я этого не сделал. Наоборот, вёл здоровый образ жизни, вставал с первыми лучами солнца, делал зарядку и отправлялся в гордом одиночестве на завтрак, а потом — на пляж. До обеда плавал среди роскошных рифов и разноцветных рыб. Затем садился в такси и уезжал в Старый город, где слонялся по сувенирным лавкам или просиживал в кофейнях до вечера. После ужина гулял по пляжу, наслаждаясь закатами и морским воздухом. Чем занималась Эльза, мне было неведомо, ведь мы с ней не разговаривали.

Исключение составили лишь экскурсии в Каир и Луксор. На людях мы вынужденно поддерживали видимость общения.

По ночам, мучаясь от бессонницы, я пытался проанализировать причины конфликта.

Вспомнился рассказ одной парикмахерши, с которой я крутил шуры-муры еще на восточном побережье.

— На Мальдивы надо лететь с мужчиной, с которым только что познакомилась, — как-то во время стрижки она излила мне душу. — Я сделала великую глупость, поехав туда со своим старым бойфрендом. Одинокое бунгало на берегу голубой лагуны. Пальмы, кокосы. Райский остров. Баунти. Через день мы с моим кавалером поссорились, ещё через день перестали разговаривать, а ещё через день готовы были разорвать друг дружку в клочья. Чтобы удержаться от кровопролития, я решила на побег. А там каждый отель — на отдельном острове.

Туристов привозят из столицы на гидропланах. Я выбрала момент, когда мой любовник уплыл подальше, собрала свои вещички и помчалась на причал. Как на беду, у меня не оказалось с собой наличных, только кредитная карточка. А гидропланы старые, платёжными терминалами не оборудованы. Только бутылка виски, которую я прихватила с собой из мини-бара, разжалобила лётчика, и он пустил меня в кабину. Ночь, незнакомые звёзды и большая круглая луна освещают полёт хрупкого самолета, а под нами серебрится Индийский океан. Бывший военный американский лётчик, седой и загорелый, сделав глоток виски, передаёт бутылку мне. Шум мотора заглушает слова. Обалдеть!

А потом мне вспомнился Боб, наш ведущий веб-дизайнер, тот самый, что лишился акций из-за несчастной любви. Его избранница весила больше центнера. Первая стадия ожирения. Расплывшийся студень, а не женщина. Как такую можно любить? Но Боб сходил по ней с ума. А потом она похудела, конечно, не до размеров фотомодели, но до приемлемых габаритов и стала наставлять Бобу рога с каждым встречным мужиком, которому не противны были её прелести. А Бобу плела сказки о платонической любви. Когда другие мужики только трогают её за руку, у неё сразу мурашки пробегают по коже, а на его ласки — нет. Малость похудевшая толстуха изображала из себя сердцеедку, женщину-вамп. С раннего детства болезненно полная девочка подвергалась жестоким унижениям со стороны сверстников, теперь выплёскивает накопившиеся обиды на бедного мужа.

А чем ты отличаешься от неё, Адам? Это же Вики изводила тебя в Таиланде, почему ты вымещаешь свою старую злость на её сестре в Египте? Она же ничего плохого тебе не сделала. Только — хорошее. Она по-настоящему любит тебя. А ты?

Есть женщины для отдыха, а есть — для жизни. Эльза принадлежала ко вторым. Стоило нам вернуться домой и окунуться в повседневные хлопоты, как отпускные оби-

ды сами собой постепенно забылись, и жизнь вернулась в наезженную колею.

Кризис доткомов не давал расслабиться. Многие высокотехнологические компании разорились. Мы сами едва удерживались на плаву, пришлось урезать расходы и сократить персонал.

— Не понимаю, зачем? — недоумевал Майкл. — У нас на счету лежат миллиарды, а мы экономим каждый цент!

— Время разбрасывать камни, время собирать камни. Но есть ещё и третье — просто ждать. Когда на рынок придёт оживление, мы будем первыми, кто его подхватит. Кто умеет ждать, тот владеет миром, говорили древние мудрецы.

— Но от этого безделья можно сойти с ума! Я хочу новый «Феррари». Скажешь, не имею права?

— Почему же, имеешь. Тебе принадлежит половина компании. Но я бы пока повременил с дорогими покупками. Сейчас многим плохо, ты только вызовешь у них чёрную зависть. Отправляйся лучше в кругосветное путешествие или займись образованием. Ты когда-нибудь окончишь университет?

Майклу сильно не нравилось, когда старшие учили его жизни, а разговоры про учёбу вообще приводили в бешенство. Меня в глубине души он побаивался, потому не вспылывал.

— Хорошо, компаньон, уговорил. Отправляюсь в круиз вокруг шарика и целых три месяца не буду тебе надоедать.

Но Эльза думала по-другому:

— А не много ли Майкл тратит на себя? Вначале вила на Багамах, теперь вот кругосветный круиз!

— Пока молодой, пусть потешится.

— А нам деньги не нужны?!

— Что ты взъелась на парня? Хочешь сама отдохнуть? Поезжай, куда душа пожелает. Вон НАСА туристов в космос отправляет.

— Спасибо. Уже отдохнула. У меня и здесь дел полно.

Эльза открыто говорила о себе:

— Да, я жадная. Но если тратить деньги, как вы, направо и налево, то скоро без штанов останемся.

Я как-то не выдержал и пожаловался Мартину на её прижимистость. Пастор только развёл руками:

— Она истинная лютеранка, Адам. Мирская аскеза — это традиция нашей веры. Не будь протестантской этики, не было бы современного капитализма.

И он рассказал мне, откуда растут корни этой скупости.

— Вам же довелось побывать в бизнесе посредником? Механизм извлечения прибыли знаете? Что-то отстегнул от производителя, что-то — от потребителя. Похожая практика встречается и в делах духовных. Кто такой священник в католичестве и в православии? Тот же посредник. Но только не между продавцом и покупателем, а между Богом и человеком. Вы, кстати, знаете, почему в христианстве вообще появился протестантизм?

В общих чертах я, конечно, знал историю его возникновения, всё-таки столько лет прожил с дочерьми проповедника, но ужасно хотелось услышать интерпретацию самого Мартина. Обладая энциклопедическими знаниями и пытливым неординарным умом, он привык во всём докапываться до сути.

— В Средние века в католической церкви бурно процветала торговля индульгенциями — специальными грамотами, подтверждающими отпущение грешникам грехов. Не важно, насколько праведно прошёл христианин свой земной путь — будь он хоть разбойником, хоть вором, хоть убийцей, но если у него было достаточно денег купить частицу святости у церкви, то ему отпускались все грехи, и он мог рассчитывать попасть в Царство Небесное. Безусловно, истинных христиан коробила такая несправедливая и циничная торговля. Какой святостью может обладать продажный священник? Поэтому в протестантизме все верующие равны перед Богом, каждый сам себе исповедник. Свои поступки и мысли мы сверяем только с Библией. Спасение — это божья благодать, от человека не зависящая. А проповедь может прочитать любой из прихожан, который ощущает в себе силу

и право. Кстати, Адам, я уже давно хочу предложить вам попробовать себя в роли проповедника. Мне кажется, у вас уже получится.

— Спасибо за предложение. Я подумаю. Но мы отвлеклись от первопричины разговора. Причём здесь скупость?

— Аскеза, Адам, не путайте. К богатству, накопленному трудами праведными, протестанты относятся чрезвычайно бережно и рачительно. Отсюда первоначальное накопление капитала для промышленного производства. Не случайно капитализм развился в первую очередь в протестантских странах, и кризисы мы переживаем гораздо легче, чем остальные христиане.

Когда человек непосредственно сверяет свои деяния со Священным Писанием, когда он сам строго спрашивает с себя за малейшие проступки, а не надеется на доброго священника, который отпустит ему грехи, тогда он становится истинно свободным и Бог помогает ему в делах. Вот в чём секрет ускоренного промышленного развития Запада, а не в законе стоимости Маркса, как вас, наверняка, учили.

Кстати, о вашей родине, Адам. Как вы думаете: кому принадлежало три четверти торгово-промышленного капитала Российской империи до 1917 года?

— Может быть, дворянам или царским придворным?

— Староверам, друг мой, староверам!

— Не может быть!

— Тем не менее это правда. Консервативный протест русских раскольников привёл практически к такому же результату, что инновационный протест западных христиан. Когда между человеком и Богом нет посредников, высвобождается колоссальная созидательная энергия!

Эльза ворвалась в мой кабинет, как фурия, громко захлопнув за собой дверь.

— Что это такое, Адам? — кричала она, сотрясая у меня под носом платёжным поручением. — Кому ты купил квартиру в Санкт-Петербурге?

— Сыну.

— Ну, знаешь ли, если мы будем обеспечивать всех нуждающихся родственников, то никаких денег не хватит!

Я смотрел на её багровое взволнованное лицо и не понимал протестантской аскезы.

Эльза решила родить. Нет, не тайком. Она заранее предупредила меня о своих планах. Я не возражал, надеясь, что материнство сделает её добрее, терпимее к другим людям. Даже сходил на приём к андрологу, противопоказаний к деторождению он у меня не выявил. Три месяца перед зачатием ни она, ни я не употребляли спиртного. Курить — мы вообще не курили. Но у Эльзы случился выкидыш.

И тогда я понял, док, что в книге судеб нет такой страницы. И я ушел от Эльзы. Дочери уже учились в университете и жили в другом городе. Нас больше ничего не связывало.

На счёт компании поступила крупная сумма за программное обеспечение, разработанное для одной корпорации. Над этим заказом программисты работали больше года. Деньги только засветились в банке и тут же исчезли. Оказалось, что Эльза самовольно перевела их на свой личный счёт.

Я позвонил ей.

— Это твоя неустойка, Адам, за нашу несостоявшуюся семью, за остатки моей молодости, потраченные на тебя. И давай не будем считать, кто сколько заработал за это время.

Я не стал выносить сор из избы, списал эти деньги на убытки и поблагодарил Бога за всё, что Эльза сделала для меня, для моих дочерей, и за то, что я так и не женился на ней.

Глава 5. Рёбра Адама

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел её к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

Бытие

М. Слава богу, вы спасли меня! Я уже хотел вернуть вам деньги и отказаться от проекта. Как создать идеальную женщину из того, что вы свалили на меня! Психопатка-алкоголичка — раз. Нимфоманка — два. И, наконец, для полного счастья — лесбиянка. Хорошенький набор для идеала! Вы долго собирали такую прекрасную коллекцию? Извините, пожалуйста, за фривольность. От полноты чувств, знаете ли, вырвалось! Я вам так благодарен, так благодарен, мистер Адам, если бы вы только знали. Ваша Эльза — просто чудо! Она сохранит мне репутацию. Правда, придётся поменять всю конструкцию замысла, но это такая мелочь! А вы можете уговорить её сдать кровь? Мне хотя бы капельку её крови...

А. Не знаю. Мы уже давно не виделись. Общаемся по телефону, да и то редко. Поздравляю её с Рождеством и с днём рождения. Обиды понемногу забылись, но расстались-то мы плохо.

М. Скажите ей, что хотите узнать причину, почему она потеряла ребёнка. Зародите в её душе надежду, что не всё ещё потеряно.

А. Док, но ей уже под пятьдесят. Какие роды?

М. Милый вы мой, одно ваше слово, и она родит у меня и в семьдесят. Кстати, на мой взгляд, для вас это лучший вариант.

А. Уважаемый, я прошу вас не лезть ко мне со своими советами. Расскажите лучше, что вы задумали?

М. Мы не будем клонировать вашу первую жену и наделять её новой собирательной душой. В самих прототипах слишком много риска. Все достоинства ваших избранниц есть продолжение их недостатков. Не мне говорить вам про их изъяны. Мы сделаем иначе – из всего генного многообразия четырёх женщин мы возьмём только лучшее, что нам нужно.

А. Ген красоты, ген темперамента, ген уравновешенности и ген любви. Вы меня разыгрываете? Это невозможно!

М. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Мне самому жутко интересно попробовать осуществить эту затею. Если что-то не получится и вам не понравится результат, мы даже готовы компенсировать вам часть затрат. Только, пожалуйста, позвоните Эльзе. Из ваших дам, даже несмотря на свою скупость, она ближе других к нормальной женщине. Всего одна капелька её крови, и вы очень скоро получите свою Галатею в лучшем виде!

Эльза удивилась моей просьбе, но кровь сдала. Потом даже перезвонила, поинтересовалась о результатах.

– К сожалению, ничего утешительного, – соврал я.

Она бросила трубку.

Моисей целыми днями пропадал в своей лаборатории и заскакивал в кают-компанию вечером ненадолго, чтобы записать в дневник очередные наработки и составить короткий план на завтра. Увлечённый работой, он даже не замечал моего присутствия. Пространные беседы остались в прошлом, в лучшем случае он осчастливливал меня короткими репликами.

– Замечательно. Всё идет по плану. Скоро будет готово.

– А мне что прикажете делать? Я изнываю от безделья на вашем корабле!

— Займитесь делами. Вы же бизнесмен!

— Я отошёл от дел. Все полномочия теперь у компаньона.

Моисей оторвался от своего дневника и удивлённо, как на незнакомца, посмотрел на меня.

— А вы вообще собираетесь соответствовать вашему идеалу? Немедленно заняться спортом! Комплекс упражнений вам подберут. Строжайшая диета. Никаких жиров. Белки и витамины. Питание только по составленному рациону. Пройдите комплексное медицинское обследование, и мы вылечим все ваши болячки. Через считанные недели вы встретитесь со своей мечтой, извольте быть в форме, мистер Адам, и не ударьте лицом в грязь.

Моисей пригласил меня на роды, я надеюсь, моей будущей жены.

Родильный блок располагался на нижней палубе, куда посторонним вход был строго запрещён. В пропускнике меня заставили раздеться догола, санитары в белых скафандрах долго обрабатывали из длинных трубок едким дезинфицирующим паром моё тело, потом облачили в такой же, как у них, космический наряд. На голову водрузили круглый шлем из прозрачного пластика, а затем усадили на кушетку и велели подождать.

Массивные герметичные двери, как на космическом корабле, бесшумно разъехались, и я узрел явление Моисея. Ему очень шёл костюм астронавта. На фоне яркого белого света медицинских ламп, прорывавшегося из операционной, шлем главного производителя клонов походил на нимб, окружавший его лысину.

Невольно подумалось: может быть, когда-то, миллионы лет назад, такой же космический пришелец, названный впоследствии Богом, и создал жизнь на Земле?

Но некогда было отвлекаться на философские темы, Моисей жестами позвал меня в свою святыню.

Абсолютная белизна и ярчайший дневной свет. Никаких операционных столов, хирургических инструментов. Совершенно пустая зала идеально круглой формы.

— Вы удивлены? — в наушниках раздался глас Моисея. — Наш мир создан из пустоты. Она — начало всех начал.

Яркая вспышка заставила меня зажмуриться. Из стены выехал ящик, как в старой библиотечной картотеке или в банковском хранилище, только округлой формы.

— А вот и наша колыбелька! — ласково промурлыкал творец.

Он коснулся сенсорной панели, и глухая крышка «хлебницы» отъехала вверх. В прозрачной капсуле, наполненной какой-то жидкостью, свернувшись калачиком, лежало красное тельце будущего человека, вместо пуповины опутанное гибкой трубкой.

Я присутствовал на трудных родах двойни. И даже тогда не потерял самообладания. Но сейчас я был близок к обмороку. Одно дело — наблюдать естественное появление человека на свет через муки матери из огромной чёрной дыры женской промежности. И совсем другое — быть свидетелем того, что происходит непосредственно в материнском чреве. Эта тайна не должна быть доступной простым смертным.

— Коллега, вы совсем побледнели! Успокойтесь. Ни стонов, ни криков, ни крови не будет. Сейчас мои ассистенты спустят жидкость и аккуратно вынут трубку из животика, чтобы не испортить пупок вашей красавице. Потом девочку поместят в специальную кислородную камеру и начнут искусственное вскармливание.

Пучок волос, пластмассовые бусы, грязная футболка и капля крови — вот они, рёбра Адама, из которых Моисей создал Еву.

— И как же мы назовём нашу Галатею?

Доктор вернулся в своё привычное состояние философствующего сибарита.

— Кого мы имели изначально? Анна, Виктория, Эльза. Получается — АВЕ, что по-латински означает «славься». Ну, помните, конечно, «аве Мария». Кстати, а вы так и не сказали, как звали вашу первую жену. Уж не Марией ли?

– Нет, док. Ей очень подходило её имя. Соня. Она была жуткой бездельницей и очень любила поспать. Иногда не одна.

– Соня, Соня... Это София, что ли? В переводе с греческого означает «святая».

Моисей ещё что-то шептал себе под нос и записывал в блокноте какие-то столбики.

– Эврика! Нашёл! Судьба сама дала ей имя. Если мы поменяем очерёдность ваших любовей и расставим имена избранниц не в хронологической последовательности, а, наоборот, с конца. Ведь мы имеем на это полное право. Под номером один в нашем эксперименте значится Эльза. Элизабет, Елизавета. Далее – Виктория. Потом – Анна. Елизавета, Виктория, Анна. Какая у нас получилась аббревиатура? ЕВА!

Моисей вскочил с кресла и стал нервно расхаживать по каюте.

– Это же было так очевидно! И почему я заикнулся на Пигмалионе и Галатее? Из ребра Адама можно было создать только Еву! Адам и Ева! Первые люди новой эпохи! Как это символично!

– А куда мы денем Соню? Отбросим за ненадобностью?

– Ни в коем случае, Адам! Ни в коем случае! У вас будет особенная Ева. Ева – София. Санта-Ева. Святая Ева! Ведь двое из её праматерей были дочерьми священника.

– Пастора, – поправил я Моисея.

– Какая разница! – отмахнулся док. – Главное, судьба нам даёт подсказку, как подстраховаться, чтобы нейтрализовать развитие потенциальных нежелательных черт в её характере. Надо воспитать её в строгой религиозной традиции.

Моисей опять ушел в себя, а потом огорошил меня вопросом:

– Как вы планируете социализировать Еву?

– У меня остались в России кое-какие связи. Есть люди, которые за деньги могут сделать ей весь пакет настоящих документов. Свидетельство о рождении, паспорт, аттестат, диплом, водительские права.

– Неплохое начало легенды. Значит, она будет русской. Сирота. Её родители погибли в автомобильной катастрофе. Она тоже находилась в машине. Но ей удалось выжить. Сколько лет она провела в коме?

– Пять?

– Нормально. Хороший срок, чтобы выпасть из прежнего круга знакомств. Кто она по образованию?

– Может быть, филолог?

– Нет, Адам. Тепло, но не горячо. Пусть она лучше будет культурологом, увлекающейся изучением религий. А кто были её родители? Может быть, её отец был настоятелем православного храма? У вас есть связи в Русской православной церкви? Жаль. Тогда он был просто набожным бизнесменом, его убийство могли заказать алчные конкуренты. А вы – лучший друг её отца. Все эти годы, пока она находилась в коме, вы оплачивали её лечение, были рядом.

Моисей продолжал разговаривать сам с собой.

– Но в Россию везти её нельзя. Вдруг начнёт навредить справки о своей семье, и вся наша легенда рассыплется. Дорога в Северную Америку, Европу и даже Израиль вам тоже закрыта. Серьёзный иммиграционный контроль, ненужные проверки. Где же вас поселить-то с молодой женой, Адам?

– Может быть, на каком-нибудь острове? У меня есть давнишняя мечта – сбежать от цивилизации и пожить как Робинзон Крузо.

– Остров – это хорошо. Еве нужны свежие фрукты. Гигантское количество витаминов и особенно кальция! Пару-тройку лет её кости будут очень хрупкими. Ведь они выращены интенсивным методом в очень сжатые сроки. Поэтому никаких физических перегрузок. С сексом не перестарайтесь. Ей нельзя забеременеть в первый год. Без цивилизации и медицинского присмотра вам никак не обойтись. Остров, медицина, фрукты, бегство от цивилизации, религии.

Моисей снова ушёл в себя, повторяя, как мантру, исходные требования к месту нашего будущего обитания.

— Я, кажется, знаю одно такое место. Правда, могут возникнуть сложности с медициной, но, если что, позвоните мне. Этот остров называется Цейлон. Соперничество двух древних религий — индуизма и буддизма. Там очень красивые брачные церемонии. И главное — никому до вас с Евой не будет дела. Многие уставшие от суеты белые люди находят там покой и пристанище. Знаменитый писатель-фантаст Артур Кларк, получив Нобелевскую премию, поселился именно на Цейлоне.

— А как там оказалась русская Ева?

Мой вопрос заставил доктора задуматься лишь на секунды.

— Версию с автокатастрофой отмечаем. Кораблекрушение. Вот что нам нужно! Она путешествовала с родителями на яхте по Индийскому океану. Внезапно налетел шторм. Яхта затонула. Родители погибли. А её без сознания чудом вынесло на берег. От удара головой о мачту она потеряла память. Пять лет комы оставляем. Вы случайно слышали о гибели семьи вашего друга, стали наводить справки и узнали, что на берегу нашли неопознанную девушку. Дальше просто. Прилетаете на Цейлон. Узнаёте в пострадавшей дочь своего друга. Помещаете её в лучшую клинику, организуете хороший уход, платите за лечение и привозите ей из России новые документы.

— Гладко получается. Ни к чему не придерёшься. Вам бы книжки писать с такой-то фантазией.

Моя похвала пришлась Моисею по душе. Он даже потёр ладони от азарта и удовольствия.

— Напишем. Ещё не то напишем, коллега!

Но тут же посерьёзnel.

— У вас есть ещё замечания или дополнения к Евиной легенде?

— Она будет знать только русский язык?

— Английскому я её, само собой, обучу. Да, ещё немецкий! Совсем забыл! У неё же две праматери — немки.

— И одна — француженка.

— Понял. Это всё?

Я замялся.

— А она точно будет адекватной? Уметь чистить зубы, пользоваться женскими гигиеническими средствами? Или мне всему придётся её учить?

— Обижаете, коллега. Я разве вам обещал маугли или йети? Конечно, от вас потребуется некоторая деликатность, особенно в начале её адаптации. Мне разве учить вас, как ухаживать за женщинами?

— Но... понравлюсь ли я ей?

— Об этом даже не беспокойтесь. Ева будет вас боготворить.

— Ну, если так...

— Тогда я приступаю к сеансам гипноза.

Он посмотрел на географическую карту, потом на календарь.

— Наше судно сейчас дрейфует возле южной оконечности Африки. Если вы определились с местом высадки, то я сейчас же прикажу капитану взять курс на Коломбо. К прибытию в её очаровательной головке всё будет разложено по полочкам.

Свежо и знойно. Свежо и смело.

Чего-то надо. Чего-то ждёшь.

Душа жестокость свершить посмела!

Душа посмела отвергнуть ложь!

В былом ошибка. В былом – ненужность.

В былом – уродство. Позор в былом.

В грядущем – чувства её жемчужность,

А в настоящем – лишь перелом.

Игорь Северянин

Часть вторая
ПРИШЕСТВИЕ

*Все мечты обо что-нибудь бьются,
И более всего – о сбываемость.*

Игорь ГУБЕРМАН

Глава 1. Райские яблоки

*Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?*

Игорь Северянин

В неё невозможно было не влюбиться. Едва она открыла свои серые с поволокой глаза, как тысячи иголок пронзили меня с головы до пят.

– Дядя Адам... Вы? – прошептали её засохшие губы.

А голос, слышали бы вы этот голос! В нём было всё: и нежность, и доброта, и одухотворённость, и аристократизм, и обещание страсти.

Моисей и впрямь сотворил чудо. Подобно сумасшедшему парфюмеру, ему удалось извлечь всё обаяние, весь запас любви из некогда дорогих мне женщин и приготовить волшебный эликсир.

– Не бойся, моя девочка. Я теперь всегда буду с тобой.

Она улыбнулась, да так, что вся палата наполнилась светом.

– Какое счастье. Я всегда мечтала об этом.

Кончиками пальцев она провела по моей руке.

– Какая мягкая и тёплая у вас кожа. А мы где? В раю?

– Почти.

У меня от волнения пересохло в горле.

Она обвела взором палату и взглянула в открытое окно, выходящее в парк. Сочная тропическая растительность контрастировала с однотонным больничным убранством. Щебет птиц заглушал шум прибоя. Но она расслышала грохот волн, разбивающихся о пирс. Из-под пушистых ресниц сверкнули слёзы.

– Я вспомнила. Яхта. Шторм. А что с мамой и папой?

Мне не потребовалось врать. Ева сама всё поняла.

— Как долго я была без сознания?

— Почти пять лет, — подтвердил я заученную легенду.

— Боже! Вся молодость прошла в беспомыслии. Так мне уже двадцать три?

Я подтвердил её догадку кивком головы.

— Это вообще чудо, что ты жива.

— Вы ведь живёте в Калифорнии? Мы в Америке?

— Нет, Ева. Мы пока в Шри-Ланке. Тебя нельзя было перевозить. И ещё какое-то время нам придётся пожить здесь, пока ты не окрепнешь.

Она приподнялась с подушек и села на кровати. Её пышные белокурые волосы рассыпались по плечам. В солнечном свете они отливали золотом как у настоящей принцессы. Моисей выбрал этот цвет волос и не ошибся.

— Из университета меня, конечно, отчислили. Папин бизнес поделили конкуренты. А московская квартира, дача?

— Боюсь, что ничем порадовать я тебя не смогу. Всё ваше имущество продано за долги. В этом мире ничего ничейным не бывает. Тебя слишком долго не было, поздно предъявлять права на наследство. Даже паспорт восстановили с трудом.

Ева обхватила руками колени.

— Значит, я нищая, необразованная бомжиха. Вдобавок — в чужой стране.

Я присел на кровать и обнял её за плечи:

— Не стоит так расстраиваться, родная. Главное, что я тебя нашёл. Мы — вместе. А остальное приложится.

Она разрыдалась, уткнувшись в мое плечо.

— Спасибо, Адам. Я так долго мечтала о нашей встрече. Но не думала, что увидимся при таких обстоятельствах.

В эту клинику Моисей поместил её перед самым пробуждением. После выписки лучше было уехать из Колombo. Кто-нибудь из медицинского персонала мог проболтаться, что не пять лет Ева провела в беспомыслии,

а всего пять дней. Бережёного бог бережет. По туристскому каталогу я нашёл уютный отель в ста километрах к югу. Особенно мне понравилась его уединённость. Заявку на бронь двух люксов я отправил по Интернету.

Перед отъездом мы заехали в универмаг, чтобы приодеть новоиспечённую красавицу. Мои ожидания, что Ева набросится на тряпки с жадностью Анны, не оправдались. Она купила лишь самое необходимое, причём всякий раз, выбирая вещь, в первую очередь смотрела на ценник.

Как вести себя с ней? Молодая красивая девушка, полностью зависящая от меня и питающая ко мне явную симпатию. Но я-то знаю, что ей всего два месяца отроду, что вся её предыдущая жизнь, да и она сама — исключительно моя выдумка, воплощённая гением Моисея.

Ехать пришлось долго, часа три. Узкое шоссе петляло вдоль океана, и в каждом населённом пункте такси попадало в пробки. Но Еву медленная езда несколько не раздражала, она с огромным интересом рассматривала жизнь за автомобильным стеклом. Позолоченные купола храмов, статуи Будды, велорикши, туктуки, полицейские-регулировщики, пальмы, цветы магнолии, обезьяны на лианах, девочки в белоснежной форме...

— А вы женаты, Адам? — неожиданно спросила меня Ева, оторвавшись от окна.

— Был. Даже дважды.

— И что стало с вашими жёнами?

— Одна умерла, а другая стала мужчиной.

— Как?!

— Сделала операцию по смене пола.

— Поэтому вы и развелись?

— Ну, да. Я не хочу жить с мужчиной.

— Бедный. Если бы я была вашей женой, никогда вас не бросила.

Я промолчал, и она снова уставилась в окно. Начался дождь. Люди на улице раскрыли над головами зонтики.

А дворники не успевали сбрасывать струи воды с ветрового стекла.

Ева провела пальцем по запотевшему стеклу.

— Я влюбилась в вас ещё в школе, когда вы приезжали в Москву. Вы так отличались от всех остальных. Настоящий американец, а улыбка — русская. Так улыбались актёры старых советских фильмов. Не заискивая, не стремясь произвести впечатление, а просто потому, что им хорошо и радостно на душе.

Ну и сюрприз приготовил мне Моисей! Оказывается, вот зачем ему нужна была кровь Эльзы. Только она могла предложить себя в жёны. Но Ева сделала это тоньше, вскользь, загодя подготавливая меня к принятию важного решения. Если бы Анна захотела выйти за меня замуж, она, вероятно, вела бы себя так. Невероятно увлекательная игра — угадывать в Еве черты её прародительниц — только начиналась.

В отеле нас встретили радушно. Пока портье оформлял документы, официанты принесли подогретые влажные салфетки для рук, порезанные экзотические фрукты на большом блюде, сок, воду и шампанское.

Вестибюли восточных отелей обладают изысканностью и неповторимостью в отличие от стандартного западного комфорта. И только терпкий запах сандала объединяет их в нечто общее, характерное исключительно для тропической Азии.

Носильщик проводил нас до номеров. Один окнами выходил на океан, а другой располагался напротив через коридор, из него открывался вид на парк, переходящий в джунгли. Ева выбрала второй, сославшись, что море производит на неё тягостное впечатление. Но едва за носильщиком закрылась дверь, как тут же раздался стук.

На пороге стояла моя принцесса с дорожной сумкой на плече.

— Я передумала. Одиночество меня тяготит сильнее, чем море. И зачем нам платить за два номера, ведь мы прекрасно поместимся и в одном?

Ужин при свечах. Седой пианист играет Дебюсси. Французское вино тридцатилетней выдержки. Розоватые лобстеры на фарфоровых тарелках. У Евы не получается разломить панцирь серебряными щипцами. Она напрягается, лобстер с хрустом лопается, и мелкие кусочки разлетаются по всему столу, но больше — на её платье, белое в чёрный горошек. Официант приносит влажное полотенце, я стараюсь затереть пятно. Получается плохо. Мы смеёмся от души.

— Мне двадцать три. А я ещё девственница. Стыдно, наверное?

— В наше безнравственное время этим гордиться надо.

Мы стояли возле самого обрыва. Под ногами размеренно дышал океан. Из темноты прилетал прохладный ветерок. Я набросил Еве на плечи свой пиджак.

— Мои подруги, наверное, все давно замужем? Но я почему-то не помню ни одну из них. Родителей помню, а подруг — нет. Так разве бывает, Адам?

«И на старуху бывает проруха!» — подумал я, поймав Моисея на недоработке, а вслух произнёс:

— Наша память — вообще странная штука. Иногда не помнишь, что ел за завтраком, а порой вспоминаешь даже прошлые жизни.

Это была чистой воды провокация. Я хотел проверить Еву: помнит ли она что-нибудь об Эльзе-Виктории-Анне-Софии?

Но она промолчала. Просто прижалась крепко ко мне и прошептала:

— Пойдём домой.

С океана наплывал серый рассвет. Лопасты огромного паука-вентилятора, свисающего с потолка, лениво вращались. Лёгкий ветерок шевелил рассыпанные на взмокшей от пота подушке пушистые волосы Евы. Скомканные простыни валялись на полу.

— Мой, точно мой. Любимый и единственный, — шептала она, и глаза её сияли от счастья в утренних сумерках.

— Ты — моя воплощённая мечта. Грёзы наяву.

— Я — твоё продолжение, а ты — моё. Мы теперь единое целое, навечно.

— Пока смерть не разлучит нас. Но и она мне не страшна. Я выполнил своё предназначение и легко уму ради тебя.

— Мы будем жить долго и счастливо. Ты спас меня, воскресил к жизни. А я спасу тебя.

— Ты даже не представляешь, насколько ты права.

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!*

*Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья в одно сольём.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоём!*

*Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!*

Константин Бальмонт

Эту парочку мы заприметили на пляже. Они выделялись из толпы местных жителей, осаждавших территорию отеля, в надежде подзаработать на туристах. Низкий и толстый китаец не снимал улыбающуюся маску со своего лица. А высокий и худой индус всегда был серьёзен и даже слегка надменен. Держались они особняком от остальных. Оба были молоды, лет двадцати от роду.

— Экскурсии в любую точку острова всего за полцены. Мадам и господин не желают? — пролепетал на ломаном английском китаец и расплылся в подобострастной улыбке.

Он положил рекламку с телефоном на столик между лежаками.

— За полцены!

Его и без того круглое лицо стало ещё круглее и походило на арбуз, из которого вырезали лишь один ломоть.

Я отказался и протянул листовку назад, но Ева оставила меня.

— В Канди можете отвезти?

— Конечно, мадам. Куда пожелаете. У моего друга хорошая машина с кондиционером.

Я не очень-то одобрял инициативу Евы знакомиться на пляже с посторонними людьми.

— Так можно нарваться на неприятности, — предупредил я её по-русски. — Лучше закажем экскурсию в отеле.

— Там скучно и официально. Затюканный гид будет твердить в тысячный раз надоевшие фразы. Этим двоим можно не опасаться. Они светлые, на преступление не способны. С ними будет интересно.

И я согласился, только вначале на ближнюю экскурсию — на лодке по окрестной реке. Хотелось убедиться в проницательности Евы.

Они оказались пунктуальными. Длинная деревянная лодка с мотором поджидала нас на берегу в назначенное время.

— Меня зовут Кун, а моего друга — Шива. Мы очень рады, господа, что вы выбрали нас, — как заправский гид, произнёс китаец и пригласил в лодку.

— Я — Адам, а это — Ева.

— О! Как в Библии!

— А что, твой товарищ немой или английского языка не знает? — поинтересовался я у Куна.

Лёгкая улыбка тронула губы Шивы. Он слегка поклонился в знак уважения.

— У нас, как в настоящей фирме, разделение обязанностей. Я гид, а он водитель, — пояснил китаец и оттолкнул лодку от берега.

Шива одним рывком завёл мотор и плавно повернул руль в сторону океана.

— Посмотрите. Это — варан, — показал вверх Кун, когда мы проплывали под железнодорожным мостом.

Огромное животное, похожее на тюленя, мы разглядели не сразу. Гигантская серая туша мирно дремала на щедро прогретом тропическим солнцем бетонном перекрытии. Ева даже ахнула от неожиданности, уви-

дев это спящее чудовище на расстоянии вытянутой руки.

— Не бойтесь. Варан на людей не нападает. Это не крокодил, — сказал китаец.

Но меня беспокоил наш безмолвный кормчий. Шива не сводил глаз с Евы, особенно с её ног. Она старалась не смотреть в его сторону.

Наконец индус набрался смелости и спросил её по-немецки, нравится ли ей Цейлон. Ева ответила: «Да» на чистом баварском наречии. Впервые услышав её немецкую речь, я в очередной раз отметил качество работы Моисея. Но виду, что знаю этот язык, не подал. Шива для проформы задал Еве ещё ряд невинных вопросов и, видя, что я никак не реагирую на их беседу, предложил:

— Здесь неподалеку есть отличный ночной клуб. Может быть, сходим туда как-нибудь вдвоём, пока твой старик будет спать?

Ева покраснела и судорожно замотала головой из стороны в сторону. Бедная девочка не знала, как деликатно отказать нахалу.

— Старик еще не так стар, чтобы спать один, юноша. А если вы не перестанете так похотливо смотреть на мою девушку, я попрошу высадить нас на берег.

Моя реплика на немецком застала моториста врасплох.

— Извините, — произнёс Шива по-английски и стал смотреть на реку. — Больше такого не повторится.

Экскурсия по реке удалась на славу. Юноши показали нам сказочные мангровые заросли, спящих на ветках вниз головами летучих собак, экзотических разноцветных птиц. Вот только с крокодилами промашка вышла. Начался ливень, и рептилии залегли на дно. Парни ловко натянули над лодкой тент, и нам удалось выплыть совершенно сухими из потока, пролившегося с небес.

Под занавес путешествия Кун сильно извинялся за своего несдержанного товарища:

— Шива совсем не хотел вас обидеть. Это не распушенность, не хамство с его стороны, а просто дань традиции, что ли. Тамилы все такие. Они забываются, когда видят красивую женщину. Любовь для них — ритуал, священный обряд.

Я рассчитался с Куном, но ехать с ночёвкой в Канди с ними мне как-то не хотелось. Китаец чувствовал моё настроение и не унимался с уговорами:

— Он хороший семьянин. У него две маленькие дочери. Жена ждёт третьего ребенка. Им очень нужны деньги, сэр. Шива происходит из высокой касты. Он обязательно возьмёт своё поведение под контроль.

Если бы не Ева, никогда бы не поддался.

— Как интересно! Я же говорила тебе, Адам, что эти ребята непростые. Шива наверняка может рассказать много интересного про индуизм.

— Обязательно расскажет, мадам. А я про буддизм и конфуцианство. Я же приехал сюда изучать учение Будды.

Мне самому захотелось продолжить общение с этой парочкой, и я согласно махнул рукой.

Кун поджидал нас на выходе из отеля. Привыкшие видеть его в футболке и цветастых шортах, мы были поражены официальным видом гида. Наглаженные брюки, свежая голубая сорочка с синим галстуком. Его круглое лицо светилось от счастья. Невозможно было удержать ответную улыбку.

Он провёл нас на автостоянку, где за рулём правой «Тойоты» важно восседал Шива в наряде под стать гида.

— Дорога до Канди займёт шесть часов. Располагайтесь удобнее. Первая остановка — на плантации специй.

Кун усадил нас сзади, а сам занял переднее место рядом со своим товарищем.

Я был рад наблюдать перед собой затылок, а не глаза Шивы. Ева предусмотрительно надела просторные бриджи, дабы не смущать любвеобильного индуса. Вдобавок Шива включил кондиционер, и, чтобы не замёрзнуть, ей пришлось накинуть на плечи лёгкую кофточку.

— Шива, а из какой вы касты? — чтобы завязать разговор, спросила Ева водителя.

— Кшатрий. По-вашему, воин, мадам, — холодно ответил он.

— А всего каст четыре?

— Да, мадам. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры.

— Как я понимаю, жрецы, воины, торговцы и слуги?

— Всё верно. Есть еще неприкасаемые. Они не принадлежат ни к какой касте. Многие из неприкасаемых подались в буддизм. Там нет каст.

— Неужели в наше время можно всерьёз воспринимать эти средневековые предрассудки?

В зеркале заднего вида блеснули чёрные глаза Шивы, но он сдержался.

— Пожалуйста, не оскорбляйте наши древние обычаи. Кто соблюдает правила своей варны, в будущей жизни поднимется выше, а нарушающий падёт низко.

— Извините. Я не знала, что это так серьёзно.

— Еще как серьёзно! — встрял в разговор китаец. — Настолько серьёзно, что эти дикари даже запрещают своим детям жениться по любви.

— Это правда? — Ева не поверила своим ушам.

— Ещё какая! — не унимался Кун. — Ты, Шива, лучше расскажи господам, как тебя твои предки женили.

— Тебе надо, сам и рассказывай! — огрызнулся водитель и демонстративно устался на дорогу.

И Кун рассказал нам трагическую историю любви своего друга.

Шива и Парвати дружили с раннего детства. Вместе ходили в школу, вместе играли на улице. А когда повзрослели, то полюбили друг друга. Но Парвати происходила из другой касты. Её отец был простым ремесленником, а отец Шивы — армейским полковником. Жили они тогда в другом городе, на севере острова. Молодые люди понимали, что им никогда не быть вместе, но в глубине души надеялись на чудо, особенно девушка. Но чуда не произошло. На Цейлоне сложно было найти достойную партию Шиве. Их семья принадлежит к

самой высокой прослойке своей касты. Поэтому родители дали брачное объявление в индийскую газету. Не поскупились, съездили в Индию, познакомились с родителями невесты и сговорились о дне свадьбы. Свою суженую Шива увидел только перед алтарём. Она, конечно, уступала в красоте Парвати, но хотя бы не была крокодилком, и то ладно. Теперь у них двое детей, ждут третьего. Вот такая любовь!

— Но почему вы не женились на любимой? — спросила Ева.

— Чтобы наши дети стали париями, изгоями? — ответил Шива вопросом на вопрос.

— А что стало с Парвати? Как она пережила вашу свадьбу?

— Она погибла, — ледяным голосом произнёс тамил.

— Парвати обвязалась тротилом и взорвала себя на автобусной станции в Коломбо. С ней погибло ещё четырнадцать человек, в том числе женщины и дети, — поведал жестокую правду Кун.

В машине воцарилось молчание. Слышался только шум кондиционера и мотора, люди затаили дыхание.

— Отец Шивы тоже погиб. Он перешёл на сторону сепаратистов. Индуисты хотели создать на севере острова своё отдельное государство. После победы правительственных войск Шива переехал в наш город. Но с ним местные жители не общаются, даже тамилы. Боятся преследования властей.

— А ты почему не боишься? — спросил я Куна.

— Мне-то чего бояться? Я тоже здесь на правах неприкасаемого.

— Ты же буддист.

— Я вначале тоже так думал. Но потом выяснилось, что я прежде всего китаец, а только потом буддист. А китайцев здесь не любят.

— Почему?

— Из зависти. Потому что мы умные и предприимчивые, воспринимаем мир таким, какой он есть. Без лишних иллюзий. Евреев не любят на Западе, а китайцев — на Востоке.

Красивые массажистки с помощью чудодейственных кремов вернули нашим уставшим от автомобильной тряски телам бодрость и свежесть. В знак благодарности мы закупили в лавке кучу разных бальзамов и мазей, не говоря уже о специях, чем сильно порадовали хозяина плантации. Наши экскурсоводы тоже заметно приободрились после остановки. Хотя массаж им никто не делал, зато комиссионные от наших покупок настроения им явно прибавили. Религиозный диспут разгорелся с новой силой.

— Вот если ты такой большой поклонник Индии, скажи-ка, пожалуйста, сколько медалей завоевала эта расчудесная, вторая по численности населения в мире страна на последних Олимпийских играх? — задал провокационный вопрос другу Кун и, зная, что тот из гордости промолчит, сам же ответил на него. — Одну — бронзовую. На предыдущей Олимпиаде — столько же. Поразительная стабильность! А сколько медалей завоевал Китай? Больше всех. Китайская экономика уже вторая в мире и скоро станет первой. А где твоя хваленая Индия? Плётётся в хвосте цивилизации. И всё из-за ваших каст. Индуизм не стимулирует, а тормозит прогресс.

— Зато чемпион мира по шахматам — тамильский гроссмейстер Ананд, — робко возразил Шива.

— Один оазис на бескрайнюю пустыню! — китаец явно провоцировал товарища и нарвался на резкую отповедь.

— Буддизм, что ли, сильно помогает развитию? Китай развился благодаря мудрой политике правителей и конфуцианской, а вовсе не буддистской морали.

Кун повернул к нам своё пунцовое лицо.

— Вы бывали в индуистских храмах?

— Нет ещё. Только мимо проезжали, — ответил я.

— И не ходите, если не хотите подцепить какую-нибудь заразу. На входе заставляют снимать обувь, а внутри ужасная антисанитария. Пол грязный, статуи богов — в пыли. Если есть пруд, то он давно уже зарос камышом и затянулся тиной. Его никто никогда не чистил. В храме спят собаки, возле него коровы кладут лепёшки.

В Канди я вас проведу по храму Зуба Будды — одной из главных буддистских святынь. Своими глазами увидите разницу двух религий.

От невозмутимости Шивы не осталось и следа:

— Тебя одно спасает, Кун, что ты — китаец. Любого местного сингала, отзовись он так о нашем храме, задушил бы своими руками. Вы, буддисты, вообще ни в каких богов не верите. Высшая реальность, просветление, нирвана... — это всё придумал человек. Будда — просто мудрец, пророк, но не бог. Он — всего очередная аватара бога Вишну, как Моисей, Иисус, Магомет.

— Тебя послушать, так твоя грязная Индия — колыбель всей цивилизации! Мир вообще самороден, у него нет бога-творца!

— Ну знаешь...

Шива сжал кулаки и выпустил руль.

Я понимал всю театральность этого религиозно-философского диспута, разыгранного для продвинутых туристов, но актёры, похоже, заигрались.

— Спокойно, ребята. Только без рук.

— Скажи спасибо нашим гостям. Иначе бы на себе почувствовал мастерство даосских боевых искусств, — пригрозил водителю китаец.

Воин Шива многозначительно промолчал.

Чтобы до конца разрядить напряжённую ситуацию, я спросил у Куна:

— Что такое нирвана?

На физиономию китайца тут же вернулось благочестие:

— О! Это высшее состояние человеческого духа, полная свобода от страстей и желаний, освобождение от круга рождений, потусторонний мир молчания, затухание звезды в блестящем восходе солнца или таяние белого облака в летнем воздухе. Погрузившись в нирвану, Будда указал путь устремлений своим последователям, достижимый после искоренения всех омрачений.

Ева заворожённо слушала китайца.

— Как красиво! — мечтательно произнесла она.

Глаза гида заблестели.

— Кун счастлив, что мадам поняла его, — сказал он о себе в третьем лице.

А мне почему-то вспомнилось стихотворение.

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

*Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;*

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

Михаил Лермонтов

Я прочитал его Еве перед сном, когда мы, насытившись друг другом, отдыхали после трудного дня на широкой кровати в гостиничном номере древней цейлонской столицы.

— Как похоже на нирвану! Не смерть, а сон, сладкое забвение, — согласилась моя возлюбленная.

— Только не думаю, что молодой офицер царской армии изучал буддизм. Своим умом, скорее, дошёл до этой истины. Чем тебе не Будда? Но нет пророка в своем отечестве.

Львиная скала одиноким гигантским булыжником размером с хороший небоскрёб монументально возвышалась среди обширной равнины, словно рухнувший с

неба метеорит. Подступы к скале окружал ров, наполненный водой, а за ним простирался древний парк по типу Версаля.

— В пятом веке до нашей эры один царь, опасаясь врагов, приказал соорудить на этой скале неприступную крепость, где и поселился потом со своими пятьюстами жёнами.

Ева даже ахнула от удивления и переспросила Куна:

— Сколько у него было жён?

— Пятьсот.

— А зачем ему столько?

— Ну как... — смутился Кун. — Он был сильный мужчина, к тому же царь.

— Всё равно не понимаю.

— А вот поднимемся наверх в зеркальный зал, может быть, и поймёте, — сказал подошедший Шива и предложил Еве руку, чтобы она могла на неё опереться при восхождении.

Ева отказалась.

— Смотрите, подниматься высоко, почти на двести метров. Ступени вырублены в скале, очень крутые. Тяжело будет.

— Пусть мне лучше Кун поможет. А вы за Адамом, пожалуйста, присмотрите.

Никаких зеркал в зеркальном зале не было. Стены высоченного, выдолбленного в скале грота были расписаны фресками весьма фривольного содержания: обнажённые танцовщицы, откровенные любовные сцены, неприкрытые гениталии. Настало время Шиве стать экскурсоводом и прояснить некоторые особенности индуизма.

— Митхуны, любовники, выражают естественный процесс жизни, к ним не прилагаются запреты. Физическая любовь мужчины и женщины у нас почитается со времён седой древности. Это — акт творения, священный ритуал нашей религии. Женщина по своей природе воплощает божественную силу творения, а слияние её с мужчиной — это духовное совершенствование обоих, их возвышение, приближение к абсолютной истине, к не-

бесам. Чем изощрённее человек в акте творения, тем он ближе к Богу. А спасение души в индуизме достигается соблюдением законов космоса, пользы и любви. Дхарма, арта и кама.

— Вот почему древнеиндийский трактат о любви называется «Камасутра», — догадалась Ева.

— Да. Это наследие Камы — богини любви, — подтвердил Шива и добавил: — В Индии много веков назад даже существовал обычай воспроизводить потомство с помощью священнослужителей храмов. Под чтение мантр в удалённой части обители жрец осуществлял обряд оплодотворения над желающей родить ребёнка женщиной. Причём обряд этот считался священным и целомудренным.

— Типа непорочного зачатия, — не удержался я.

Еве моя сальная шутка не понравилась.

Стена воды преградила нам путь из грота. словно мы находились в пещере за водопадом. Вся равнина, просматриваемая с высоты на сотни километров сквозь дождевую завесу, была затянута чёрными тучами, гремели раскаты грома, и зигзаги молний внезапно вспыхивали в разных местах этого печального пейзажа.

— Выше подниматься опасно. Скала скользкая, — предостерег Кун.

Но Еву буйство стихии только заводило. Безудержность Вики проснулась в ней. Она выскользнула из грота на открытую площадку и сразу промокла с головы до пят. Из красавицы-принцессы сразу превратилась в мокрого заморыша. Как пьяная она кружилась по площадке, подставляя восторженное лицо под дождевые струи.

— Буря! Пусть сильнее грянет буря! — кричала она небесам.

«Моисей включил в программу ее гипнотического образования и творчество пролетарского писателя Горького», — отметил я про себя.

Ева оступилась и, падая в лужу, машинально выбросила вперёд руку. Дикий крик заглушил шум тропического ливня. Шива, Кун и я бросились к ней. Она

безуспешно пыталась подняться из лужи, опираясь на скользкие камни здоровой рукой. Её другая кисть тряпкой свисала вниз.

Травматолог диагностировал перелом запястья.

— Чтобы получить такую травму, надо было упасть с большой высоты. У неё очень хрупкие кости. Как у ребёнка, — недоумевал док, рассматривая рентгеновский снимок.

На место перелома он наложил гипс и перебинтовал ей руку. Ева стойко перенесла все манипуляции эскулапа.

— В нашей больнице плохие условия. Не для европейцев. Я подробно распишу весь курс лечения. В вашем отеле есть врач и медсестра. Они прекрасно со всем справятся. Но через две недели нужно будет подъехать сюда на повторный рентген. Мы должны убедиться, что кости срастаются правильно.

Я поблагодарил доктора и заплатил за лечение.

Ева попросила купить ей планшет и смартфон.

— У меня всё равно постельный режим. Займусь хоть самообразованием, — мотивировала она свою просьбу.

В воскресенье экскурсоводы пришли навестить её. Я специально заказал для них пропуск в администрации отеля, ведь местных жителей к нам не пускали. Ева очень обрадовалась им, поздоровалась и свободно заговорила с каждым на его родном языке. Ни гости, ни я ничего понять не могли. Как за неделю европейке удалось в совершенстве овладеть двумя абсолютно разными азиатскими языками, в головах простых смертных не укладывалось. Прощаясь, они крепко жали мне руку и твердили, что Ева уникал.

— Ты поразила всех своими способностями, — поздравил я Еву и спросил: — Но как тебе это удалось? На изучение китайского языка у многих уходит вся жизнь. Индусы разных народностей предпочитают общаться меж собой на английском, потому что не могут выучить родственный язык.

— Сама не знаю, — рассмеялась она, глядя на мою удивлённую физиономию. — Получилось как-то. Наверное, после комы во мне проснулся вундеркинд, а может, и экстрасенс?

— А о чём вы так долго говорили?

— Ты что, Адам, ревнуешь меня?

— Нет. Просто интересно. Они оба вышли такие счастливые, я бы даже сказал, крылённые.

— Мы завершили беседу о религии. Их противоречия оказались надуманными. На самом деле в индуизме и буддизме больше общего, чем различий.

— Ты и восточную философию успела изучить?!

На мои восклицания относительно её феноменальных способностей Ева перестала обращать внимание.

— Ну, во-первых, Шива принёс окончательные извинения по поводу своих заигрываний со мной. На скале он рассказывал нам о тантризме. Но в индуизме не менее развито другое течение — аскетизм, к которому, кстати, и принадлежит наш друг. Бог Шива — гроза демонов и покровитель аскетов.

— Что же он тогда к тебе приставал?

— Я ему сильно понравилась, и он потерял контроль над собой. Но теперь вернулся на свой жизненный путь.

— А китаец? Он хоть и рассыпается в извинениях, но тоже украдкой бросает на тебя плотоядные взгляды.

— Ты жуткий ревнивец, Адам. Но я всё равно тебя люблю. Настолько сильно, что даже не могу представить прикосновения к себе других мужчин. Я же плоть твоя и принадлежу только тебе.

Она погладила здоровой рукой мою лысеющую голову.

— Четыре благородные истины буддизма гласят: привязанность к существованию есть страдание; причина страдания — жажда наслаждения, существования и гибели; избавиться от страдания можно, лишь бесследно уничтожив жажду наслаждения; страдания прекратятся, когда исчезнут желания. И главная заслуга Будды: он разработал специальный путь уничтожения желаний — восьмеричный путь, ведущий в нирвану. Только что наш друг Кун решил отправиться в это нелёгкое путешествие.

Буддистское сообщество Шри-Ланки признало просветлённость паломника из Китая, и очень скоро Кун сделал карьеру на этом поприще. Его знания учений Конфуция и Лао Цзы легли недостающими пазлами в многообразной мозаике буддистского мироустройства. И вскоре он стал одним из главных священнослужителей в храме Зуба Будды.

Евина рука скоро зажила. Кости срослись быстро. Как у ребёнка. И мы начали готовиться к свадьбе. У меня даже в мыслях не было как-то отсрочить это событие.

На торжество, естественно, пригласили наших местных друзей. Кун пришёл постриженным наголо в красном монашеском одеянии. Он сильно похудел, осунулся, больше не смеялся по малейшему поводу, был задумчив и сосредоточен, но какое-то внутреннее свечение исходило от него. Шива в белом саронге выглядел неестественно и держался скованно. Может быть, стеснялся своей жены. Её чёрное, как у негритянки, лицо сильно выделялось на фоне светлого праздничного сари, а выпиравший из-под него живот весьма контрастировал с её болезненной худобой.

Наши свадебные наряды практически ничем не отличались от одеяний Шивы и его жены. Саронг и сари. Тот же цвет — белый. Разве что ткань дороже. В руках у невесты — букет из орхидей. Мы выходим из номера, и за нами сразу выстраивается процессия. Девушки в розовых сари бросают нам под ноги лепестки роз и поют торжественные песни. Ева наверняка понимает их содержание, все здешние языки и наречия ей известны, но для меня это просто мелодичные звуки. Юноши в длинных до пола розовых юбках, красных, расшитых золотом камзолах и ярких тюрбанах бьют в висающие у них на шеях вытянутые, как дыни, барабаны.

Уединённая беседка среди пальм на самом краю обрыва украшена белыми и розовыми лотосами. В середине специальный помост драпирован разноцветными тканями. Седой бородатый брахман подаёт большие медные чаши: одну — невесте, другую — мне. В каждой — листья бетеля. По традиции мы должны обменяться ими

семь раз. Мы исполняем обычай. Теперь высшие силы охраняют наш союз и любовь на семь поколений вперёд.

После обмена кольцами Ева поит меня водой, а я кормлю её рисом, сваренным в кокосовом молоке. Потом наоборот. Брахман связывает наши мизинцы золотой нитью и, молясь, поливает её водой из серебряного кувшина. Отныне мы муж и жена.

От удара мечом одного из барабанщиков кокосовый орех раскалывается пополам. Брызги молока орошают мой саронг и сари Евы. Значит, будут у нас здоровые дети. Барабанщики изо всех сил колотят по своим дыням. Девушки извиваются в танце. Брахман протягивает Еве украшенную цветами масляную лампу, а мне коробок длинных спичек. Огонь нашей надежды и удачи зажжён.

На слоне, покрытом позолоченной попоной, мы проезжаем по пляжу. Отовсюду слышатся поздравления на разных языках. Многие отдыхающие снимают нашу свадьбу на камеру.

— Ритуал — это хорошо, это красиво. Когда у человека нет ритуала, он подобен крысе, одно только тело, — бормочет довольный монах.

Затем застолье в отдельном зале ресторана. Кроме Шивы и Куна мы пригласили еще травматолога, гостиничного доктора с медсестрой и управляющего отелем. Надо же кому-то поесть двухярусный торт и прочие деликатесы.

Китаец поднимает первым тост за молодожёнов.

— Союз опыта и молодости — это очень хорошо. Отцом Конфуция был семидесятилетний старец, а матью — семнадцатилетняя девушка.

Обидеться мне не позволила Ева.

— Спокойно, милый, — шепнула она мне на ухо. — Я-то знаю, что тебе далеко не семьдесят, а чуть-чуть за тридцать. Но Кун прав: я рожу тебе пророка.

Стемнело. Приглашённые артисты устроили на открытой эстраде при свете факелов концерт. Танцы, песни, хождение по горящим углям и битому стеклу — чего только в программе не было! Последним вышел на сцену Шива. По собственной инициативе.

— Дорогие мои друзья Адам и Ева! В день вашей свадьбы я хочу подарить вам этот древний тамильский танец.

Ничего подобного я прежде не видел. Он извивался как змея, кружился как волчок. Его руки и ноги мелькали настолько быстро, словно их было по меньшей мере десяток. Уже и факелы догорели, а Шива продолжал вертеться в бесконечном танце при свете большой луны.

— Скажи, Адам, а тебе ничего не напоминает этот снимок?

Просматривая свадебные фотографии, Ева остановилась на танце нашего друга.

— Что-то до боли знакомое, — напряг я свою память, но так и не вспомнил.

— А вот что! — жена перелистнула страницу на планшете и показала мне найденное в Интернете изображение металлической статуи.

— Точно! Они же здесь продаются в каждой лавке! — ударил я себя кулаком по лбу.

— Эта статуя называется «Танцующий Шива». Видишь, он внутри огненного круга. Считается, что в этом огне сжигаются все желания. В своем танце Шива разрушает и одновременно создаёт мир заново. Пока он танцует, мир жив.

— Удивительное сходство! Да, непростой подарок сделал нам на свадьбу этот парень.

— Божественный подарок.

Танцуй, Шива, танцуй. Воин и бог. Водитель и гид. Гроза демонов и покровитель аскетов. Может быть, тебе удастся воскресить в новом мире свою любовь — Парвати? Или, сполна исполнив законы варны, в следующем рождении ты станешь брахманом? Ты, боявшийся, что твои дети станут изгоями, сам стал изгоем. Танцуй, Шива, танцуй. Над тобой нет судей. Только ты сам себе судья. Ибо ты, воин Шива, и есть бог Шива. Танцуй, Шива, танцуй.

Глава 2. Разорванное время

*Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожную рукой,
Позволено их переставить.*

Осип Мандельштам

— Я беременна.

Торжественная улыбка светится на её лице.

— Не может быть! — вскрикиваю я.

Ева испуганно пятится назад. Её глаза наполняются слезами.

— Ты разве не рад? — она не находит нужных слов, настолько ошеломлена моей реакцией.

До меня, наконец, доходит, как я напугал её своим криком. Господи, что она могла про меня подумать!

Пытаюсь успокоить её и себя:

— Ты меня неправильно поняла, дорогая. Я рад, конечно, рад. Я тоже хочу детей. Но сейчас, понимаешь, не время. Ты ещё очень слаба после болезни. Доктор категорически запретил тебе рожать в ближайшие два года.

— Какой такой доктор? Что за ерунду ты говоришь, Адам? Мне идёт третий десяток. Я молодая, здоровая женщина. Когда мне рожать, если не сейчас?

Я начинаю юлить:

— Ты его не знаешь. Он лечил тебя, когда ты была в коме. А твоей беременности сколько недель?

— Четыре! Но учти, аборт я делать не буду. Я не хочу остаться бездетной на всю жизнь, как твоя Эльза!

Чёрт дернул меня откровенничать с ней о предыдущей жизни. Ей же лапшу на уши уже не навесишь, она не та наивная девочка из клиники Коломбо, а

настоящая ходячая энциклопедия, живой супермега-компьютер в юбке.

Хлопнув дверью, Ева выбежала из комнаты.

Дрожащими пальцами я набираю номер Моисея.

— Здравствуйте, коллега. Извините за беспокойство, но возникли форс-мажорные обстоятельства. Ева забеременела.

Психиатр не сдерживает эмоции и отпускает крепкое ругательство в мой адрес.

— Я же просил вас предохраняться. Вы же не мальчик.

— А я и предохранялся. Но так получилось.

— Разве вы не понимаете, что нельзя ей пока рожать.

Плод просто разорвёт кости её таза. Я сейчас дома в отпуске. Но вас приму. Немедленно вылетайте. Возьмите билеты, сообщите номер рейса. Я встречу вас в Тель-Авиве.

Ева взрыхляла клумбу. Земля всегда действовала на неё благотворно. За месяц нашего проживания на вилле она превратила прилегающую территорию в цветущий сад. Даже капризные орхидеи расцвели у неё не в оранжерее, а под открытым небом. Что уж говорить о других цветах! К чему бы она ни притрагивалась, всё моментально начинало расти, цвести, благоухать. Лотосы раскрывались перед ней даже ночью. Ананасы вызревали за день, словно она поливала их живой водой. Больные собаки и кошки собирались перед нашей калиткой по утрам со всей округи. С каждой тварью Ева возилась, как с малым дитём, кормила, лечила, ласкала, и к вечеру они разбегались по домам здоровые и счастливые. Она научилась заклинать змей и гипнотизировать крокодилов. Слоны слушались её лучше своих погонщиков. Скорпионы весело трещали гремучими хвостами на её ладони, даже не помышляя об укусах. Ей был известен закон джунглей: мы с тобой одной крови, ты и я. Всё живое тянулось к ней, как к воде и солнцу, и неизменно получало заботу и тепло.

Я не переставал удивляться её способностям, а когда спрашивал, откуда они у неё, она всегда отвечала одно:

— Бог есть любовь.

И вот этой животворящей силе, этому сильнейшему материнскому началу мне предстояло нанести, может быть, непоправимый урон.

Я присел рядом и обнял за плечи.

— Любимая, нам надо лететь в Израиль.

Она никак не отреагировала на мои слова, а продолжала копать в земле маленькой лопаткой.

— Ты же хотела совершить паломничество на Святую землю.

— Но не с такой целью, — задумчиво произнесла Ева, а потом спросила: — Неужели это так серьёзно?

— Более чем. Доктор сам тебе всё объяснит. Собирайся, любимая. Нам надо ехать в аэропорт.

Она выпрямилась, обвела взглядом сад, словно прощалась с ним навсегда, и, не проронив больше ни слова, пошла в дом собирать чемодан.

Что только ни делал хозяин виллы, чтобы спасти наследие Евы, но все его усилия были напрасны. Первыми увяли орхидеи, а через день засох весь сад. Словно знойный ветер пустыни точечно опалил этот клочок тропической природы. На пляже стая диких собак загрызла бродягу. Змеи и скорпионы устремились в человеческие жилища. Крокодилы в реке пожирали друг друга. Слоны сбрасывали с себя погонщиков и отказывались от пищи.

— Восхитительно! Неподражаемо! Вы настоящий ангел, Ева! — Моисей не мог налюбоваться на своё творение, бесцеремонно разглядывая мою жену со всех сторон.

Она лишь ответила на приветствие из вежливости, а потом большую часть пути до Иерусалима молчала, пытаясь разглядеть контуры песчаных гор, пролетающих в ночи. О нашей жизни на Цейлоне Моисею, сидевшему за рулём «Гелентвагена», рассказывал я. Не обошёл вниманием и уникальные способности Евы.

— Нечто подобное я предполагал, — согласно кивал головой доктор.

— Что вы такое могли предполагать? — дерзко спросила женщина.

— Понимаете, голубушка, для вывода вас из комы я использовал совершенно новую методику, эдакую смесь гипноза и лекарственных препаратов. Моей задачей было активировать клетки вашего головного мозга. Получилось. Вы пришли в сознание, но нейроны активны по-прежнему, в гораздо большей степени, чем у остальных людей.

— Что ж, спасибо за этот дар. А я-то думаю, откуда мне знаком ваш голос? Но почему мне нельзя рожать?

Моисей быстро нашёл ответ и на этот вопрос, видать, готовился к нему.

— Побочное действие некоторых препаратов, которыми пичкали вас все эти годы, — чрезвычайно низкий уровень кальция в вашем организме. Вспомните, как вы сломали руку на скале? Другому бы ничего не было, вывих в крайнем случае, а у вас — перелом. Ваш скелет сейчас хрупок, как у семилетней девочки. Вам самой, как воздух, нужен кальций, много кальция. А ребёнку — тоже. Вы не сможете выносить нормальный плод. А если и сможете, то роды убьют вас. Я предупреждал об этом Адама, но он отнёсся к моим предостережениям слишком легкомысленно.

Ева обдумывала услышанное.

— Теперь тебе моя реакция понятна? — спросил я жену. — Извини, что не предупредил тебя раньше. Ты была такой счастливой, не хотелось будить болезненное прошлое.

— Неужели у меня нет выбора? — задала она вопрос Моисею.

Тот отрицательно покачал подбородком.

— Бетель или кокос? — произнёс я.

— Причём здесь жвачка? От неё чернеют зубы, — недоумевал док.

Зато жена поняла всё прекрасно и, расплакавшись, обняла меня.

— Бетель, дорогой. Конечно, бетель.

Я прижал её, содрогающуюся в рыданиях, к себе крепче и, поглаживая по рассыпавшимся волосам, приговаривал:

— Успокойся, родная. Всё будет хорошо. Сохранив бетель, мы ещё столько кокосов вырастим!

А Моисею я объяснил, что по ланкийскому обычаю бетель означает счастливое супружество, а кокос — зловонное потомство, и поведал об обрядах, совершённых на нашей свадьбе.

Мне снился кошмар. Словно я проваливаюсь в какой-то бездонный колодец и долго-долго лечу в нём. Вокруг меня кружит Шива на вороном коне и протяжно дудит в завитой рог. Млечный путь выворачивается наизнанку и становится непроницаемым саваном. Чернота пожирает звёзды. Но где-то далеко внизу брезжит свет.

Запах печёного теста возвращает меня в явь. Я лежу на кровати в гостевой спальне Моисея. Подушка под головой мокра от пота. И Евы нет рядом. Но ароматы детства, когда бабушка по воскресеньям пекла пирожки, пробиваются через закрытую дверь, и я успокаиваюсь.

— Доброе утро! — приветствует меня пожилая грузная дама в цветастом халате, колдующая у плиты.

— Доброе, — бормочу я спросонья в ответ.

И только сейчас замечаю Еву и Моисея, сидящих за круглым столом, устланным белой скатертью, откуда доносится аромат свежеиспечённой сдобы.

— Долго спите, молодой человек. Все уже вас заждались. Пора завтракать, — хозяин любезно выдвигает мне стул.

Я прошу разрешения умыться и исчезаю ненадолго.

Хозяйка присела за стол и разливает по чашкам душистый кофе.

— Познакомься, Адам. Это моя жена — Сара.

— Очень приятно.

— А это мой друг из Америки, дорогая, о котором я тебе рассказывал.

— Ваша жена — чудо, Адам, — говорит хозяйка.

– Тётя Сара научила меня готовить оладьи из мацы с йогуртовым соусом и яблочную халу. Попробуй, дорогой, как это вкусно.

Я никогда не задавался вопросом, сколько лет Моисею. Он всегда выглядел стройным и подтянутым, в его глазах горел огонь. И только сейчас, познакомившись с его пожилой, морщинистой супругой, я понял, что он тоже старик.

Но насколько контрастно смотрелись рядом Ева и Сара. Одна – молодая, стройная, с высокой упругой грудью. Другая – старая, разбухшая, с отёкшими, как бочонки, ногами. Я вспомнил сентенцию Моисея относительно женщин-скороспелок, которые цветут недолго, но очень красиво и благоуханно. Моя первая жена София, на которую так похожа Ева, наверняка стала бы такой же в старости. И мне стало страшно. Как бы ты сейчас жил, Адам, что бы делал, не решишь на свой безумный эксперимент?

Окна Моисеева жилища выходили на Старый город. Купол мечети Омара, сверкая на солнце, слепил глаза. Ева замороженно смотрела на этот святой пейзаж.

– Глазам своим не верю. Голгофа – и так рядом?

– Да, голубушка, она самая и есть. Только я предлагаю по Старому городу погулять вечером, когда спадёт жара. Даже мы с Сарой составим вам компанию. А пока, если есть желание, можете съездить в Вифлеем.

– Ещё спрашиваете? Конечно, хотим, – ответила за нас обеих Ева.

– Тогда мой ассистент отвезёт вас туда. Извините, но я провожу вас только до машины. Мне, старому еврею, как-то некомфортно ехать к палестинцам. Да и жара, понимаете. Ассистента зовут Магомет. Он уже ожидает вас на парковке.

Солдаты на контрольно-пропускном пункте тщательно досматривают наш джип. Убедившись, что у нас нет ничего запрещённого, симпатичная сержант с коротким автоматом разрешает проезд.

— Лучше бы детей рожали, чем с пушками расхаживать, — недовольно бурчит Магомет.

Реплика Еву заинтересовала.

— А вы араб? — спрашивает она у провожатого.

— Бедуин.

— Кочевник?

— Да, госпожа. Мои предки уже тысячу лет разводят овец и верблюдов в пустыне Негев.

— Но как вы оказались на службе у доктора Моисея? Магомет улыбается:

— Как и остальные сотрудники. Окончил медицинский факультет с отличием, зарекомендовал себя на практике. У меня большая семья. Четыре жены, десять детей. Пожилые родители, семья сестры, потерявшей мужа. Всем надо помогать. Продуктами они себя обеспечивают сами, а одежду и лекарства надо на что-то покупать. Вот я и зарабатываю деньги. Каждые выходные я уезжаю к ним в пустыню.

— Десять детей! Надо же! — удивляется Ева.

— Это мало, госпожа! Я хочу вдвое-втрое больше. Благо жёны ещё молодые, да и я не старый. Дети — самое главное богатство в жизни. Пусть рациональные европейцы и американцы высчитывают, как бы самим получить больше удовольствий. Через двадцать-тридцать лет их сытое благополучие защитить будет некому. Разве пятидесятилетняя женщина сравнится в энергии и жажде жизни с тридцатилетним мужчиной? А такой будет средняя статистика по демографии в Евросоюзе и арабском мире уже через десять лет. Никакого джихада не надо. Неверные вымрут сами, их убьёт эгоизм.

Магомет понял, что сболтнул лишнего:

— Извините, я вас не имел в виду.

— Ничего. Вы всё сказали правильно.

Ева снова задумалась.

Крутая лестница за алтарём ведёт вниз. В толпе туристов мы спускаемся по ней в пещеру, где, по преданию, родился Иисус. Пот струями стекает по моей

спине, сердце судорожно клокочет в груди, трудно дышать. Неужели так действует жара?

— Ты чувствуешь? — тихо спрашивает меня Ева.

— Да.

Паломники один за другим припадают устами к серебряной звезде — месту рождения Сына Божьего. Ева задерживается дольше остальных. А когда встаёт с колен, её глаза светятся счастьем.

— Он родился здесь!

У меня нет и тени сомнения в правдивости её слов.

Моисей бережно ведёт под руку свою тяжело ступающую жену. Торговцы на Крестном пути предлагают сувениры Святой земли. Школьники, сбросив ранцы в одну кучу, играют в пристенок. Монеты звонко раскатываются по древним камням, оглашая двор тоненьким эхом.

В храме Гроба Господня полно туристов. К благодатному огню выстроилась огромная очередь. Моисей подходит к священнослужителю и шепчется с ним. Священник, как нож масло, рассекает толпу и проводит нас к месту великого таинства по благу.

Лицо Евы невозмутимо и покорно. Красная косынка ей очень идёт.

Перед пропускным пунктом к Стене Плача она останавливается.

— Я туда не пойду. Если хочешь, иди один.

Моисей и Сара в замешательстве. Удивление и недовольство можно прочесть на их лицах.

— Но почему, Ева? Христианам туда тоже можно, — недоумевает еврей.

— Это не моя вера, Моисей. Идите одни.

Я остаюсь с Евой. А когда старики удаляются, каждый к своему отрезку Стены: мужчины — слева, женщины — справа, Ева говорит мне:

— А ведь он не воскресал.

— Кто?

— Христос. Никто не согрешил настолько, чтобы умереть дважды. Даже Бог.

Я мог бы ей возразить, но промолчал.

Моисей внимательно изучил анализы Евы и выписал рецепт.

— Купите в аптеке эти таблетки. Применять по инструкции. Три дня из дома лучше не выходить.

— А если я откажусь? — неожиданно спросила Ева.

— Что?! — нетерпящим возражений тоном произнёс Моисей и устремил на неё тяжёлый взгляд.

Она не отвела, не закрыла глаза, а дерзко приняла вызов. Так они играли в гляделки минут пять. Первым не выдержал врач.

— Ничего не понимаю! — встряхнул он затёкшую шею.

— Факир был пьян, и фокус не удался, — не без сарказма сказала Ева. — Со мной такие штуки не проходят, доктор. Свой талант гипнотизёра приберегите для более слабонервных пациентов.

Бесконечное удивление не сходило с лица Моисеева. С трудом ему удалось справиться с эмоциями.

— Но у вас всё равно нет никаких шансов.

— Вы же знаете о последствиях. Возможно, я вообще не смогу больше иметь детей!

К Моисею вернулся его дар убеждения.

— Если бы тёте Саре сейчас захотелось ляльку, я бы ей мигом организовал ребёночка. И она бы у меня родила как миленькая. И вы, голубушка, обязательно родите, но только через два года. Я вам это гарантирую.

Сомнение не покидало мою жену.

— А вы можете гарантировать, что с моим мужем ничего не случится за это время? Отцом моего ребёнка может быть только Адам.

Доктор призадумался, но выход нашёл.

— А давайте мы заставим его сдать сперму. Поместим её в специальное хранилище. И если он вдруг по невероятной глупости вдруг сбежит от вас, то всё равно станет отцом. Даже никакого его согласия на то не потребуется. Такая гарантия вас устроит?

Подумавши недолго, Ева согласилась.

Но воспротивился я:

— А моё мнение здесь уже никого не интересует? Больно хочется мастурбировать на старости лет!

Жена улыбнулась многозначительно и тихо сказала мне:

— Ничего, дорогой. Я тебе помогу.

Ева не захотела возвращаться на Цейлон, но и в Америку лететь отказалась. Лишившись ребёнка, она находилась в состоянии прострации, как сомнамбула.

— Может быть, поедим ещё по Азии, дорогая?

Она равнодушно пожала плечами. Ей было всё равно, хоть на край света. И мы купили билеты на Бали.

Моисей провожал нас один. Сара приболела и осталась дома.

Выбрав момент, когда мы остались с ним наедине, старик поделился со мной своим открытием.

— Помните, как я удивился, когда она не поддалась моему гипнозу? Не подумайте, что я набиваю себе цену, но мой дар тоже по-своему уникален. Это очень древняя техника иудейских жрецов. Она передавалась в нашей семье по наследству. И только один человек на свете мог ей противостоять.

— Кто?

— Он меня и обучил мастерству гипноза. Это мой отец.

— На что вы намекаете, док?

— Боюсь, что у вашей жены кроме четырёх матерей был еще и папаша. Он перед вами, Адам, собственной персоной. Старый болван, я же брал голыми руками образцы ДНК ваших женщин, вот и наследил!

— Так я теперь могу с полным правом называть вас папой. Я только рад, что мы породнились.

— Не шутите, Адам. Меня терзают смутные сомнения в правильности содеянного нами. Всё-таки Бог создал человека.

— А человек создал бога. Точнее, богиню. И это сделали вы, Моисей. Поздравляю вас.

— Ой ли... — старый еврей осёкся.

К нам подходила Ева.

*Летишь в экспрессе — жди крушенья!
Ткань доткана — что ж, в клочья рви!
Нет творчества без разрушенья —
Без ненависти нет любви...*

*Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу...
Застыть пристойно изваяню,
А не живому существу!*

Игорь Северянин

На пути из аэропорта в отель нам встретилась торжественная процессия. Люди в белых одеждах несли красно-золотое матерчатое чучело дракона. Играли на каких-то национальных музыкальных инструментах. Танцевали. Веселились.

Ледяной панцирь, которым окружила себя моя жена, впервые дал трещину.

— Как красиво! — тихо произнесла она и поинтересовалась у сидевшего впереди нас гида: — Это свадьба?

— Нет. Это похороны.

Ответ девушки из туристской компании поразил нас, а она через микрофон обратилась ко всем присутствующим в автобусе, чтобы обратили внимание на происходящее.

— Балийцы не боятся смерти. Наоборот, даже самые бедные, отказывая себе в земных радостях, копят всю жизнь на праздник своего ухода.

Путешествуя по острову, мы потом не раз сталкивались со странностями местных жителей. Они все были помешаны на творчестве и красоте. Даже самая жалкая лачуга была ограждена глухим забором, и войти можно было только через резные каменные ворота — настоящее произведение искусства. Всевозможные драконы и другие чудовища, детально вырезанные из камня, были призваны отпугнуть демонов от жилища. Во дворе непременно стояло несколько статуй, изображающих индуистских богов, героев народных сказаний или священных животных. Танцующий Шива встречался часто.

Внутри дома — предельный аскетизм. В иных жилищах, кроме циновок, вообще ничего не было.

Прирожденные художники, эти люди, казалось, вообще были лишены какого-нибудь рационализма. На кассах в супермаркетах работали в основном яванки. Местных жительниц на такую работу ставить было опасно: просчитывались не в свою пользу.

На экскурсии к кратеру потухшего вулкана в глубине острова наш автобус облепила толпа торговцев. Один долговязый балиец прилип ко мне как банный лист: купи слона. Слон на самом деле был хорош. Настоящее тиковое дерево, ювелирная резьба. В отеле такой сувенир стоил бы не меньше двухсот долларов. Я бы взял его за эту цену или чуть дешевле. Но торговец заломил за слона триста баксов. Я демонстративно отвернулся и направился в автобус.

— Слишком дорого.

— Но я же сам его сделал. Это ручная работа.

Гид объявил отправление через пять минут, и туристы потянулись в автобус.

Ева поднялась с сиденья, чтобы пропустить меня к окну.

— Красивый слон. Почему ты его не купил?

— Он заломил за него высокую цену.

Она равнодушно пожала плечами.

Торговец, словно подслушав наш разговор, нарисовался под окном.

— Двести пятьдесят. Двести долларов.

Я попытался открыть форточку, но она заела. В проходе толпился народ.

— Сто пятьдесят. Сто, — кричал горе-продавец.

Наконец все туристы уселись, и водитель закрыл дверь.

— Пятьдесят. Двадцать. Десять долларов! — взмолился уже балиец.

— Да дай ты ему просто эти деньги! — не выдержала Ева. — Видишь, что человек сильно нуждается.

Мне самому стало уже неудобно, я достал из кармана десятку, свернул её трубочкой и выбросил в щель фор-

точки. Он подхватил купюру на лету и бросился останавливать автобус.

Мы уже порядком отъехали от вулкана, когда мне по рядам передали слона. Это была самая выгодная покупка в моей жизни, за пять процентов от реальной цены. Но до сих пор мне стыдно перед тем несчастным парнем с острова Бали.

Ева сильно переменялась. Растения и животные её перестали интересовать вообще. Некоторая заинтересованность проскальзывала в её глазах, когда равнодушный гид рассказывал об истории какого-нибудь архитектурного памятника. Но страны, как женщины, каждая последующая волнует меньше. Даже Тадж-Махал и терракотовая армия не разбудили прежнюю Еву. Она безропотно переносила тяготы бесконечных переездов. Города, страны, народы бесконечной вереницей мелькали перед ней, как кадры немого кино, не трогая её охладевшего сердца.

Первые проблески надежды появились в камбоджийских джунглях, в Затерянном городе. Мы сидели на тёплых камнях перед некогда величественным дворцом, разрушенным деревьями. Гигантские секвойи произрастали из самой каменной крыши, опутывая своими корнями, как щупальцами спрута, стены, окна и двери резиденции древнего владыки.

— Чудно! — сказала Ева. — Человек хотел возвеличить себя на века и построил дворец из камня, а Бог небрежно бросил сверху семена, и какие-то растения уничтожили всю царёву гордыню.

Солнце садилось за джунгли, цепляясь лучами за руины. И в этом невероятном полусвете-полумраке терялась всякая связь с Землёй, открывался портал в иные измерения. Фантастический, инопланетный пейзаж окружал нас повсюду, и мы сами ощущали себя пришельцами из других миров.

Заросший и грязный, как неандерталец, хиппи дремал за импровизированным прилавком, отчаявшись

сбыть свой товар. Собрание сочинений русского философа Бердяева на блошином рынке северного Гоа мало кого интересовало. Да и зловонный запах, исходивший от давно не знавшего мыла тела продавца, отпугивал самых отважных покупателей. Но только не Еву.

— Сколько? — спросила она на выдохе.

Хиппи оторвал сальную голову от прилавка и, окинув нас помутневшим взором, вымолвил:

— Три тысячи долларов.

— Да вы с ума сошли? Красная цена этой макулатуре — сотня в базарный день! — возмутился я.

— Не кричите так, уважаемый. Это же берлинское издание тридцатых годов прошлого века. Для истинного букиниста — просто находка. Не хотите — не берите. Другого покупателя подожду.

— Долго же вам ждать придётся!

Ева пошла дальше, я за ней.

— Эй, земляки! Погодите! Я передумал.

Хиппи догнал нас и схватил меня за руку.

— Забирайте просто так, — он чуть ли не силой всучил мне стопку книг и, шатаясь, побрёл в сторону моря.

Внезапная щедрость бродяги поставила нас в неловкое положение. Я ужасно не люблю быть кому-нибудь должен. Нагнать увальня не составило большого труда.

— Вот, возьмите, — я протянул ему три сотни.

Он отмахнулся:

— Это подарок. Если вас заинтересовал Бердяев, значит, вы ещё не конченные люди.

— Но можем мы хоть что-то сделать для вас?

Хиппи задумался.

— Если только накормите ужином. А то три дня ничего не ел.

Аппетит у Бердяева (так он назвался нам) был отменный. Легко проглотив ведёрко жареной курятины, предназначенное для семерых, он съел ещё батон хлеба и пять порций мороженого, запив всё это местным порт-

вейном из литровой бутылки. По мере его насыщения неприятный запах постепенно улетучивался, и с ним уже можно было общаться, не зажимая нос.

Бердяев рассказал, что на Гоа приехал полгода назад с двумя подругами. Какое-то время они жили в хижине на пляже дружной шведской семьёй. Изучали философию, слушали мантры, медитировали, курили травку, занимались любовью втроём. Потом у него кончились деньги, и подруги уехали с какими-то туристами. Он остался один. Наслаждался одиночеством и шёпотом волн. Попытался заморить себя голодом, но не получилось. Мы накормили его.

— А почему у вас такие грустные глаза? — спросил он Еву.

— У моей жены депрессия, — ответил я за неё. — Она потеряла ребёнка.

— Вот оно как, — протянул хиппи и предложил: — А хотите, я вас вылечу?

Ева смерила бродягу скептическим взглядом.

— Не верите? — приободрился Бердяев. — А если получится, вы купите мне билет до Москвы?

Два дня Ева не выходила из номера и запоем читала Бердяева. За это время она могла бы выучить пару иностранных языков или в совершенстве освоить профессию архитектора. А когда закрыла последнюю книгу, сказала мне уверенным голосом:

— Пойдём искать его хижину.

Наш знакомец неподвижно лежал, раскинув руки, на раскалённом песке.

— Эй, вы живы? — я слегка потряс его за рукав длинной рубахи.

Он приоткрыл вначале один глаз, потом — второй.

— А это вы? Ну что, надумали? — вымолвил хиппи запекшимися от зноя губами.

— Я согласна, — сказала Ева.

— Ну, вот и чудненько! — приподнялся бродяга. — Тогда с вас обед в качестве аванса.

— Это были великие люди — русские неохристиане! Они ставили перед собой грандиозную цель — написать третий, недостающий, по их мнению, завет в Библии. Ветхий — завет Бога-отца. Новый — Бога-сына. А они хотели создать завет Святого Духа.

Бердяев уминал пищу за обе щеки.

— Концепция моего духовного отца о разорванном времени должна была лечь в основу нового Откровения. До совершения первородного греха Адам и Ева проживали в едином божественном времени — в вечности. Но, отведав запретного плода с древа добра и зла, были кинуты Создателем в наше грешное разорванное время.

Он сделал большой глоток портвейна прямо из бутылки.

— Вы можете себе представить время, не поделённое на прошлое, настоящее и будущее? Сложно для нашего грешного сознания. Тем не менее когда вы занимаетесь любовью или творчеством, которое всецело поглощает вас, разве вы не теряете счёт времени? Счастливые часов не наблюдают. Почему? Они просто живут в божественном времени. Творчество и любовь — это прерогатива Бога. Человек создан по образу и подобию божьему. И когда он занимается богоугодными делами, он становится наравне с Создателем. И я вслед за своим духовным отцом искренне верю, что этот мир, построенный в разорванном времени, когда-нибудь рухнет, и на его месте возникнет новый — мир свободы, творчества и любви. Мир вечности!

— А самое страшное в любви — это встреча с объектом? — задала наводящий вопрос Ева.

Бердяев чуть не подавился куском сыра.

— О! Вы его поняли! Да! Тысячу раз да. Любовь — это специфические отношения двух субъектов. Каждый действует, и каждый любит. А когда один позволяет себя любить, он превращается в объект любви другого и тем самым убивает любовь!

Я чувствовал себя лишним в разговоре двух философов и, чтобы хоть как-то скрыть свою ущербность, перевёл разговор в прагматическое русло.

— А позвольте узнать, любезный, каким способом вы собираетесь излечить мою жену от нервного расстройства?

Хиппи пережевал остатки пищи и рассказал одну восточную притчу.

У одного гуру был ленивый ученик из богатой семьи, который очень хотел научиться мудрости. Ученик не любил рано вставать, не любил медитировать часами, но хотел стать мудрым. И когда он в очередной раз обратился к учителю с просьбой научить его, гуру не выдержал и привёл его на берег реки. Зашёл в воду и позвал ученика к себе. А когда юноша приблизился, учитель неожиданно ухватил его за волосы и долго держал голову под водой. Наконец гуру отпустил парня. Тот, как пробка, вынырнул из воды и не мог надыхаться.

— Скажи, когда был там, под водой, ты хотел быть мудрым?

— Нет.

— Хотел быть богатым?

— Нет.

— А чего ты хотел?

— Дышать.

— Иди и дыши. И все твои устремления сбудутся.

Бердяев ещё отхлебнул вина.

— Вот и мы с вашей женой будем дышать. Если желаете, можете присоединиться к нам.

— И только?

— Да, но дышать тоже можно по-разному. Вы слышали что-нибудь о холотропном дыхании?

— Короткий вздох и глубокий выдох? Так, кажется, лечат от избыточного веса?

— Не только. С помощью этого метода лечат алкоголизм, наркоманию, в том числе и глубокую депрессию. Главное — правильно дышать. Я уже давно собирался продышать свои проблемы, но достойной компании не собиралось.

После захода солнца пляж пустеет. Серые сумерки постепенно съедает тьма. И вскоре видится только

мерцающий огонёк маяка вдали, а рядом слышится шелест волн. Лучшего места для сеанса психотерапии вряд ли можно найти.

Первым под танк бросаюсь я. Боязно за жену. Расстилаю коврик на скрипучем песке и ложусь на него. Ева присаживается рядом.

Гуру выносит из хижины проигрыватель на батареях и с важным видом даёт вводные указания.

— Когда зазвучит музыка, Адам, начинайте дышать. Акцентируйте внимание на выдохе, вдох происходит сам по себе. Ева будет ассистировать вам. Крики, извивания, судороги — норма. Рвота, обмороки — нонсенс. Я сразу выключаю музыку. Первый сеанс рассчитан на два с половиной часа. Потом будем дышать дольше. Сейчас Адам — холонавт, а Ева — сидтер, затем — наоборот. Не бойтесь, если ноги и руки будут наливать тяжестью. Видений тоже не бойтесь. О них сегодня говорить нельзя. Завтра обсудим. Наша цель состоит как раз в том, чтобы вывести на поверхность тяжёлые эмоции и освободить вас от беспокойства. Это происходит вследствие длительной гипервентиляции лёгких. Концентрация в крови углекислого газа снижается, сосуды сужаются. Возникает кислородное голодание, происходит торможение коры головного мозга, интенсивно начинает работать подкорка, где и застряли все ваши переживания.

Бердяев не сказал и сотой доли о галлюцинациях, которые мне пришлось испытать. Что там конечности, всё тело через полчаса стало чугунным. Через час я уже видел себя в утробе матери, а через два у меня выросли женские груди и я носил воду из реки по узкой тропе к японскому дому на сваях у подножия горы. Потом другое видение — опера, но не Венская, а где-то в Италии. Я сижу в отдельной ложе рядом с какой-то дамой в маске, но это не Анна. Моя кисть в ажурных брабантских манжетах лежит на позолоченном эфесе шпаги. Другой рукой я обнимаю женщину в маске. А из партера с ненавистью смотрит на нас ревнивый муж.

— Ну ты и напугал меня, Адам! Я уже хотела остановить музыку!

— Никаких разговоров! Всеми впечатлениями обменяетесь завтра. Иначе весь терапевтический эффект может сойти на нет, — прерывает жену Бердяев.

После непродолжительного перерыва я занимаю место ситтера, а Ева ложится на коврик и дышит под звуки древних мантр. Господи, что происходит с ней! Её лицо наливается кровью, она изгибается в судорогах и извивается как змея. То машет руками, как крыльями птица, то как мельница выводит круги. То рыдает, как Соня. То стонет, как Анна. То вдруг успокаивается и становится сосредоточенной, как Вики. То плачет, как Эльза. Неужели? Страшная догадка пронзает мой мозг.

На сегодня дыхательная практика закончена. В полнейшем молчании мы бредём по пляжу к своему отелю, увязая в песке. Над морем занимается седой рассвет, но ничего хорошего он нам не сулит.

Проснувшись, я первым делом рассказываю жене о своих видениях и, затаив дыхание, спрашиваю её, что видела она.

— Всё! — отвечает Ева. — Зачем ты мне врал?

Её повествование — более развёрнуто. Вначале — о несчастной русской женщине из провинциального городка, одной воспитавшей сына, единственным утешением которой стал алкоголь. Об изменах жены французского капитана. О двух сёстрах, так не похожих друг на друга. О смене пола одной из них. О дочерях-близнецах. О корабле, на котором делают людей. О Моисее и стеклянном сосуде, где началась её жизнь.

Глава 3. Песнь сирены

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!*

Пьер-Жан Беранже

– Значит, это твоя третья реинкарнация, сердцеед эпохи Возрождения? Теперь понятно, за какие грехи судьба наказывает тебя! В качестве японской крестьянки ты их искупил, похоже, не до конца. Хорошо хоть сексуальную ориентацию сохранил от первого аватара. Иначе и меня б никогда не было.

Настроение Евы менялось, как узоры в калейдоскопе. Поворот – и новая картинка. Она то негодовала, то заигрывала со мной. Как себя вести в этой ситуации, что говорить, я не знал, поэтому молчал и наблюдал, что будет дальше, внутренне настраиваясь на любой исход.

– Слушай, заказчик клонированного счастья, а ты не задумывался, что всё это просто спектакль, розыгрыш, затеянный великим аферистом, чтобы отобрать у тебя бизнес? И я никакая не девочка из пробирки, живое воплощение твоих грёз, а обыкновенная актриса, которую Моисей нанял за большой гонорар, чтобы пустить тебя по миру? И Шива, и Кун, и Бердяев – все они актёры одной труппы, разыгрывающие эту божественную трагикомедию для тебя, вернее, ради твоего состояния? Ну не придумало ещё человечество такой технологии, чтобы производить людей по заказу! А тебя просто разводят на деньги, как лоха?

Не знаю почему, но мне неожиданно пришла на ум фраза Руссо:

— Если бы Христа выдумали его ученики, то такого рода творчество следовало признать большим чудом, нежели сам Христос. Я скорее поверю, что Шива — бог, чем актёр.

— А кто тогда Кун?

— Не задумывался. Может быть, Конфуций?

— Тепло. Да, китайского мыслителя называли ещё «учитель Кун». А больше он тебе никого не напоминает?

Я задумался.

— Смеющийся Будда! А ещё — Лао Цзы. И все — в одном лице.

— Они же жили приблизительно в одно время и теоретически могли встретиться друг с другом.

— Вот они и встретились. Специально для тебя! Разве такое возможно наяву? Неужели ты, физик, технарь, и впрямь поверил в этот маразм? Здорово же тебе промыли мозги!

— А тогда кто такой Бердяев?

— Бердяев — это просто Бердяев.

Ева подошла вплотную и пристально посмотрела мне в лицо:

— А разве киборг, осознавший себя киборгом, не подлежит уничтожению? Моисей наверняка уже намекал тебе на такой вариант?

— Я вперёд уничтожу его самого, чем позволю хотя бы одному волосу упасть с твоей головы!

Она ещё что-то искала в моих глазах и, видимо, нашла. Я кожей почувствовал, как напряжённость спала с неё.

— И ты, зная, что я знаю, не отдашь меня Моисею на утилизацию или переделку, не прогонишь и сможешь по-прежнему любить меня?

— Девочка моя любимая, да разве я могу бросить тебя? Это я должен просить у тебя прощения и умолять остаться. Теперь, когда ты знаешь всю правду, ты свободна и вольна сама решать своё будущее.

Она провела ладонью по моим редким волос.

— Разве у меня есть выбор? Я запрограммирована любить тебя. И никакое холотропное дыхание не

в состоянии убить во мне это чувство. Я же создана из твоей любви. Поцелуй меня! Иди ко мне! Я буду любить тебя со всей четырёхкратной страстью, которую ты в меня вложил! Мой любимый, мой единственный мужчина, мой Адам!

Больше года я не был в Калифорнии и вот вернулся. Да не один, а с молодой женой. Майкл, когда нас увидел вместе в офисе, даже подпрыгнул от радости.

— Привет, старина. Я правда счастлив, что ты приехал. Дел невпроворот. Не знаю, за что хвататься. Твоего чутья и организующего начала так не хватает. А это, должно быть, Ева? Вы умопомрачительно восхитительны, миссис! Теперь я понимаю, почему мой компаньон забросил все дела. Ради такой женщины я бы тоже забыл обо всём на свете.

— Мне тоже очень приятно познакомиться с вами. Адам много хорошего рассказывал мне о вас.

Услышав голос Евы, Майкл остолбенел. Речь такой мелодичности, размеренности и красоты его уши никогда не слышали. Это был голос из рая. Он делал любого человека своим рабом.

— Чем я могу служить вам?

Она победно улыбнулась и, убедившись в действительности своих чар, снисходительно сказала:

— Возможно, я и обращаюсь к вам за помощью, но не сейчас.

Майкл тряхнул головой, и наваждение исчезло.

— Извините, о чём мы говорили? Так вот... сейчас очень большой спрос на торговых роботов. Трейдеры хотят переложить риски на машины.

— Папка! — Магдалина бросилась мне на шею. — Какой ты молодец, что вернулся! Я так по тебе соскучилась!

Она сильно изменилась. Похорошела и ещё больше стала походить на свою мать.

— Тебе Майкл уже рассказал? Мы же решили пожениться. Ты поспел как раз вовремя, в следующее воскресенье — наша свадьба.

Неожиданное известие застало меня врасплох.

— Поздравляю, — ответила за меня Ева, оторвавшись от бумаг на столе, которые она демонстративно разглядывала с появлением моей дочери.

— Пожалуйста, познакомьтесь. Это — Ева. А это — Магдалина. Моя жена. И моя дочь, — представил я девушек друг другу.

Рядом они смотрелись ровесницами.

— Можно, я не буду называть тебя мамой?

— А я тебя — доченькой?

Девушки рассмеялись. Непосредственность сближала их.

— Смотри, папочка, чтобы твоя следующая жена оказалась не из детского сада. Предупреждаю, я нянчиться с ней не буду.

— Не беспокойся, подруга. Я этого не позволю.

Майкл и Магдалина уже полгода жили вместе. Работали, впрочем, тоже. Моя дочь адаптировалась в юридическом отделе компании и уже выиграла ряд важных судебных процессов.

Её сестра после учебы в университете вернулась в дом Эльзы и стала младшим партнёром в тёткиной аудиторской фирме. Молодого человека у Марии не было.

Посоветовавшись, мы с Евой решили поселиться ближе к природе (или подальше от моей родни) и сняли чудесный деревенский домик среди апельсиновых рощ и виноградников.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Майкл настоял, чтобы бракосочетание отмечалось на широкую ногу. Он разослал приглашения партнёрам по бизнесу на все континенты, кроме Антарктиды.

Но внезапно всё рухнуло. Не объясняя причин, невеста расторгла помолвку, забросила работу в компании и улетела в Индию. Вскоре пришла открытка из Калькутты. Магдалина писала, что осознала смысл своего бытия и решила посвятить свою дальнейшую жизнь служению Богу. Она приняла католичество и постриглась в монахини. Уход за больными и немощными — вот истинный смысл жизни сестёр Ордена милосердия.

Эта открытка с изображением матери Терезы настолько потрясла Марию и Эльзу, что они последовали за Магдалиной. Уж от кого-кого, а от донельзя прагматичной Эльзы я никак не ожидал подобной набожности.

Ева тоже ударилась в религию, но без фанатизма. Она зарегистрировала свою церковь «Обитель Евы», где помогала всем страждущим и заблудшим найти путь к свету. Её проповеди утверждали торжество всеобщих гуманистических принципов, присущих всем мировым религиям. Она не чуралась ни буддизма, ни христианства, ни ислама. Напротив, брала всё ценное из учений пророков, что считала нужным, и преподносила своей пастве древние истины, пропущенные через собственное сердце с присущим ей магнетизмом и вдохновением. Община «Обитель Евы» росла как на дрожжах.

Поздним вечером мы подъехали к нашему деревенскому дому. Ева устала после многочасовой проповеди, но какая-то наэлектризованность не покидала её.

— У нас гости, — уверенно сказала она, как перед решающей схваткой.

— С чего ты взяла? Никого нет, — показал я на тёмные окна.

— Пойдём — увидишь. А то она уже заждалась.

Я открыл входную дверь и отнёс пакеты с провизией на кухню. Потом прошёл вслед за Евой в гостиную и застал жену стоящей посреди комнаты.

Рука потянулась к выключателю, но до боли знакомый голос из темноты приказал:

— Не надо включать свет.

Дежавю. Много лет назад я так же вышел из-за шторы, когда застал свою жену с любовником. Только тогда у меня в руке был нож, а у него сейчас пистолет. И Ева была не любовницей, а женой. А он не был мне никем. Назвать этого коренастого мужчину с развитой мускулатурой матерью моих дочерей у меня язык не поворачивался. Тем не менее это был он. Или она? Не знаю,

как правильно величать — Виктор-Виктория. Но предьявить мне счёт он имел право.

— Что ты сделал с моими детьми, Адам? Как ты мог позволить этой ведьме сломать нашим девочкам жизнь? Ты же был хорошим, заботливым отцом. Я доверил тебе самое ценное, что у меня было. А ты?

В отличие от сонькиного студента я не обделался. Страх не чувствовал вообще.

— Послушай, Вики. Я не меньше тебя удивлён выбором, который сделали наши дочери. Но это было их желание.

— Какое желание, Адам? О чём ты говоришь? Да это всё твоё отродье из пробирки их околдовало!

— Ты знаешь про Еву? Но откуда?

— А ты не догадываешься, где и на кого я работаю? Короче, супруги, мне ваши клонированные страсти по барабану. Пусть твоё чудо-юдо вернёт моих дочерей и сестру к нормальной жизни, и я клянусь, что навсегда избавлю вас от своего присутствия.

Наши жалкие препирательства не стоили и гроша перед этим небесным, божественным голосом, внезапно наполнившим всё пространство гостиной.

— Твои дочери спасены и ждут тебя, Виктория. Ты заблудилась в жизни, но теперь вступаешь на путь истины...

Ноги подкосились у нашего гостя, и, уже падая перед Евой на колени, он собрал всю свою волю и нажал на курок.

Дальнейшие события развивались уже без моего активного участия. Еву я успел оттолкнуть, но пуля из пистолета Виктора застряла в моей голове, и никто из нейрохирургов не брался её оттуда извлечь. Я оказался прикованным к больничной койке. Двигательные рефлексy сохранились. В маразм вроде бы тоже не впал. Только сильно болела голова и я часто терял сознание. Ева была вынуждена действовать исключительно на свой страх и риск. О случившемся я знаю в основном с её слов, могу лишь смоделировать ситуации,

в которые она попадала. И, сами понимаете, я не в состоянии объективно оценивать её поступки, потому что люблю.

Первое, что увидел я, придя в сознание, было её заплаканное лицо.

— Что с Вики? Она в тюрьме?

— Успокойся, дорогой. С ней всё в порядке. Я отправила его на Цейлон в буддистский монастырь. Кун обещал позаботиться о Викторе. А полиции я сказала, что в наш дом забрались воры.

— Зачем ты это делаешь, Ева?

— Что, дорогой?

— Изводишь мою семью.

— Я спасаю их, Адам.

— А они тебя об этом просили?

— Тебе нельзя волноваться. Ты сам всё скоро поймёшь. Я спасу тебя, любимый. Уже скоро корабль Моисея будет у берегов Флориды. Он сделает тебе операцию, и мы будем жить долго и счастливо.

Молчаливые люди в штатском поджидали Еву на выходе из госпиталя. Они насильно усадили её в машину и отвезли на какую-то военную базу. В глухом подземном бункере её ожидал Фрэнк в строгом сером костюме.

Он внимательно рассмотрел Еву.

— Да, наш друг Моисей делает успехи. Раньше у него получалось только пушечное мясо, а тут на тебе — явил мессию на свет. Я наслышан о ваших способностях, уважаемая. Поэтому предупреждаю заранее: если вы вдруг удумаете испытать их на мне, то у моих подчинённых уже есть приказ о ликвидации вас и горячо любимого вами мужа.

— Чего вы от меня хотите?

— Для начала верните Виктора.

— Это невозможно. В его сознании произошли необратимые изменения.

Фрэнк щёлкнул пальцами.

— Жаль. Он был мне очень дорог.

Сенатор обошёл вокруг женщины и сказал:

— Тогда вам придётся послужить во имя безопасности нашей страны.

— Что я должна сделать, чтобы вы отстали от меня и от Адама?

— Вы знакомы с теорией Мальтуса?

— Люди, как и животные, размножаются быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи.

— Bravo! — сенатор захлопал в ладоши. — Вы всё схватываете с полуслова. Поэтому эпидемии, голод, войны — естественные средства уничтожения лишнего населения. Но эти традиционные способы регулирования численности человеческой популяции уже не срабатывают, на планете слишком много расплодилось людей.

— Так сбросьте на неудобных атомные бомбы. Вам же не привыкать!

— Увы. Даже мы, американцы, представители ведущей мировой державы, вынуждены считаться с гуманизмом. Ибо не можем решить эту проблему без риска, что не будем уничтожены сами.

— Ну а мы-то с Адамом здесь при чём? — Ева начала терять терпение.

— Вы же наверняка читали доктора Фрейда? В каждом человеке заложен инстинкт жизни и инстинкт смерти. Эрос и Тантос. А что, если подавить первый и усилить другой? У вас так хорошо получается отправлять людей в монастыри. И мне вдруг взбрела в голову шальная идея: а нельзя ли при помощи гипноза заставить народ не размножаться, не есть, не пить, не дышать? Сдаётся мне, что вы с вашим талантом справитесь с поставленной задачей.

— А если я откажусь?

— Тогда Адам умрёт. Мы просто не позволим Моисею прооперировать его. А вас мы долго и подробно будем изучать, как инопланетянку. Особенно, ваш мозг. После смерти.

Ева задумалась.

— Относительно дыхания ничего не получится. Блокировать другие человеческие инстинкты возможно. Но как вы собираетесь использовать это?

– Не ваша забота. Для начала вы выступите со своей новой проповедью на каком-нибудь многолюдном стадионе. Потом мы запишем ваш ролик на видео и покажем по телевидению в какой-либо густонаселённой африканской стране. Запустить бы эту пакость на кабельное телевидение китайцам! – мечтательно произнёс Фрэнк.

– Через неделю будет вам такой ролик! Но на стадионах я выступать не буду. Крутите кино сами, где хотите. Файл я вам перешлю по электронной почте, когда мы с Адамом будем на корабле Моисея.

Фрэнк быстро просчитал варианты:

– Идёт. По рукам.

В кирху она пробралась ранним утром. Замок был простенький, его не составило труда взломать даже дилетанту. Ева установила камеры по внутреннему периметру церкви, чтобы съёмка велась с нескольких ракурсов. Когда работа была закончена, она села на скамью как благочестивая прихожанка, одетая в белое свадебное сари, и стала дожидаться пастора, сжимая в потной ладошке пульт дистанционного управления.

– Зачем вы здесь? Вы и так уже лишили меня всего! Что ещё вам нужно?

Бедный Мартин! Он совсем не ожидал увидеть в своей церкви эту посланницу дьявола в ангельском обличье.

– Вашу душу, пастор! Одну только душу!

– Слава богу! Она принадлежит не вам, а Господу!

– Можете считать, что он выписал мне доверенность на её получение.

Ева включила запись.

– Иудеи приговорили к распятию моего Отца, ибо ждали другого мессию, который возвеличит народ Израиля. Римляне извратили слова Отца моего и создали церковь на его костях, чтобы держать в повиновении покорённых. Паписты наживались на индульгенциях, торгуя Его благодатью. Протестанты присвоили благодать себе. В Бога мы веруем! – написано на ваших грязных деньгах. В какого только бога? В Мамону, а не в Христа!

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — говорил Отец мой.

А вы оправдываете заповедями Отца моего алчность, безудержную погоню за наживой, бездуховность, потребительство, разврат. Лжёте, мнимый слуга Господа! Ваш путь ведёт к гибели, а не к спасению!

Мой Отец указал единственную дорогу в Царство Божье. Сын Господа позволил распять себя, чтобы люди поняли: смерть и есть спасение! Бог умер для того, чтобы человек мог стать богом, пройдя по его стопам на Голгофу. Смерти нет, есть просто переход в мир иной, мир света, добра и справедливости. И не надо его бояться. Мой отец с радостью примет всех, истинно верующих в него.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Аминь!

Поднявшись по склону холма, женщина в белом обернулась, увидев чёрный дым и зарево внизу. Это готтентотская лютеранская церковь вместе со своим пастором.

Из госпиталя меня забирали Ева и Майкл. Пока жена оформляла выписку, компаньон катал меня на инвалидной коляске по парку и рассказывал последние новости.

— Она прибежала в офис вся испуганная. Спросила, можем ли мы провести глобальную хакерскую атаку на все ведущие мировые серверы, спутниковые телеканалы и всех сотовых операторов. Признаюсь, просьба вашей жены меня удивила, но вы же сами знаете:

ей отказать невозможно. К тому же она сказала, что это вопрос жизни и смерти. Отдала мне флэшку, но строго-настрого запретила смотреть, что на ней. Я распустил весь штат фирмы, выплатил сотрудникам выходное пособие и велел всем срочно увозить свои семьи из города в лес, в горы, в пустыню. С собой иметь запас продуктов, тёплую одежду и медикаменты. Всё, что нужно для походной жизни. Чтобы они могли прожить автономно пару месяцев. Никаких ноутбуков, смартфонов, телевизоров. Даже радио в машинах включать запретил. Да, вашему сыну в Санкт-Петербург тоже позвонил. Так велела мне Ева. В офисе остались только самые надёжные ребята, которые завтра по моему сигналу запустят вирус в Сеть. Грядёт судный день, босс!

— Не делай этого, Майкл. Ты же не знаешь, что на этой флэшке. Если Ева так предостерегла вас, там, должно быть, нечто ужасное.

Молодой человек остановил коляску и упрямо произнёс:

— Ну и пусть. Она обещала отвезти меня к Магдалине. Чтобы вернуть любимую, я готов сойти в ад. Пусть весь мир летит в тартарары, лишь бы мы были вместе. Ева сказала, что другого шанса спастись у нас нет. И я ей верю.

— Позвони ещё в Ниццу. Номер в моем телефоне. Её зовут Анна.

«Господи! Прости их, ибо не ведают, что творят...» — впервые за много лет я начал читать молитву и потерял сознание.

Полицейский досмотр перед посадкой в самолёт. Ночной перелёт через весь континент. Аэропорт Майами. Взлётная полоса ещё не просохла после дождя. Меня, как куклу, перевозят в вертолёт. Огромная стрелокоза взмывает в небо. Посадочные огни потухают под нами. Запах моря. Его не спугаешь ни с чем.

— Вот мы и в безопасности, дорогой, — шепчет мне Ева.

Санитар делает мне укол, и сознание начинает проясняться.

Я снова в кабинете Моисея. Здесь всё и началось, родился сам проект идеальной жены. Теперь она живая, осязаемая сидит напротив Моисея и сама уже устанавливает правила игры.

— Вы обязаны сделать операцию Адаму. Только вы можете спасти его.

— Нет проблем, голубушка. Только вы сначала выполните свою часть договора. Вы кое-что обещали сенатору.

— Ну, если вы настаиваете, доктор. Можно мне воспользоваться вашим компьютером?

Ева садится на кресло Моисея и вставляет флэшку. Один щелчок мыши, и электронное письмо с вложенным файлом уходит Фрэнку.

— Как я понимаю, это новая нейтронная бомба, уничтожающая людей, но сохраняющая всю инфраструктуру. Браво, голубушка! Вы далеко пошли!

— Учителя были хорошие! Я сделала, что обещала. Теперь ваша часть.

В руке у Моисея неожиданно появляется блестящий пистолет.

— Мы ошиблись, Адам. Человек не может сотворить бога, у него всегда получится дьявол. Настало время исправить сделанную ошибку. Прощайте.

Он наводит пистолет на Еву, но рука сгибается под её пристальным взглядом. Оружие с глухим стуком падает на мягкий ворс персидского ковра.

Моисей устремляет гневный взор на своё взбунтовавшееся детище. Схватка двух великих гипнотизёров, двух великих жрецов не на жизнь, а на смерть. Финал. Четверть часа они пытаются испепелить взглядами друг друга. Глазные яблоки старика не выдерживают напряжения и начинают дымиться. Загораются синим пламенем, и очень скоро от них остаются только чёрные дымящиеся угли. Ноги доктора подкашиваются, и его бездыханное тело расплывается на ковре рядом с пистолетом.

— Отсылай сигнал своим парням, Майкл, — усталым голосом произносит Ева.

Теперь она командует на корабле. По селекторной связи вызывает заместителя Моисея. Приходит Магомет, тот парень, что возил нас в Вифлеем.

— Срочно отключить все компьютеры, телефоны, всю радиосвязь на борту. Ни на какие запросы не отвечать. Наш ковчег берёт курс на Коломбо. Полный вперёд! — командирским голосом приказывает она и добавляет. — Предупредите свою родню в пустыне. Мы можем принять их на борт, когда подойдём к Аравии.

— Слушаюсь, госпожа, — почтительно склоняет голову Магомет.

Я просыпаюсь среди ночи в каюте один. Евы нет рядом, но её сумка здесь, и вещи разбросаны. Странно, но никакой боли не чувствую. Подхожу к двери, но она заперта снаружи. Выглядываю в иллюминатор. Звёздное небо сливается с величественным, вздыхающим океаном. Телевизор отключён. Телефон тоже. Чтобы занять себя чем-нибудь, включаю видеокамеру, найденную на дне сумки жены.

Ева застаёт меня за просмотром ролика. Влетает в каюту, как фурия. Вырывает камеру из рук и со всей силы швыряет на пол. Аппарат разлетается вдребезги.

— Зачем? Зачем ты это смотрел? Ты же спал! Я вышла на считанные минуты, чтобы провести консилиум с врачами по поводу твоей завтрашней операции. Господи, какая же дура! Совсем забыла про эту камеру!

— Пастора жалко. Жестоко ты с ним обошлась.

— Он умер за свою веру. А вот какого чёрта ты это смотрел?

— Не волнуйся. Тебе это не идёт. Ты же дочь бога. Должна и вести себя соответственно.

— Ты сам прекрасно знаешь, чья я дочь и кто меня сотворил. Тебе всё равно не удастся так легко улизнуть от меня. Как бы ты ни старался. Я люблю тебя, мерзавец, и не дам тебе умереть. А ну давай дыши, как нас учил Бердяев! Ты будешь у меня дышать сутками, пока снова не захочешь жить.

Фрэнк вальяжной походкой заходит в бар, где тусуются геи. Он здесь завсегдатай. Заказывает выпивку. В баре многолюдно. Громко играет музыка. Он осматривается по сторонам в поисках хорошенького паренька. Но вдруг настроение его меняется, он достаёт из карманов гранаты и одну за другой швыряет их в толпу. Взрывы, крики, кровь, дым. Выдернув чеку у последней, он какое-то время сжимает гранату в кулаке, а потом решительно засовывает её себе в штаны. Взрывной волной меня отбрасывает на Цейлон. Мы с Евой снова живём на нашей благоухающей вилле. Все цветочки и зверушки тянутся к ней. Мы занимаемся любовью. Внезапно её животворящее лоно с треском лопается и превращается в огромную чёрную дыру. И я проваливаюсь в неё и снова лечу по бездонному колодцу в кромешной тьме. Бездна всё растёт и растёт. Она поглощает президентов и банкиров с яхтами и лимузинами, патриарха с ролексом и папу римского вместе с папамобилем, поэтов, учёных, космонавтов, армии, целые города с виллами, казино и небоскрёбами, народы и цивилизации. Всё, что когда-то было произведено женщиной на свет, забирается женщиной обратно, во тьму.

Наконец моё горло пересохло до такой степени, что я захотел пить. Радости Евы не было предела. Тёмные круги под глазами выдавали, что она не спала уже много ночей. Но как бы она ни старалась, заставить меня съесть что-нибудь не могла. Комок подступал к моему горлу, и я не мог проглотить ни крупички еды. Мне пробовали внутривенно вводить физиологические растворы, но вены прятались от иглолка, кожа вздувалась, и ничего, кроме синяков, я не получал.

Зато откуда брались мужские силы, не знаю. Я не выпускал Еву из постели. Видимо, когда организм приближается к смерти, срабатывает инстинкт продолжения рода. Как с глубокого похмелья, Ева тоже обезумела от страсти. Она поняла, что теряет меня, и ей до смерти захотелось забеременеть.

*Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.*

*Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашёл уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.*

*Там он жил в тени сухих смоковниц
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.*

*Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.*

Николай Гумилёв

— Я тебе задам любовниц, старый кобель. Всем волосы-то повыдеру и глаза выцарапаю, заруби себе на носу.

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

*И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Неё не надо света.*

Иннокентий Анненский

— Вот это уже лучше. Ближе к истине. Это мне нравится больше.

Самка доела богомола. Небытие всё-таки вырвало меня из объятий Евы. Я ошибался. Только смерть может быть идеальной вечной женой для мужчин, а для женщин — идеальным мужем, который никогда не подводит и всегда приходит в назначенный час.

Глава 4. Перезагрузка

*И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба...
Александр Пушкин*

В глубокой пещере высоко в горах догорал костёр. Через вход, прикрытый большим валуном, долетали остатки холодного ветра, и тогда угольки на кострище весело разгорались, а потом снова покрывались пеплом. И так при каждом вздохе стихии.

У костра сидели четверо — пожилые женщины.

— Сколько можно ещё мир спасать, пора подумать и о личной жизни! — завела разговор толстуха с испитым лицом.

— Да уж! — согласилась с ней другая. — Что-то засиделась в девках наша подопечная. За сорок уже. Нужна семья, дети.

— А где ей найти достойного спутника жизни? Одни туземцы вокруг! — вступилась седая дама аристократического вида.

— Неужели ничего нельзя придумать? Из любой ситуации есть выход, — высказалась четвертая старушка с короткой мальчишеской стрижкой. — Адам ведь нашёл.

— Ну-ка, ну-ка, — общество оживилось. — С этого места, пожалуйста, Виктория, подробнее.

— И так ясно как божий день. Оживлять мужика пора! — ответила за сестру Эльза.

— Мысль здравая! Только я бы всё-таки чуточку облагородила объект, — предложила Анна. — На мой взгляд, Адаму не хватало надёжности Поля.

— И мужественности Фрэнка! — добавила Вики.

— А мне ещё очень нравился тот студентик из соседнего подъезда, — подала голос София и отхлебнула дешёвого вина из бутылки.

— Тебя, пьянь, вообще никто не спрашивает! — повысила голос на соседку Эльза.

Она встала и обратилась ко всем:

— Так, бабоньки, хватит судачить! А то мы тут с вами наэкспериментируем ещё похлеще, чем с Евой. Человечество не оправилось после пришествия одной мессии, а вы второго собираетесь запустить. Нет уж, дудки. Воспроизводим точную копию Адама без каких-либо модификаций. И точка.

В подтверждение её слов сильный порыв ветра ворвался в пещеру и задул остатки костра.

Глубоко зевнув, Ева проснулась. Теперь она знала, что делать.

Магомет в почтительном поклоне передал премьер-министру запотевший от холода металлический цилиндр.

— Госпожа, вы уверены, что именно так хотите использовать ДНК вашего покойного супруга? Лаборанты проверили качество спермы. Я гарантирую вам здорового и полноценного наследника.

Ева покачала в руке контейнер, словно оценивая его вес, и задала сама себе вопрос вслух:

— Бетель или кокос?

— Что вы сказали, госпожа? — переспросил удивлённый секретарь. — Только не бетель. Это же такая гадость, госпожа. Не понимаю, как индусы его жуют. Они ещё смешивают листья с гашёной известью. Поэтому у них такие чёрные зубы. А у вас зубы белые и красивые. Вам нельзя бетель. Подданные не поймут.

— Это ты ничего не понимаешь, Магомет. Будет бетель, будет и кокос. Я приняла решение: клонируйте мне Адама. А дети — дело наживное.

Привет! Это снова я. Или почти я. Моё сознание ещё не до конца ассоциируется с личностью Адама, но Ева говорит, что это скоро пройдёт. А кто бы иначе дописал для вас его рукопись? Вы меня, поди, похоронили. Я и сам себя похоронил. Более того, я даже ходил на собственную могилу. Кому ещё такое удавалось? Монументальный, скажу вам, мавзолеей соорудила Ева в мою память. Почти Тадж-Махал.

Познакомился со своими внуками. У меня их аж семь. Некоторые даже старше своего деда. Дочери по возрасту годятся в матери. Жуть! Магдалина замужем за Майклом. Он министр науки и техники Новейшей Земли. А вот кто муж Марии, ни за что не угадаете! Глава всех буддистов планеты китаец Кун. Он с конфуцианской прозорливостью остановился в шаге от нирваны и женился на моей дочери. При встрече спросил, как там, между реинкарнациями.

— Холодно, — ответил я.

Хотя, может быть, соврал, ибо точно не помню.

О моём старшем сыне и Анне нет никаких известий. Европа разграблена и поделена между африканскими и тюркско-арабскими племенами.

Мои бывшие жёны так и не вернулись к мирской жизни. Или Ева не позволила им вернуться? Эльзе уже семьдесят пять, но выглядит неплохо. Она возглавляет Орден милосердия. Виктор принял монашество и живёт в Тибете. Говорят, он научился огнём собственного сердца высушивать на себе мокрую одежду в лютый мороз. Он весьма почитаемый лама.

Бердяев преподаёт философию в университете. Шива — верховный главнокомандующий. Песнь сирены зацепила его жену. И Еве пришлось воскресить его прежнюю возлюбленную Парвати. Я даже не смог считать, сколько у них детей. Шиве удалось провести ряд успешных военных операций. Благодаря его храбрости

и блестящему уму силы самообороны Новейшей Земли имеют на вооружении атомные подводные лодки, крейсера и авианосцы. От материковых варваров наш благословенный остров надёжно защищён.

Что касается Евы, то она по-прежнему прекрасна. Хотя ей пришлось изменить свою внешность, потому что мстительное человечество объявило настоящую охоту на посланницу дьявола. Она перекрасила волосы в чёрный цвет, похудела, сильно загорела и сразу стала походить на Анну, а не на Софию. Лёгкие морщинки появились под глазами. Она считает себя старой и называет меня глупым мальчиком.

Ева перестроила нашу прежнюю виллу. Здесь ещё больше цветов, но высокий забор отгораживает нас от остального мира.

После кибератаки сирены население Земли сильно сократилось. Особенно пострадали развитые страны. Золотой миллиард исчез, будто его и не было, а с ним ещё миллиарда три, пользовавшихся компьютерами, телефонами и смотревших телевидение. Элита была уничтожена полностью. В городах сохранились только маргиналы, но они быстро стали истреблять друг друга. Выжили сообщества, не охваченные цивилизацией: чукчи в тундре, бедуины в пустыне, пигмеи в джунглях. А ещё истинно верующие в Бога. Староверы в скитах, монахи, отшельники. Монастыри снова стали оплотом культуры и просвещения.

— А тебе их не жалко?

— Человечество было обречено. Кто-то должен был взять на себя смелость исполнить пророчество Христа, чтобы кроткие наследовали землю, а последние стали первыми. Богатые просто не пролезли в Царство Божие через игольное ушко. Воздух на планете очистился. Прекратилось истребление природы. Люди снова стали читать книги, ходить в театр, больше общаться друг с другом. Вернулась ценность простых человеческих отношений. Сейчас уже никто не просиживает дни напролёт за компьютерными играми, не лазает по порносайтам, не смотрит по ящику бесконечные сериалы. Страх

заставил человечество отказаться от сомнительных достижений цивилизации.

— Но как же студенты и школьники, выполнявшие задания при помощи Интернета, клерки в офисах? Пенсионеры, у которых телевизор был единственным окном в мир? Они в чём повинны?

Ева разозлилась:

— Лес рубят — щепки летят! Что такое зло? Это — неправильное применение добра. Человечеству полезно время от времени переживать перезагрузку. Я вначале не понимала, как после культурной Античности могло наступить мрачное невежественное Средневековье? А потом до меня дошло: нужна была такая встряска, чтобы люди снова стали людьми! Когда появились детские игрушки? В Средневековье. В Спарте хилых младенцев сбрасывали со скалы. В просвещённых Афинах немощных стариков выгоняли умирать за ворота. Сократ относился к женщине, как к собаке: её зовут, когда она нужна. Бесчеловечные бои гладиаторов, падение нравов в Риме. Античность не знала гуманизма, за что и поплатилась. Эпоха технократов повторила судьбу античного мира.

И вообще, это была не моя идея, а Фрэнка. Только он хотел истребить убогих и бедных, а потом и нас с тобой прикончить. Я лишь перенаправила удар. И хватит давить мне на жалость. Я боялась твоих гуманистических нравоучений, поэтому долго не воскрешала. И не забывай, это по твоей милости я выросла в пробирке, не знала материнского тепла и мне не привили ген милосердия!

— Алаверды, дорогая. Я тоже родом оттуда. А кто меня воскресил? Ты случайно не знаешь?

Она рассмеялась:

— Как ты смеешь разговаривать с премьер-министром в таком тоне, киборг проклятый! И зачем я только читала тебе Достоевского, когда ты рос во сне?

Я обнял её.

— А не пора ли нам подумать о потомстве?

Ева смерила меня оценивающим взглядом.

— Всё в твоих руках, дорогой. Но тебе придётся взять на себя управление государством и покорить оставшихся

варваров. Я хочу передать нашим детям в наследство эту планету.

К такому условию я не был готов.

– Бедненький, ты испугался, что не успеешь совершить все подвиги, пока я способна к деторождению? А ты постарайся, напрягись. Ты же мужчина. Но если варвары покажут строптивость и процесс затянется, ты знаешь, где меня искать после смерти. Только умоляю, больше никаких экспериментов!

– *Слава тем, чья любовь побеждает смерть!*

Мирра Лохвицкая

Январь – май 2013 года

Оглавление

Часть первая

ТВОРЕНИЕ.....	3
Глава 1. Полено для папы Карло	4
Глава 2. Венский вальс.....	16
Глава 3. Шоу трансвеститов.....	38
Глава 4. Дух капитализма.....	63
Глава 5. Рёбра Адама	79

Часть вторая

ПРИШЕСТВИЕ.....	87
Глава 1. Райские яблоки.....	88
Глава 2. Разорванное время	109
Глава 3. Песнь сирены	128
Глава 4. Перегрузка.....	143

Литературно-художественное издание

Барчук Дмитрий Викторович

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Постчеловеческая история

Ответственный за выпуск: *Е.Е. Степанова*

Корректор *Е.В. Литвинова*

Дизайнер *Л.Д. Кривоцова*

Оригинал-макет издательства «*Печатная мануфактура*»

Лицензия ИД № 03931 от 07.02.2001 г.

Подписано в печать 09.07.2013 г.

Формат 70x100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная 65 г.

Гарнитура NewtonС. Печ. л. 4,7. Усл. печ. л. 6,1.

Тираж 300 экз. Заказ 213.

ООО «Печатная мануфактура».

634055, г. Томск, а/я 3967.

Тел./факс: (3822) 493-119.

E-mail: pechat@tomsk.ru